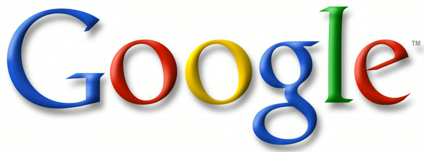

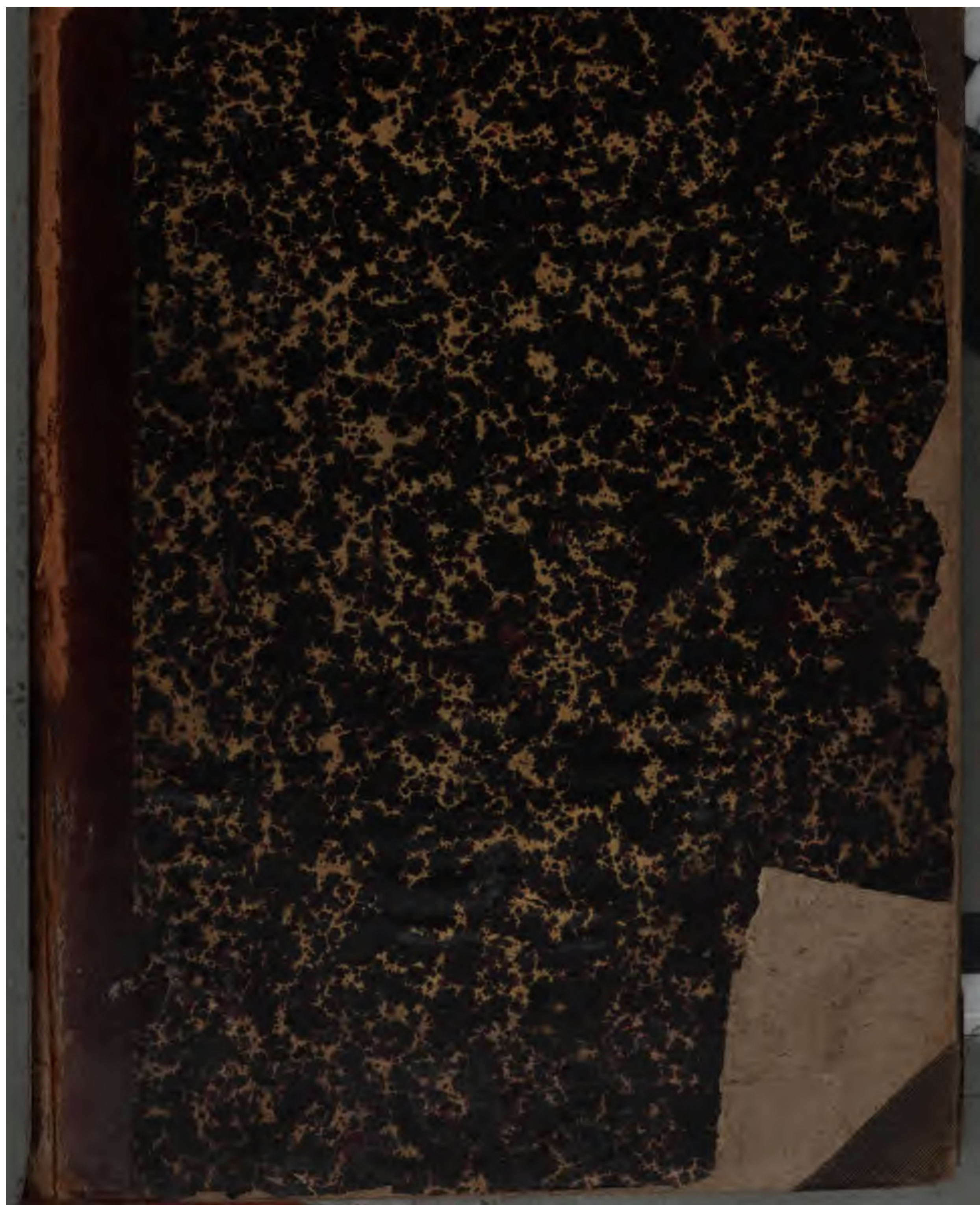

ING 1980

Дозв. ценз. С.-Петербургъ 8 Января 1892 г. Типо-Лит

Графъ Габсбургскій.

l,

ı).

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. Н. ЧУДИНОВА.
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ V-й.

БАЛЛАДЫ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

Полное собраніе баллад, съ примѣчаніями, объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Января 1892 г.

Предисловіе.

Древнѣйшимъ первообразомъ баллады слѣдуетъ признать средневѣковую кантилену, эту изначальную поэтическую форму ново-европейскихъ народовъ, лирико-эпическій характеръ которой сохранился въ провансальскихъ и шотландскихъ балладахъ трубадуровъ и бардовъ. Въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтій, этотъ поэтическій родъ, подъ обаяніемъ общаго увлеченія романтизмомъ, возродился въ произведеніяхъ лучшихъ поэтовъ этой эпохи, которые всѣ съ особенной любовью останавливались на балладѣ: Лафонтенъ и В. Гюго, В. Скоттъ, Соути и Бёрнсъ, Бюргеръ, Гёте, Шиллеръ, Уландъ и Гейне оставили высоко-художественную галлерею поэтическихъ образовъ, позаимствованныхъ изъ народныхъ преданій. У насъ наиболѣе яркимъ представителемъ этого рода поэзіи является В. А. Жуковскій, котораго такъ и называли современники „балладникомъ“.

Послѣ басни, баллада является поэтической формой всего болѣе удобной въ педагогическомъ отношеніи: и несложная фабула разсказа, доступная классному анализу, и простота лирическаго содержанія издавна упрочили за нею преимущественное вниманіе со стороны школы. Лучшія баллады знаетъ наизусть молодежь всѣхъ странъ, герои ихъ—давно знакомые всѣмъ намъ съ дѣтства образы, имена этихъ героевъ близки намъ со школьной скамьи. Благодаря высоко-поэтической передачѣ Жуковскаго, мы,

русскіе, такъ-же близко знаемъ бѣднаго Ивика, замокъ Смальгольмъ, Ленору, лѣсного царя, какъ и на родинѣ Шиллера, В. Скотта, Бюргера и Гёте. Въ виду этихъ соображеній, мы собрали, въ настоящемъ выпускѣ „Русской Классной Библіотеки", всѣ баллады Жуковскаго, снабдивъ ихъ примѣчаніями, необходимыми для того, чтобы сдѣлать текстъ ихъ общепонятнымъ. Почти всѣ онѣ представляютъ богатый матеріалъ для класснаго изученія литературной формы, составляющей переходную ступень къ поэмѣ и существенно необходимой для пониманія болѣе сложныхъ формъ послѣдней.—Кромѣ того, настоящій выпускъ имѣетъ важное значеніе и для характеристики литературной дѣятельности Жуковскаго, такъ какъ въ балладахъ именно выражается она наиболѣе яркимъ и рельэфнымъ образомъ.

Всѣ баллады раздѣлены у насъ на три отдѣла, по времени, къ которому относится ихъ содержаніе: 1) древне-классическій міръ; 2) средніе вѣка и 3) новое время. Помѣщаемыя въ концѣ выпуска статьи представляютъ образцы разборъ балладъ.

Портретъ Жуковскаго на оберткѣ и рисунокъ, изображающій сцену изъ баллады „Графъ Габсбургскій", дополняютъ содержаніе настоящаго выпуска.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Предисловіе I

А) Изъ древне-классической жизни.

1) Жалоба Цереры 1
2) Кассандра 6
3) Элевзинскій праздникъ 11
4) Поликратовъ перстень 19
5) Ивиковы журавли 23
6) Торжество побѣдителей 30
7) Ахиллъ 36

Б) Изъ средневѣковой жизни.

1) Кубокъ 44
2) Перчатка 50
3) Старый рыцарь 52
4) Сраженіе со змѣемъ 53
5) Графъ Габсбургскій 58
6) Рыцарь Тогенбургъ 62
7) Судъ Божій надъ епископомъ 65
8) Адельстанъ 68
9) Пустынникъ 74
10) Варвикъ 79
11) Эолова арфа 85
12) Гаральдъ 93
13) Алонзо 95
14) Королева Урака и пять мучениковъ 97
15) Покаяніе 103
16) Судъ Божій 110
17) Двѣ были и еще одна 115
18) Роландъ оруженосецъ 126
19) Плаваніе Карла Великаго 134

стр.
20) Уллинъ и его дочь 136
21) Замокъ Смальгольмъ. 138
22) Доника. 145
23) Рыцарь Роллонъ 149

В) Изъ разныхъ эпохъ.

1) Лѣсной царь 152
2) Узникъ 153
3) Три пѣсни 158
4) Алина и Альсимъ. . . . . —
5) Эльвина и Эдвинъ. 166
6) Братоубійца 169
7) Рыбакъ. 172
8) Баллада 173
9) Ленора 180
10) Людмила 188
11) Свѣтлана 196
12) Двѣнадцать спящихъ дѣвъ 204
Баллада первая „Громобой“ 205
„ вторая „Вадимъ“. 234

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ БАЛЛАДЪ ЖУКОВСКАГО:

I) Значеніе баллады. 263
II) Ивиковы журавли. 270
III) Ленора и Людмила 287

БАЛЛАДЫ В. А. ЖУКОВСКАГО.

А) Изъ древне-классической жизни.

1) Жалоба Цереры [1]).

ШИЛЛЕРА.

Снова геній жизни вѣетъ,
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ,
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,

---

[1]) Деметра—у римлянъ наз. Церерой—дочь Кроноса (время) и Реи (земля), сестра Зевса, въ качествѣ божественной матери-земли, была покровительницей растительнаго царства, милостивой и благодатной богиней, кормилицей людей. Дочь ея Персефона—у римлянъ Прозерпина—съ дозволенія Зевса, была увезена Аидомъ (Гадесомъ) въ преисподнюю. Содержаніе баллады—безутѣшное горе богини-матери, тщетно отыскивающей свою дочь по землѣ. Скорбь ея находитъ примиреніе въ надеждѣ: осенью положитъ она сѣмена въ землю, сѣмена пустятъ ростки, превратятся въ растеніе, корни котораго проникнутъ въ мрачное царство Аида, и весною она получитъ отъ этихъ сѣмянъ цвѣты, какъ вѣсточку отъ дочери къ ней, на землю, а благоуханіе ихъ будетъ символомъ любви, всеутѣшающимъ и всеисцѣляющимъ.—Шиллеръ написалъ эту элегію-балладу въ 1796 г., подъ вліяніемъ сильнаго горя отъ смерти младшей сестры своей Наннеты, нѣжно любимой имъ и безвременно сошедшей въ могилу. Подобное-же горестное настроеніе вдохновило и Жуковскаго при выборѣ этой баллады для перевода. Она написана подъ впечатлѣніемъ двухъ жестокихъ потрясеній, пережитыхъ поэтомъ: кончины Императрицы Маріи Ѳеодоровны (1828) и любимой племянницы Жуковскаго А. А. Воейковой (1829).

И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Всё цвѣтетъ—лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ее искала,
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи [1]);
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тьмы Эреба [2])
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ....
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ [3]).

Кто жъ мое во муракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона [4]),
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится;

---

[1]) Аполлонъ—богъ свѣта. „Апол. лучи"—метафорическое названіе солнечныхъ лучей.

[2]) Эребъ (источникъ мрака) и ночь—произведенія хаоса—зіяющаго неизмѣримаго міроваго пространства, существовавшаго прежде всѣхъ вещей, мрачнаго, первоначальнаго источника всякой жизни на землѣ (Теогон. Гезіода).

[3]) Аидъ—у римлянъ Плутонъ или Гадесъ—богъ подземнаго царства, братъ Зевса, мужъ Прозерпины, дочери Цереры.

[4]) Харонъ, сынъ Эреба и Ночи, старый, грязный перевозчикъ въ подземномъ царствѣ, перевозившій черезъ рѣки ада тѣни погребенныхъ умершихъ.

Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ [1]);
Тьма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.

Сколь завидна мнѣ печальной
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальный
Возвращаетъ имъ дѣтей [2]);
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
Парки [3]) строгія щадятъ....
Парки, парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать;
Правъ богини не щадите [4]):
Вы обрадуете мать.

Въ тотъ предѣлъ—гдѣ утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ—свободной тѣнью
Полетѣла бъ я тогда;
Близъ супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;

---

[1]) Стиксъ—рѣка, опоясывающая все подземное царство.

[2]) Т. е. смертныя могутъ умереть и въ царствѣ тѣней встрѣтятся съ своими дѣтьми; богиня-же безсмертна.

[3]) Римскія *парки* или греческія *мойры*—богини, опредѣляющія время рожденія человѣка, прядущія ему нить жизни и указывающія его кончину.

[4]) Правъ богини на безсмертіе.

*

И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Всё однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ [1]) прекрасный;
Всё на вѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать неволенъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида [2])
Не сойдетъ на Ахеронъ [3])!

Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой,
Въ сладко памятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?...
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:

---

[1]) Геліосъ—богъ солнца, провозящій по небу на огнедышащихъ коняхъ блестящую солнечную колесницу.

[2]) Ирида — олицетвореніе радуги, соединяющей небо и землю, посланница боговъ, переносящая порученія ихъ на землю и въ подземный міръ.

[3]) Ахеронъ—одна изъ рѣкъ подземнаго царства, чрезъ которую должны переправляться тѣни умершихъ.

Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ [1]).

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея [2])
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ желтѣя,
И лѣса обнажены:
Изъ руки Вертумна [3]) щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.

Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба [4]),
Корень Стиксовой струёй.

---

[1]) Цвѣты, какъ символъ выраженія и обмѣна чувствъ.

[2]) Борей—сѣверо-восточный вѣтеръ, холодный, приносящій ясную погоду и здоровый для Европы. „Хладъ Борея"—метафорич. выраженіе осени.

[3]) Вертумнъ—этрусскій богъ превращеній, посылавшій цвѣтущую весну, обильное жатвой лѣто и преимущественно покровительствовавшій осени.

[4]) Фебъ, одно изъ прозваній Аполлона, какъ бога подателя благъ и охранителя порядка и всего добраго и прекраснаго въ природѣ и въ человѣческой жизни.

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня.
И приходятъ отъ Коцита [1])
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призванье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О! привѣтствую васъ, чада
Разцвѣтающихъ полей;
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей;
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Аврорйнымъ [2]) сіяньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

2) Кассандра[3]).

Шиллера.

Все въ обители Пріама
Возвѣщало брачный часъ,

---

[1]) Коцитъ — горькая рѣка плача изъ подземнаго міра, впадающая въ р. Ахеронъ.

[2]) Аврора—у грековъ Эосъ—розоперстая богиня утренней зари.

[3]) Кассандра — или Александра — прекрасная дочь троянскаго царя Пріама. Аполлонъ полюбилъ ее и, по ея просьбѣ, одарилъ ее даромъ

Запахъ розъ и ѳиміама,
      Гимны дѣвъ и лирный гласъ.
Спитъ гроза минувшей брани,
      Щитъ и мечъ и конь забытъ,
Облеченъ въ пурпурны ткани
      Съ Поликсеною Пелидъ [1]).

Дѣвы, юноши, четами
      По узорчатымъ коврамъ,
Украшенные вѣнками,
      Идутъ веселы во храмъ;
Стогны[2]) дышутъ ѳиміамомъ;
      Въ злато царскій домъ одѣтъ;
Снова счастье надъ Пергамомъ [3])...
      Для Кассандры счастья нѣтъ.

Уклонясь отъ лирныхъ звоновъ,
      Нелюдима и одна,
Дочь Пріама въ Аполлоновъ
      Древній лѣсъ удалена.

предвѣдѣнія, но, отвергнутый ею, присоединилъ къ этому дару условіе, что предсказаніямъ ея никто не будетъ вѣрить. Несчастіе ея не столько въ томъ, что ей не вѣрятъ, сколько въ ясномъ знаніи будущаго, въ предвѣдѣніи всѣхъ бѣдствій, ожидающихъ ее самоё, всѣхъ близкихъ и родину, въ предвѣдѣніи неотвратимости этихъ бѣдствій и, какъ слѣдствіе послѣдняго обстоятельства, въ отсутствіи всякой надежды на будущее. Почему такое мрачное настроеніе немыслимо для истиннаго христіанина? (Вѣра въ безконечное милосердіе Божіе и загробную жизнь).

[1]) Дѣйствіе происходитъ въ тотъ моментъ Троянской войны, когда Троянцы ликуютъ въ предвкушеніи скораго окончанія войны и наступленія давно желаннаго мира. Къ этому общему торжеству присоединяется семейное въ домѣ Пріама. Онъ готовится къ брачному торжеству дочери своей Поликсены съ Пелидомъ. А между тѣмъ, деревянный конь грековъ уже ввезенъ въ городъ, и вѣщее сердце Кассандры, въ противоположность общему ликованію, чуетъ близкое бѣдствіе и смерть....

[2]) Стогны (церков. слав.)—площадь.

[3]) Пергамъ—акрополь Трои, съ дворцами Пріама, Гектора и Париса и храмомъ Паллады-Аѳины.

Сводомъ лавровъ осѣненна,
Сбросивъ жреческій покровъ,
Провозвѣстница священна
Такъ роптала на боговъ:

„Тамъ шумятъ веселыхъ волны;
Всѣмъ душа оживлена;
Мать, отецъ надеждой полны;
Въ храмъ сестра приведена.
Я одна мечты лишенна;
Ужасъ мнѣ—что радость тамъ;
Вижу, вижу: окрыленна
Мчится Гибель на Пергамъ.

Вижу факелъ—онъ свѣтлѣетъ
Не въ Гименовыхъ[1]) рукахъ,
И не жертвы пламя рдѣетъ
На сгущенныхъ облакахъ;
Зрю пировъ уготовленье...
Но... горѣ, по небесамъ
Слышно бога приближенье,
Предлетящаго бѣдамъ.

„И вотще мое стенанье,
И печаль моя мнѣ стыдъ:
Лишь съ пустынями страданье
Сердце сирое дѣлитъ.
Отъ счастливыхъ отчужденна,
Веселящимся позоръ,
Я тобой всѣхъ благъ лишенна,
О предвѣдѣнія взоръ!

„Что Кассандрѣ даръ вѣщанья
Въ семъ жилищѣ скромныхъ чадъ

[1]) Гименъ—богъ брака, сынъ Аполлона и одной изъ музъ.

Безмятежнаго незнанья,
И блаженныхъ имъ стократъ?
Ахъ! почто она предвидитъ
То, чего не отвратитъ?...
Неизбѣжное пріидетъ,
И грозящее сразитъ.

„И спасу ль ихъ, открывая
Близкій ужасъ ихъ очамъ?
Лишь незнанье—жизнь прямая;
Знанье—смерть прямая намъ.
Фебъ, возьми твой даръ опасный,
Очи мнѣ спѣши затмить;
Тяжко истины ужасной
Смертного скуделью[1]) быть.

„Я забыла славить радость,
Ставъ пророчицей твоей.
Слѣпоты погибшей сладость,
Мирный мракъ минувшихъ дней,
Съ вами скрылись наслажденья!
Онъ мнѣ будущее далъ,
Но веселіе мгновенья
Настоящаго отнялъ.

„Никогда покровъ вѣнчальный,
Мнѣ главы не осѣнитъ:
Вижу факелъ погребальный;
Вижу: ранній гробъ открытъ.
Я съ родными скучну младость
Всю утратила въ тоскѣ—
Ахъ, могла ль дѣлить ихъ радость,
Видя скорбь ихъ вдалекѣ?

---

[1]) Скудель—черепичный сосудъ, нѣчто хрупкое, слабое, бренное.

„Ихъ ласкаетъ ожиданье;
Жизнь, любовь передо мной;
Все окрестъ очарованье—
Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна;
Міръ цвѣтущій пустъ и дикъ...
Ахъ! сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ея проникъ!

„Сладкій жребій Поликсены!
Съ женихомъ рука съ рукой,
Взоръ любовью распаленный,
И гордясь сама собой,
Благъ своихъ не постигаетъ:
Въ сновидѣніяхъ златыхъ,
И безсмертья не желаетъ
За одинъ съ Пелидомъ мигъ.

„И моей любви открылся
Тотъ, кого мы ждемъ душой:
Милый взоръ ко мнѣ стремился,
Полный страстною тоской...
Но—для насъ передъ богами
Брачный гимнъ не возгремитъ [1];
Вижу: грозно между нами
Тѣнь Стигійская стоитъ.

„Духи, блѣдною толпою
Покидая мрачный адъ,
Вслѣдъ за мной и предо мною,
Неотступные летятъ;

---

[1]) Сказаніе, передаваемое Виргиліемъ, повѣствуетъ, что Кассандра предсказала своему жениху, прекрасному Каребу, смерть его: онъ палъ, защищая свою невѣсту.

Въ рѣзвы юношески лики
    Вносятъ ужасъ за собой;
Внемля радостные клики,
    Внемлю ихъ надгробный вой.

„Тамъ сокрытый блескъ кинжала;
    Тамъ убійцы взоръ горитъ;
Тамъ невидимаго жала
    Ядъ погибелью грозитъ.
Все предчувствуя и зная,
    Въ страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная;
    Я въ чужбинѣ гробъ найду...“ [1])

И слова еще звучали...
    Вдругъ... шумитъ священный лѣсъ...
И зефиры гласъ примчали:
    „Палъ великій Ахиллесъ!“ [2])
Машутъ Фуріи зміями,
    Боги мчатся къ небесамъ...
И карающій громами
    Грозно смотритъ на Пергамъ.

3) Элевзинскій праздникъ [3]).

Шиллера.

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;

---

[1]) Кассандра погибла съ Агамемнономъ, которому досталась при раздѣлѣ добычи по взятіи Трои, въ Микенахъ, отъ рукъ убійцъ, подосланныхъ Эгистомъ.

[2]) Ахиллесъ былъ убитъ скрывшимся за колонною Парисомъ, когда посватался за Поликсену и пришелъ въ храмъ.

[3]) Празднество, устраивавшееся въ г. Елевсинѣ, расположенномъ въ 2 миляхъ отъ Аѳинъ, на мегарской границѣ, въ честь богини земледѣлія Деметры (Цереры). См. балл. „Жалоба Цереры“.

Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ,
И пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте.
Церера сдружила враждебныхъ людей;
Жестокіе нравы смягчила;
И въ домъ постоянный межъ нивъ и полей
Шатеръ подвижной обратила [1]).

Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ [2]) въ пещерахъ скалъ;
По полямъ Номадъ [3]) скитался
И поля опустошалъ;
Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами,
Грозенъ, бѣгалъ по лѣсамъ...
Горе брошеннымъ волнами
Къ непріютнымъ ихъ брегамъ!

Съ Олимпійскія вершины
Сходитъ мать Церера въ слѣдъ
Похищенной Прозерпины: [4])
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуетъ храмъ.

Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ [5]);

---

[1]) Введеніе земледѣлія содѣйствовало прекращенію кочевого образа жизни и упроченію осѣдлаго.

[2]) Грубые первобытные поселенцы Эѳіопіи, жившіе въ пещерахъ.

[3]) Номады—дикія кочевыя племена степей.

[4]) См. прим. къ заглавію баллады: „Жалоба Цереры“.

[5]) Людоѣдство, распространенное среди дикихъ до-историческихъ нравовъ первобытныхъ кочевыхъ дикарей.

И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ,
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ.

„Ты-ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человѣкъ?
Для того-ль тебя красою
Олимпійскою облекъ
Богъ боговъ и во владѣнье
Міръ земной тебѣ отдалъ,
Чтобъ ты въ немъ, какъ въ заточеньѣ
Узникъ брошенный, страдалъ?

„Иль ни въ комъ между богами
Сожалѣнья къ людямъ нѣтъ,
И могучими руками
Ни одинъ изъ бездны бѣдъ
Ихъ не вырветъ? Знать къ блаженнымъ
Скорбь земная не дошла?
Знать одна я огорченнымъ
Сердцемъ горе поняла?

„Чтобъ изъ низости душею
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ;
Чти законъ временъ спокойной;
Знай теченье лунъ и лѣтъ,
Знай, какъ движется подъ стройной
Ихъ гармоніею свѣтъ.“

И мгновенно разступилась
Тьма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божествомъ предъ дикарей:

Кончивъ бой, они, какъ тигры,
Изъ черепьевъ вражьихъ пьютъ,
И ее на звѣрски игры
И на страшный пиръ зовутъ.

Но богиня, съ содроганьемъ
Отвратясь, рекла: богамъ
Кровь противна: съ симъ даяньемъ
Вы, какъ звѣри, чужды намъ;
Чистымъ чистое угодно:
Даръ, достойнѣйшій небесъ:
Нивы колосъ первородной,
Сокъ оливы, плодъ древесъ.

Тутъ богиня исторгаетъ
Тяжкій дротикъ у стрѣлка;
Остріемъ его пронзаетъ
Грудь земли ея рука:
И беретъ она живое
Изъ вѣнца главы зерно,
И въ пронзенное земное
Лоно—брошено оно.

И выводитъ молодые
Класы тучная земля;
И повсюду, какъ златыя
Волны, зыблются поля.
Ихъ она благословляетъ,
И колосья въ снопъ сложивъ,
На смиренный возлагаетъ
Камень жертву первыхъ нивъ.

И гласитъ: „Прими даянье,
Царь Зевесъ, и съ высоты
Намъ подай знаменованье,
Что доволенъ жертвой ты.

Вѣчный богъ, сними завѣсу
Съ нихъ, не знающихъ тебя:
Да поклонятся Зевесу,
Сердцемъ правду возлюбя".

Чистой жертвы не отринулъ
На Олимпѣ царь Зевесъ;
Онъ во знаменіе кинулъ
Громъ излучистый съ небесъ:
Вмигъ алтарь воспламенился;
Къ небу жертвы дымъ взлетѣлъ,
И надъ ней горѣ явился
Зевсовъ пламенный орелъ.

И чудо проникло въ сердца дикарей;
Упали во прахъ передъ дивной Церерой:
Исторгнулись слезы изъ грубыхъ очей,
И сладкой сердца растворилися вѣрой.
Оружіе кинувъ, тѣснятся толпой
И ей воздаютъ поклоненье;
И съ видомъ смиреннымъ, покорной душой
Пріемлютъ ея поученье.

Съ высоты небесъ нисходитъ
Олимпійцевъ свѣтлый сонмъ;
И Ѳемида [1]) ихъ предводитъ,
И своимъ она жезломъ
Ставитъ грани юныхъ, жатвой
Озлатившихся полей,
И скрѣпляетъ первой клятвой
Узы первыя людей.

И приходитъ благъ податель,
Другъ пировъ, веселый Комъ [2]);

---

[1]) Ѳемида—жена Зевса, олицетвореніе порядка и законности.
[2]) Комусъ—богъ пиршествъ.

Богъ, ремеслъ изобрѣтатель,
Онъ людей дружитъ съ огнёмъ;
Учитъ ихъ владѣть клещами;
Движетъ мѣхомъ, млатомъ бьетъ,
И искусными руками
Первый плугъ имъ создаетъ.

И во слѣдъ ему Паллада [1])
Копьеносная идетъ,
И боговъ къ строенью града
Крѣпкостѣннаго зоветъ:
Чтобъ-пріютно-безопасный
Кровъ толпамъ бродящимъ дать,
И въ одинъ союзъ согласный
Миръ разсѣянный собрать.

И богиня утверждаетъ
Града новаго чертежъ;
Ей покорный, означаетъ
Терминъ [2]) камнями рубежъ;
Цѣпью смѣряна равнина;
Холмъ глубокимъ рвомъ обвитъ;
И могучая плотина
Гранью бурныхъ водъ стоитъ.

Мчатся Нимфы, Ореады [3])
(За Діаной [4]) по лѣсамъ

---

[1]) Паллада-Аѳина—богиня мудрости, дочь Зевса, родившаяся изъ его головы.

[2]) Терминъ — римскій богъ межи и пограничнаго камня, считавшихся священными и находившихся подъ особеннымъ его покровительствомъ.

[3]) Ореады — нимфы горъ. Нимфы вообще составляли низшій классъ божествъ, служившихъ олицетвореніемъ силъ природы.

[4]) Діана или Артемида—дочь Зевса, богиня-заступница и спасительница, даетъ свѣтъ и жизнь, охраняетъ стада, любитъ лѣсныхъ животныхъ, но и охотится за ними.

Чрезъ потоки, водопады,
По долинамъ, по холмамъ,
Съ звонкимъ скачущія лукомъ);
Блещетъ въ ихъ рукахъ топоръ,
И обрушился со стукомъ
Побѣжденный ими боръ.

И, Палладою призванный,
Изъ зеленыхъ водъ встаётъ
Богъ, осокою вѣнчанный,
И тяжелый строитъ плотъ;
И сіяя низлетаютъ
Оры [1]) легкія съ небесъ,
И въ колонну округляютъ
Суковатый стволъ древесъ.

И во грудь горы вонзаетъ
Свой трезубецъ Посидонъ [2]);
Слой гранитный отторгаетъ
Отъ ребра земного онъ;
И въ рукѣ своей громаду,
Какъ песчинку онъ несетъ,
И огромную ограду
Во мгновенье создаетъ.

И вливаетъ въ струны пѣнье
Свѣтлоглавый Аполлонъ:
Пробуждаетъ вдохновенье
Ихъ согласно-мѣрный звонъ;
И веселыя Камены [3])
Сладкимъ хоромъ съ нимъ поютъ,

---

[1]) Оры—нимфы горъ.

[2]) Посейдонъ, братъ Зевса, богъ морей.

[3]) Камены (поющія) у римлянъ тоже, что греческія музы, богини пѣнія, впослѣдствіи покровительницы различнаго рода искусствъ.

И красивыхъ зданій стѣны
Подъ напѣвъ ихъ возстаютъ.

И творитъ рука Цибелы [1])
Створы вратъ городовыхъ:
Держатъ петли ихъ дебелы,
Утвержденъ замокъ на нихъ;
И чудесное творенье
Довершаетъ, въ честь богамъ,
Совокупное строенье
Всѣхъ боговъ, великій храмъ.

И Юнона [2]), съ окомъ яснымъ
Низлетѣвъ отъ высоты,
Сводитъ съ юношей прекраснымъ
Въ храмѣ дѣву красоты;
И Киприда [3]) обвиваетъ
Ихъ гирляндою цвѣтовъ,
И съ небесъ благословляетъ
Первый бракъ отецъ боговъ.

И съ торжественной игрою
Сладкихъ лиръ, поющихъ въ ладъ,
Вводятъ боги за собою
Новыхъ гражданъ въ новый градъ;
Въ храмѣ Зевсовомъ царица
Мать Церера тамъ стоитъ,
Жжетъ куренія, какъ жрица,
И пришельцамъ говоритъ:

---

[1]) Азіятская Кибела или Цибела—у грековъ Рея,—великая матерь боговъ, супруга Кроноса, олицетвореніе всепроизводящей матери-земли.

[2]) Юнона или Гера, жена Зевса, покровительница браковъ и семейнаго начала.

[3]) Киприда—одно изъ названій Венеры, богини любви.

„Въ лѣсѣ ищетъ звѣрь свободы,
„Правитъ всѣмъ свободно богъ,
„Ихъ законъ—законъ природы.
„Человѣкъ, пріявъ въ залогъ
„Зоркій умъ—звено межъ ними—
„Для гражданства сотворенъ:
„Здѣсь лишь нравами одними
„Можетъ быть свободенъ онъ.

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ;
И съ пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте:
Всю землю богининъ приходъ измѣнилъ;
Признавши ея руководство,
Въ союзъ человѣкъ съ человѣкомъ вступилъ,
И жизни постигъ благородство.

Части баллады: 1) Дикое состояніе человѣка до земледѣлія. 2) Появленіе земледѣлія. 3) Развитіе образованія, какъ слѣдствія его. 4) Нравственное благородство человѣка.

4) Поликратовъ [1]) перстень.

ШИЛЛЕРА.

На кровлѣ онъ стоялъ высоко,
И на Самосъ богатый око
Съ весельемъ гордымъ преклонялъ:
„Сколь щедро взысканъ я богами!
„Сколь счастливъ я между царями!"
Царю Египта онъ сказалъ.

[1]) Поликратъ—тиранъ самосскій (530 до Р. Х.) возвысилъ значеніе Самоса до степени самой сильной морской державы на Эгейскомъ морѣ. Стараясь упрочить свое положеніе союзами, онъ предлагалъ союзъ египетскому царю Амасису, который, изъ недовѣрія къ прочности такого изъ ряда вонъ выходящаго счастія, отказался отъ него.

— Тебѣ благопріятны боги:
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель;
Пока онъ дышетъ... побѣдитель,
Недовѣряй своей судьбѣ.—

Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ:
„Побѣдой ты украшенъ новой;
Да обовьетъ опять лавровой
Главу властителя вѣнецъ;

Твой врагъ постигнутъ строгой местью;
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Полидоръ“.
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.

И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
— Страшись! Судьба очарованьемъ
Тебя къ погибели влечётъ.
Невѣрныя морскія волны
Обломковъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ.—

Еще слова его звучали...
А клики брегъ ужъ оглашали,
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.

И гость, увидя то, блѣднѣетъ.
— Тебѣ фортуна благодѣетъ.

Но ты не вѣрь, здѣсь хитрый ковъ,
Здѣсь тайная погибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ.—

И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой:
„Побѣда, царь! Судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ Критскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала“.

Испуганъ гость нежданой вѣстью...
— Ты счастливъ; но Судьбины лестью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставалися онѣ.

И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Неизмѣняемо, казалось,
Я Силой вышней былъ хранимъ;
Всѣ блага прочилъ я для сына...
Его, его взяла Судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.

Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя Власти
Подлить печали въ твой фіалъ.
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:
Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

Когда жъ въ несчастьи Рокъ откажетъ,
Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.

Твои сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ.—

Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ:
„Моимъ избраннымъ достояньемъ
„Донынѣ этотъ перстень былъ;
„Но я готовъ Властямъ незримымъ
„Добромъ пожертвовать любимымъ“...
И перстень въ море онъ пустилъ.

На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
„Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь“.

Царь изъявилъ благоволенье...
Вдругъ царскій поваръ въ изступленьѣ
Съ нежданой вѣстію бѣжитъ:
„Найденъ твой перстень драгоцѣнный:
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножемъ моимъ открытъ“.

Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: „Бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ:
На смерть ты обреченъ Судьбою;
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою...“
Сказалъ—и разлучился съ нимъ.

Главная мысль баллады: Сильной кистью своею поэтъ рисуетъ образъ человѣка, который не знаетъ бѣдствій. Масса даровъ безумнаго счастья осыпаетъ голову Поликрата. Этому пожирателю благъ авторъ противопоставляетъ египтянина: изъ унылой пустыни своей онъ вынесъ глубокое убѣжденіе, что должна быть высшая справедливость, которая уравниваетъ мѣру

благъ—по заслугамъ людей. Послѣ явнаго нарушенія справедливости при безошибочно разсчитанномъ испытаніи судьбы (чудеснаго возвращенія перстня), египтянинъ не можетъ болѣе оставаться въ домѣ человѣка, который служитъ лишь для явнаго издѣвательства боговъ надъ послѣдними требованіями справедливости,—и онъ бѣжитъ отъ него, объятый ужасомъ.

5) Ивиковы [1]) журавли.

Шиллера.

На Посидоновъ [2]) пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы [3])
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

---

[1]) Ивикъ—греческій поэтъ-лирикъ (528 до Р. Х.) изъ Регіи въ Нижней Италіи. Изъ произведеній его уцѣлѣло лишь нѣсколько отрывковъ. Извѣстенъ разсказъ, что онъ былъ убитъ на пути къ истмійскимъ играмъ разбойниками, и смерть его была открыта журавлями, по словамъ однихъ писателей,—благодаря мстительнымъ Эринніямъ—по словамъ другихъ и по собственной болтливости убійцъ, по мнѣнію Плутарха. Шиллеръ переноситъ всю силу разоблаченія убійства на то настроеніе, которое овладѣло и зрителями греческаго театра, и убійцами, подъ сильнымъ впечатлѣніямъ только что выслушанной сцены. Такимъ образомъ, сказаніе объ Ивикѣ получаетъ въ этой балладѣ глубокій смыслъ, раскрывая одно изъ знаменательнѣйшихъ явленій эллинской жизни: передъ читателями ярко выступаетъ сущность греческой трагедіи и нравственное значеніе греческаго театра. Съ другой стороны, нравственное просвѣтленіе преступника, хотя и можетъ быть разсматриваемо въ связи съ чисто языческимъ вѣрованіемъ эллиновъ въ неотвратимую силу Рока (судьбы), вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывается столь родственнымъ чисто христіанскимъ воззрѣніямъ.

[2]) Общественныя игры, устраивавшіяся въ Истмѣ (Коринѳѣ), въ честь бога морей—Посидона.

[3]) Чада Гелы—эллины. Гелла была дочь Аѳаманта и Нефелы, на пути въ Колхиду свалившаяся съ золотого барана и потонувшая въ проливѣ, отчего и самый проливъ получилъ названіе Геллеспонта.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокориноъ [1]) и горы,
Слiянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ [2]) лѣсъ...
Все тихо: листъ не колыхнется;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

„О спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменiемъ мнѣ!
Сказавъ: прости! родной странѣ,
Чужаго брега посѣтитель,
Ищу прiюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничьей главы".

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой....
И зритъ—убiйцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами [3]),
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ.....
Лишь эхо стоны повторяетъ,—

---

[1]) Крѣпость Коринѳа, расположенная на возвышенной части города.

[2]) По пути къ Коринѳу, находился лѣсъ, посвященный Посейдону и названный его именемъ.

[3]) Постоянной принадлежностью греческаго пѣвца-поэта была лира, подъ звуки которой они сказывали свои пѣсни. Отсюда лира получила эмблематическое значенiе поэзiи у всѣхъ европейскихъ народовъ.

Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
„И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей [1]);
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей“.

И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной....
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенящій гласъ.
„Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу!“

И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
„И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ“.

И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ [2]) Аполлона...
Вся Греція поражена!
Для всѣхъ сердецъ печаль одна,

---

[1]) Среди грековъ было распространено вѣрованіе, что душа покойника, не преданнаго землѣ, осуждена блуждать по берегамъ Стикса и не можетъ достигнуть елисейскихъ полей. Только тяжкіе преступники оставлялись безъ погребенія. Понятна поэтому причина отчаянія Ивика въ виду неизбѣжности подобной кончины.

[2]) Наперсникомъ, т. е. любимцемъ Аполлона, бога поэзіи, названъ Ивикъ.

И съ дикимъ ревомъ изступленья
Притановъ [1]) окружилъ народъ,
И вопитъ: „Старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!“

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лице врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ;
И кто жъ—разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ [2]) то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.

Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра [3]) за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),

---

[1])Ританы—старшины народа, въ исключительныхъ случаяхъ, принимавшіе на себя обязанность судій.

[2]) Геліосъ—богъ солнца.

[3]) Зданіе амфитеатра предназначалось не только для драматическихъ представленій, но служило мѣстомъ дѣйствія разнаго рода торжествъ и празднествъ, какъ и въ данномъ случаѣ, въ Коринѳѣ. Мѣста для зрителей располагались полукругомъ, въ видѣ террасъ, возвышающихся одна надъ другою и раздѣленныхъ на нѣсколько клинообразныхъ отдѣленій. Въ срединѣ амфитеатра находилась площадка для хора, а за нею сцена. Поэтъ рисуетъ яркую картину подобнаго амфитеатра, наполненнаго зрителями, ожидающими начала представленія.

Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далёкой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окружонъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада [1];
Не здѣсь ихъ колыбель была.
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земнаго перешла.

Идутъ съ поникшими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И свитыя межъ ихъ власовъ
Ехидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

---

[1]) „Персти чада“—дѣти тлѣнія, т. е. обыкновенные смертные.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній [1]) страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ.

„Блаженъ, кто не знакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ;
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.

„Не мните скрыться—мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну,—мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ—веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита [2]),
Но не покинемъ васъ и тамъ".

---

[1]) Эринніи или Эвмениды—богини проклятія, мести и кары, возстановляющія попранный нравственный порядокъ въ мірѣ, раскрывающія самыя сокровенныя преступленія и преслѣдующія виновныхъ своимъ ужаснымъ могуществомъ не только на землѣ, но карающія ихъ и въ аду. Появленіе на сценѣ шествія эринній, которыхъ изображали актеры въ страшныхъ маскахъ, съ котурнами (обувь, въ родѣ ходулей, увеличивавшая ростъ) и въ соотвѣтствующихъ костюмахъ,—должно было производить потрясающее впечатлѣніе на зрителей, убѣжденныхъ въ дѣйствительномъ существованіи эринній.

[2]) Одна изъ адскихъ рѣкъ. „До Коцита"—значитъ: до смерти.

И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина,
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель—зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ—
Со страхомъ мнитъ о Силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
„Пароеній, слышишь?... Крикъ вдали,
То Ивиковы журавли!“... [1])
И небо вдругъ покрылось тьмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ... черной полосою
Станица журавлей летитъ [2])

„Что? Ивикъ!“... Все поколебалось—
И имя Ивика помчалось

---

[1]) Невольно вырвавшееся восклицаніе у одного изъ убійцъ, присутствовавшихъ на празднествѣ и, конечно, глубоко потрясенныхъ пѣніемъ эриннiй.

[2]) Случайное появленіе журавлей, какъ разъ въ этотъ моментъ пролетавшихъ надъ открытымъ амфитеатромъ и, среди воцарившагося тамъ молчанія, невольно обратившихъ на себя всеобщее вниманіе, равно какъ и имя: Ивикъ, произнесенное однимъ изъ убійцъ.

Изъ устъ въ уста... шумитъ народѣ,
Какъ бурная пучина водъ.
„Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!...
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?“

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: „Убійца тутъ;
То Эвменидъ [1]) ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово;
Себѣ преступникъ измѣнилъ.
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!“

И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ
И тщетный плачъ—былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть—была имъ приговоръ.

6) Торжество побѣдителей.

Шиллера.

Палъ Пріамовъ градъ священный [2]);
Грудой пепла сталъ Пергамъ; [3])
И побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ

---

[1]) См. Эринніи.
[2]) Троя, разрушенная греками.
[3]) Пергамъ—акрополь, крѣпость Трои.

Собрались Эллены [1])—тризну
Въ честь минувшаго свершить,
И въ желанную отчизну,
Къ берегамъ Эллады плыть.
Пойте, пойте гимнъ согласной:
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.
Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.
И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ [2]).
Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать;
Будемъ въ рабствѣ увядать...
О, сколь мертвые счастливы!
И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ [3]) заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону [4])
Богу смертныхъ и боговъ!

---

[1]) Эллины, греки.

[2]) Иліонъ или Троя, — отсюда и названіе поэмы Гомера, описывающій взятіе Трои—Иліада.

[3]) Калхасъ—жрецъ-прорицатель, сопровождавшій грековъ въ Трою.

[4]) Горгоны—страшныя существа съ окаменяющимъ взоромъ, съ змѣями, вмѣсто волосъ; одна изъ нихъ, Медуза, была нѣкоторое время женою Посейдона.

Судъ оконченъ: споръ рѣшился;
Прекратилася борьба:
Все исполнила Судьба:
Градъ великій сокрушился.
Царь народовъ, сынъ Атрея [1]),
Обозрѣлъ полковъ число:
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея [2])
Много, много ихъ пришло...
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали...
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ.
Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!
И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтарёмъ:
Часто Марсомъ [3]) пощаженный
Погибаетъ отъ друзей.
(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей [4]).
Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

---

1) Атрей, сынъ Пелопа, царя Пизы, отецъ Агамемнона, бывшаго предводителемъ эллиновъ въ троянскую войну.

2) Сигей — мысъ въ Троадѣ, на сѣв.-вост. берегу Азіи, при входѣ въ Геллеспонтъ; тутъ же портовый городъ того-же имени.

3) Марсъ — богъ войны.

4) Одиссей — царь о. Итаки, благодаря разумнымъ совѣтамъ котораго Троя была взята.

И стоящій близъ Елены [1])
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительной измѣны!
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Парида [2])
Отягченный Иліонъ...
Неизбѣженъ судъ Кронида [3]),
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.
Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ [4]),
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.
Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ [5]) сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколько бодрыхъ жизнь поблёкла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!...
Нѣтъ великаго Патрокла [6]);
Живъ презрительный Терситъ [7]).
Смертный, царь Зевесъ фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.
Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь

[1]) Менелай—царь Спартанскій и мужъ Елены, похищеніе которой Парисомъ послужило причиной троянской войны.

[2]) Паридъ—троянскій герой Парисъ, похитившій Елену, сынъ Пріама.

[3]) Кроносъ—младшій изъ титановъ, отецъ боговъ, возсѣдавшихъ на Олимпѣ.

[4]) См. балладу „Ивиковы журавли".

[5]) Оилей, возница Біанора, убитый Агамемнономъ.

[6]) Патроклъ, другъ Ахиллеса, одинъ изъ троянскихъ героевъ, убитый Гекторомъ.

[7]) Терситъ — самый безобразный грекъ подъ Троей, нахалъ, котораго Одиссей побилъ за поношеніе Агамемнона.

Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Поставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.
Миръ тебѣ во тьмѣ Эреба [1])!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.
О Ахиллъ! о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ [2]),
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!
Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!
Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Діомедъ[3]) провозгласилъ)
Слава Гектору [4]) во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;

---

[1]) Эребъ, источникъ мрака, порожденный хаосомъ.

[2]) Неоптолемъ, сынъ Ахилла, умертвившій Пріама.

[3]) Діомедъ, царь Аргоса, вмѣстѣ съ Одиссеемъ проникшій подземнымъ ходомъ въ Пергамъ и, убивъ стражей, похитившій кумиръ Паллады—Палладій.

[4]) Гекторъ—сынъ Пріама, главный вождь троянцевъ, человѣкъ неустрашимаго духа и благороднѣйшій сынъ своей родины.

Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь.
    Кто, на судъ явясь кровавый,
    Славно палъ за отчій домъ:
    Тотъ почтенный и врагомъ,
    Будетъ жить въ преданьяхъ славы.
Несторъ [1]), жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіялъ
И Гекубѣ [2]) сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ [3]) даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.
    Пей, страдалица! печали
    Услаждаются виномъ:
    Боги жалостные—въ нёмъ
    Подкрѣпленье сердцу дали.
Вспомни матерь Ніобею [4]):
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

---

[1]) Несторъ — царь Пилоса, старецъ великаго ума и опытности, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, великій ораторъ, мудрыхъ совѣтовъ котораго слушались всѣ греки.

[2]) Гекуба, жена Пріама, послѣ паденія Трои, послѣдовавшая за Одиссеемъ, какъ рабыня.

[3]) Вакхъ—богъ вина и веселія.

[4]) Ніобея—дочь Тантала, мать 6 сыновей и 6 дочерей, умерщвленныхъ богами за высокомѣріе матери. Ніоба въ невыразимой печали обратилась въ камень, но и въ этомъ состояніи продолжала ощущать горе.

*

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета [1].
И вперила взоръ Кассандра [2],
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра [3],
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертный, Силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій.

7) Ахиллъ [4]

Отуманилася Ида [5],
Омрачился Иліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида;
На равнинѣ битвы сонъ.
Тихо все... курясь, сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ,
И протяжно окликаетъ
Стражу стража близъ шатровъ.

---

[1]) Лета—рѣка забвенія, изъ которой души пьютъ забвеніе своей земной жизни.

[2]) Кассандра—см. баллада „Жалоба Цереры“.

[3]) Скамандръ—р. въ Троянской равнинѣ, нынѣшняя Мандере-Су.

[4]) См. предъидущая баллада, къ примѣчаніямъ которой мы отсылаемъ и относительно другихъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ этой балладѣ. Здѣсь же будутъ объяснены лишь слова, раньше не встрѣчавшіяся.

[5]) Горный хребетъ, начинающійся въ Мисіи и идущій чрезъ Фригію къ сѣв. отъ Адрамитскаго залива.

Надъ Эгейскихъ водъ равниной
Свѣтелъ всходитъ рогъ луны;
Звѣзды спящею пучиной
И брега отражены;
Видѣнъ въ полѣ опустѣломъ
Съ колесницею Пріамъ [1]):
Онъ за Гекторовымъ тѣломъ
Отъ шатровъ идетъ къ стѣнамъ.

И на брегѣ близъ кургана
Зрится сумрачный Ахиллъ;
Онъ одинъ, далёкъ отъ стана;
Онъ главу на длань склонилъ.
Смотритъ въ даль—тамъ съ колесницей
На пути Пріама зритъ:
Отираетъ багряницей
Слезы бѣдный царь съ ланитъ.

Лиру взялъ, ударилъ въ струны;
Тихъ его печальный гласъ:
„Старецъ, палъ твой Гекторъ юный;
Свѣтъ души твоей угасъ;
И Гекуба, Андромаха [2])
Ждутъ тебя у градскихъ вратъ
Съ ношей милаго имъ праха...
Жизнь и смерть имъ—твой возвратъ“.

„И съ денницею печальной
Воскурится ѳиміамъ,
Огласятся погребальной
Пѣснью каждый домъ и храмъ;

---

[1]) Пріамъ приходилъ одинъ ночью въ греческій станъ молить Ахилла о возвращеніи Гекторова тѣла. Мольбы старца тронули душу грознаго героя: онъ возвратилъ Пріаму обезображенный трупъ его сына, и старецъ невредимо возвратился въ Трою.

[2]) Жена Гектора, образецъ нѣжно любящей и вѣрной супруги.

Мать, отецъ, вдова съ мольбою
Пепелъ въ урну соберутъ,
И молитвы ихъ герою
Миръ въ странѣ тѣней дадутъ".

„О Пріамъ, ты предъ Ахилломъ
Здѣсь во прахъ главу склонялъ;
Здѣсь молилъ о сынѣ миломъ,
Здѣсь, несчастный, ты лобзалъ
Руку, слезъ твоихъ причину...
Ахъ! не сѣтуй; гласъ небесъ
Намъ одну изрекъ судьбину:
И меня постигъ Зевесъ".

„Близокъ часъ мой; роковая
Приготовлена стрѣла;
Парка, жребію внимая,
Дни мои ужъ отвила;
И скрипятъ врата Аида,
И вѣщаетъ грозный гласъ:
Все свершилось для Пелида;
Факелъ дней его угасъ".

„Вѣрный другъ мой взятъ могилой;
Брата бой меня лишилъ—
Вслѣдъ за нимъ съ земли унылой
Удалится и Ахиллъ.
Такъ судилъ мнѣ Рокъ жестокой:
Я паду въ веснѣ моей
На чужомъ брегу, далёко
Отъ Пелеевыхъ очей [1])".

„Ахъ! и сердце запрещаетъ
Долѣ жить въ земномъ краю,

---

[1]) Пелей—отецъ Ахилла.

Гдѣ ужъ другъ не услаждаетъ
Душу сирую мою.
Гекторъ палъ—его паденьемъ
Тѣнь Патрокла я смирилъ;
Но себѣ за друга мщеньемъ
Путь къ Тенару проложилъ".

„Ты не жди, Менецій [1]), сына;
Не придетъ онъ въ отчій домъ...
Здѣсь Эгейская пучина
Предъ его шумитъ холмомъ;
Спитъ онъ... смерть сковала длани,
Позабылъ ко славѣ путь;
И призывный голосъ брани
Не вздымаетъ хладну грудь".

„И Ахиллъ не возвратится;
Въ домѣ отчемъ пустота
Скоро, скоро водворится...
О Пелей, ты сирота.
Пронесется буря брани—
Ты Ахилла будешь ждать,
И чертогъ твой въ новы ткани
Для пріема убирать";

„Будешь съ берега уныло
Ты смотрѣть—въ пустой дали
Не бѣлѣетъ ли вѣтрило,
Не плывутъ ли корабли?
Корабли придутъ отъ Трои—
А меня ни на одномъ;
Тамъ, гдѣ билися герои,
Буду спать—и вѣчнымъ сномъ".

---

[1]) Отецъ Патрокла.

„Тщетно, смертною борьбою
Мучимъ, будешь сына звать.
И хладѣющей рукою
Вкругъ себя его искать,—
Съ милымъ свѣтомъ разлученья
Гласъ его не усладитъ,
И на брегъ воды забвенья
Зовъ отца не долетитъ“.

„Край отчизны, свѣтлы воды,
Очарованны мѣста,
Миртъ, оливъ и лавровъ своды,
Пышныхъ доловъ красота,
Расцвѣтайте, убирайтесь,
Какъ и прежде, красотой;
Какъ и прежде, оглашайтесь
Кликомъ радости одной“;

„Но Патрокла и Ахилла
Никогда вамъ не видать!
Воды Сперхія, сулила
Вамъ рука моя отдать
Волоса съ моей отъ брани
Уцѣлѣвшей головы...
Всѣ—Патроклу въ даръ, и дани
Ужъ моей не ждите вы“.

„Кони быстрые, изъ боя
(Тайный рокъ васъ удержалъ)
Вы не вынесли героя—
И на щитъ онъ мертвый палъ;
Кони бодрые, ретивы,
Что жъ теперь такъ мрачны вы?
По землѣ влачатся гривы;
Наклонилися главы“;

„Позабыта пища вами;
Груди мощныя дрожатъ;
Слышу стонъ вашъ, и слезами
Очи гордыя блестятъ.
Знать Ахилловъ предъ собою
Зрите вы послѣдній часъ;
Знать внушенъ былъ вамъ Судьбою
Мнѣ конецъ вѣщавшій гласъ...“

„Скоро!.. лукъ свой напрягаетъ
Неизбѣжный Аполлонъ,
И пришельца ожидаетъ
Къ Стиксу черному Харонъ.
И Патроклъ съ бреговъ забвенья
Въ полуночной тишинѣ
Легкой тѣнью сновидѣнья
Прилеталъ уже ко мнѣ“.

„Какъ Зефирово дыханье,
Онъ провѣялъ надо мной;
Мнѣ послышалось призванье,
Сладкій гласъ души родной;
Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки
И слѣды минувшихъ слезъ...
Я простеръ ко брату руки...
Онъ во мглѣ пустой исчезъ“.

„Отъ Скироса вдаль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ [1]);
Брегъ увидитъ незнакомый
И зеленый холмъ на немъ;

---

[1]) Пирръ, сынъ Ахилла и Деидаміи, прозванный Неоптолемомъ. Въ то время, какъ Ахиллъ ратовалъ подъ стѣнами Иліона, онъ находился въ Скиросѣ у дяди своего, царя Ликомеда.

Кормщикъ юношѣ укажетъ,
    Полный думы, на курганъ—
„Вотъ Ахилловъ гробъ (онъ скажетъ);
    „Тамъ вблизи—былъ Грековъ станъ“.

„Тамъ, ужасный, на оградѣ
    „Намъ явился онъ въ ночи,—
„Нестерпимый блескъ во взглядѣ,
    „Съ шлема грозные лучи—
„И трикраты звучнымъ крикомъ
    „На врага онъ грянулъ страхъ,
„И Троянецъ съ блѣднымъ ликомъ
    „Бросилъ щитъ и мечъ во прахъ“.

„Тамъ Атриду давъ десницу,
    „Съ нимъ союзъ запечатлѣлъ;
„Тамъ, гремящій, въ колесницу
    „Прянулъ, къ Троѣ полетѣлъ;
„Тамъ по праху за собою
    „Тѣло Гекторово мчалъ,
„И на трепетную Трою
    „Взглядомъ мщенія сверкалъ!“

„И сойдетъ на брегъ священный
    Съ корабля Неоптолемъ,
Чтобъ на холмъ уединенный
    Положить и мечъ, и шлемъ;
Вкругъ ужъ пусто... смолкли бои;
    Тихи Ксантъ и Симоисъ [1]);
И уже на грудахъ Трои
    Плющъ и терніе свились“.

---

[1]) Рѣка Скамандръ, иначе называемая Ксантъ, съ притокомъ Симоисъ.

„Обойдешь равнину брани...
Тамъ, гдѣ ратовалъ Ахиллъ,
Ужъ стадятся робки лани
Вкругъ оставленныхъ могилъ;
И услышишь надъ собою
Двухъ невидимыхъ полетъ...
Это мы... рука съ рукою...
Мы, друзья минувшихъ лѣтъ".

„Вспомяни тогда Ахилла:
Быстро въ мірѣ онъ протекъ;
Здѣсь судьба ему сулила
Долгій, но безславный вѣкъ;
Онъ мгновеніе со славой,
Хладну жизнь презрѣвъ, избралъ,
И на друга трупъ кровавой,
До могилы вѣрный, палъ."—

Онъ умолкъ... Въ туманѣ Ида;
Отуманенъ Иліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида;
На равнинѣ битвы сонъ;
И курясь едва сверкаетъ
Пламень гаснувшивъ костровъ;
И протяжно окликаетъ
Стража стражу близъ шатровъ [1]).

---

[1]) Ахиллу дано было на выборъ: или жить долго безъ славы, или умереть въ молодости со славою—онъ избралъ послѣднее и полетѣлъ къ стѣнамъ Иліона. Онъ зналъ, что конецъ его послѣдуетъ за смертью Гектора—и умертвилъ Гектора, мстя за Патрокла. Сія мысль о близкой смерти слѣдовала за нимъ повсюду — и въ шумный бой, и въ уединенный шатеръ; вездѣ онъ помнилъ объ ней: наконецъ онъ слышалъ и пророческій голосъ коней своихъ, возвѣстившій ему погибель (Прим. Ж.).

Б) Изъ средневѣковой жизни.

1) Кубокъ [1]).

(Шиллера).

„Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой
„Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
„Бросаю мой кубокъ туда золотой:
„Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
„Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
„Тому онъ и будетъ наградой побѣдной".

Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы [2])
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
„Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
„Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?"

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ;
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
„Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасной?„

И всѣ безотвѣтны... вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;

---

[1]) Характеристическія черты средневѣковой жизни: рыцарство, набожность, отвага, обожаніе красоты и повиновеніе королю. Гдѣ и чѣмъ именно выражены онѣ въ этой балладѣ. Въ чемъ заключается элементъ чудеснаго?

[2]) Пучина эта, у Шиллера, прямо названа Харибдой. Это исторически извѣстный водоворотъ—нынѣ наз. Колофаро, у берега Сициліи, въ Мессинскомъ проливѣ. Стараясь избѣгнуть его, суда погибали отъ волнъ съ противоположнаго берега Сциллы. О немъ-то сложился извѣстный миѳъ въ „Одиссеѣ".

Онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину...
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнёмъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ—
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила.

Надъ бездной утихло... въ ней глухо шумитъ...
И каждый, очей отвести

Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
„Красавецъ отважный, прости!“
Все тише и тише на днѣ ея воетъ...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

„Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
„Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
„Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!
„Меня твой престолъ не прельститъ.
„Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
„Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.

„Немало судовъ, закруженныхъ волной,
„Глотала ея глубина:
„Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
„Съ ея неприступнаго дна“...
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалёкой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнёмъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной...
Мелькнула рука и плечо изъ волны...
И борется, споритъ съ волной...
И видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...

И каждый съ весельемъ, „онъ живъ!“ повторялъ:
„Чудеснѣе подвига нѣтъ!
„Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной,
„Спасъ душу живую красавецъ отважной“.

Онъ на берегъ вышелъ, онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ,
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ:
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;
И въ сладость была для него та награда.

„Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ...
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

„Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда...
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлёкъ
Меня въ глубину съ непонятною силою...
И страшно меня тамъ кружило и било.

„Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

„И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;

Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды [1].

„Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной [2], и уродливый скатъ, [3]
И ужасъ морей однозубъ [4];
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская [5].

„И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко,
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмова.

„И я содрогался... вдругъ слышу: ползётъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ [6]...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!..

---

[1] У Шиллера: саламандры, черныя ящерицы и драконы, полубаснословныя животныя, о которыхъ часто упоминается въ средневѣковыхъ сказаніяхъ.

[2] Молотъ или млатъ—рыба изъ породы акулъ, до 2-хъ сажен. длины, голова ея формой своей напоминаетъ молотъ.

[3] Иглистый скатъ—щитообразная, сплюснутой формы рыба съ длиннымъ тонкимъ хвостомъ.

[4] Щетинозубъ—хищная рыба до 1½ фута длины, съ крѣпкими зубами, на спинѣ колючки.

[5] Акула-людоѣдъ, наз. морской гіеной, до 4 саж. длины, въ пасти до 400 вилообразныхъ зубовъ.

[6] Рѣчь идетъ, вѣроятно, о спрутѣ, изъ породы полиповъ, съ 20 паръ щупальцевъ. На большихъ глубинахъ въ морѣ эти животныя встрѣчаются громадной величины и могутъ, по разсказамъ водолазовъ, одолѣть до 5 человѣкъ.

То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ“.

Чудесенъ разсказъ показался царю:
„Мой кубокъ возьми золотой;
„Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
„Въ которомъ алмазъ дорогой,
„Когда ты на подвигъ отважишься снова
„И тайны всѣ дна перескажешь морскова“.

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
„Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова“.

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
„И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
„Когда съ нимъ воротишься ты;
„И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
„Заступница, будетъ твоею женою“.

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель—онъ кинулся въ волны...

Утихнула бездна... и снова шумитъ....
И пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

2. Перчатка [1]).

Шиллера.

Передъ своимъ звѣринцемъ,
Съ баронами, съ наслѣднымъ принцомъ,
Король Францискъ сидѣлъ [2]);
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
На поприще сраженья ожидая;
За королемъ, обворожая
Цвѣтущей прелестію взглядъ,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.

Король далъ знакъ рукою—
Со стукомъ растворилась дверь:
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ выходитъ;
Кругомъ глаза угрюмо водитъ;
И вотъ, все оглядѣвъ,
Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
Пошевелилъ густою гривой,
И потянулся, и зѣвнулъ,
И легъ. Король опять рукой махнулъ—
Затворъ желѣзной двери грянулъ,
И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прянулъ;
Но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,
Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,

---

[1]) Преданіе, составившее содержаніе этой баллады, заимствовано Шиллеромъ изъ одного французскаго сборн. историческихъ изслѣдованій де-Сенъ-Фуа, вышедшаго въ XVIII в. Тотъ же разсказъ, съ различными варіантами, повторяется и у многихъ другихъ писателей французскихъ и испанскихъ. Баллада эта написана вскорѣ послѣ „Кубка“, какъ дополненіе, противоположное его содержанію.

[2]) Францискъ I, король французскій (1515—1547), извѣстенъ былъ любовью къ звѣринымъ боямъ и турнирамъ.

И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.
И въ третій разъ король махнулъ рукой—
Два барса дружною четой
Въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились;
Но онъ ударъ имъ тяжкій лапой далъ,
А левъ съ рыканьемъ всталъ...
Они смирились,
Оскаливъ зубы, отошли,
И зарычали, и легли.
И гости ждутъ, чтобъ битва началася.
Вдругъ женская съ балкона сорвалася
Перчатка... всѣ глядятъ за ней...
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
И колкою улыбкою глядитъ
Его красавица и говоритъ:
„Когда меня, мой рыцарь вѣрной,
„Ты любишь такъ, какъ говоришь,
„Ты мнѣ перчатку возвратишь.“

Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
Къ звѣрямъ идетъ,
Перчатку смѣло онъ беретъ,
И возвращается къ собранью снова.

У рыцарей и дамъ при дерзости такой
Отъ страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,
Спокойно всходитъ на балконъ;
Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
Его привѣтствуютъ красавицыны взгляды...

*

Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
Въ лицо перчатку ей
Онъ бросилъ, и сказалъ: не требую награды.

3) Старый рыцарь.

Онъ былъ весной своей
Въ землѣ обѣтованной,
И много славныхъ дней
Провелъ въ тревогѣ бранной.

Тамъ вѣтку отъ святой
Оливы оторвалъ онъ;
На шлемъ желѣзный свой
Ту вѣтку навязалъ онъ.

Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
Нося ту вѣтку, бился,
И съ нею въ отчій домъ
Прославленъ возвратился.

Ту вѣтку посадилъ
Самъ въ землю онъ родную;
И часто приносилъ
Ей воду ключевую.

Онъ сталъ старикъ сѣдой,
И сила мышцъ пропала;
Изъ вѣтки молодой
Олива древомъ стала.

Подъ нею часто онъ
Сидитъ уединенный,
Въ невыразимый сонъ
Душою погруженный.

Надъ нимъ какъ другъ стоитъ,
Обнявъ его сѣдины,
И вѣтвями шумитъ
Олива Палестины;

И, внемля ей во снѣ,
Вздыхаетъ онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далёкой.

Содержаніе баллады: Идеальный образъ рыцаря, проникнутаго искренней набожностью, которая—въ годы молодости—воодушевляла его на подвиги бранные, а подъ старость, пробуждая въ душѣ воспоминанія славнаго былого, служила источникомъ тихихъ радостей и сознанія исполненнаго долга.—Двѣ части баллады: 1) Славное прошлое рыцаря. 2) Годы старости.

4) Сраженіе со змѣемъ.

Шиллера.

Что за тревога въ Родосѣ? Всѣ улицы полны народомъ;
Мчатся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ
Ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ тащутъ
Мертваго змѣя съ кровавой, разинутой пастью; всѣ смотрятъ
Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя.
„Вотъ!“ говорятъ, „посмотрите: тотъ врагъ, отъ котораго столько
Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу.
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ выйти
Въ бой... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ: вотъ нашъ спаситель;
Слава ему!—И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ
Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоаннитовъ
Былъ знаменитый капитулъ собранъ въ то время [1]). Смиренно

---

[1]) Іоанниты были рыцарскимъ монашескимъ орденомъ, въ 1310 г. поселившимся на о. Родосѣ и отличавшимся сурово подвижническою жизнью. Капитуломъ наз. совѣтъ представителей этого ордена, а магистромъ—глава его. Рыцари ордена носили на плечахъ изображеніе креста Господня.

Рыцарь подходитъ къ престолу магистера; шумной толпою
Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Преклонивши
Голову, юноша такъ говорить начинаетъ: „Владыка!
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Родоса,
Мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ; смѣло
Могутъ стада выгонять пастухи; на молитву
Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику
Дѣвы Пречистой ходить". — Но съ суровымъ отвѣтствовалъ
взглядомъ
Строгій магистеръ: „Сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ
Ты совершилъ: отважность—рыцарю честь. Но отвѣтствуй:
Въ чемъ обязанность главная рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ
Слугъ, Христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ
Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?" То зрители внемля,
Всѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣтствовалъ: Первый
Рыцарскій долгъ есть покорность.—„И рыцарскій долгъ сей
Нынѣ, сынъ мой, ты нарушилъ: ты мной запрещенный
Подвигъ дерзнулъ совершить".—„Владыка, сперва благосклонно
Выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою
Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно
Волю закона исполнить хотѣлъ: одной осторожной
Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благородныхъ
Рыцарей нашего ордена, честь Христіанства, погибли
Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей подвигъ;
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бѣдствія гибнущихъ братій; стремленьемъ спасти ихъ томимый,
Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сраженья
Съ змѣемъ, и все какъ будто бы чудилось мнѣ, что небесный
Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: дерзай! и дерзнулъ я.
Вотъ что я мыслилъ: „Ты рыцарь; однихъ ли враговъ Хри-
стіанства
„Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое:
„Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ,
„Грозныхъ чудовищъ разить; но дерзкою силой искусство,

„Мужествомъ мудрость — должны управлять“. И въ такомъ убѣжденьи
Долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто
Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ, чтобъ заранѣ
Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ средства,
Какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ вдохновеніе свыше
Душу мою просвѣтило: найдено средство! сказалъ я
Въ радости сердца. Тогда у тебя позволенья, владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно
Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ безопасно
Море и на берегъ вышедъ, въ отеческомъ домѣ немедля
Все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить. Искусствомъ
Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ
Врѣзался въ память мою; на короткихъ лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешуею покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривистой шеѣ торчала,
Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверзтыхъ
Челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ, и змѣиный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будто готовый,
Вдругъ обхвативъ ѣздока и коня, задушить ихъ обоихъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ пріученныхъ, я выбралъ, и мнимаго змѣя
Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику
Зубы вонзать въ непокрытое броней чешуйчатою чрево.
Самъ же, сидя на конѣ благородной Арабской породы,
Я устремился на змѣя, и руку мою безпрестанно
Въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ. Сначала отъ страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;
Но наконецъ побѣдило мое постоянство ихъ робость.
Такъ совершилось три мѣсяца. Я возвращаюсь. Вотъ третій
День, какъ присталъ я къ Родосу. О новыхъ бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ кончить
Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ, и ученыхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не сказавшись,
Ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешь, Владыка, часовню,

Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній народъ: на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами;
Трудно всходить на утесъ и доселѣ сей путь былъ опасенъ.
Тамъ у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сіянью
Дня, гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа проходящихъ;
Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры
Врагъ исторгался, добычу ловилъ, и ее въ свой глубокій
Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню Пречистой
Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою
Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье,
Таинъ Святыхъ причастился; потомъ, сошедши съ утеса,
Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье и, раздавъ приказанья
Спутникамъ (имъ же велѣлъ дожидаться меня близъ часовни),
Сѣлъ на коня, поручилъ Вездѣсущему Господу Богу
Душу мою, и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя,
Подняли ноздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ:
Блещущимъ свившими клубомъ, вблизи, змѣй грѣлся на солнцѣ.
Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки; но съ воемъ
Кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшися быстро,
Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть, и ихъ ядовитымъ
Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ поднялся на лапы.
Крикъ мой собакъ ободрилъ: онѣ вцѣпилися въ змѣя.
Сильной рукой я бросаю копье; но, ударясь въ чешуйный
Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло;
Новый ударъ я спѣшу нанести; но испуганный конь мой
Бѣшено всталъ на дыбы; раскаленныя очи, зіянье
Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя
Въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сраженье
Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ мой напрасно
Колетъ и рубитъ: какъ сталь чешуя. Вдругъ змѣй, разъярившись,
Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся

Дыбомъ, какъ столбъ, надо мной, и уже растворилъ онъ огромный
Зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня; но въ это мгновенье
Въ чрево его, чешуей непокрытое, вгрызлись собаки;
Взвылъ онъ отъ боли, и бѣшено началъ кидаться...
Напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ; я поспѣшно
На ноги сталъ, и бросился къ нимъ, и мечъ мой вонзился
Весь во чрево чудовища: хлынула чернымъ потокомъ
Кровь; согнувшись въ дугу, онъ грянулся оземь, и тяжкимъ
Тѣломъ меня заваливши, издохъ надо мною. Не помню,
Долго ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ; глаза открываю:
Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови неподвиженъ".
Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раздалися
Громкіе клики; дрогнули своды палаты отъ гула
Рукоплесканій, и самые рыцари Ордена, вмѣстѣ
Съ шумной толпой, возгласили: „хвала!" Но магистеръ,
Строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобъ всѣ замолчали—
Всѣ замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: „Змѣя,
Долго Родосъ ужасавшаго, ты поразилъ, благородный
Рыцарь; но, Богомъ явяся народу, врагомъ ты явился
Нашему Ордену: въ сердцѣ твоемъ поселился отнынѣ
Змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго: змѣй отравитель
Воли, сѣятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья,
Недругъ порядка, древній губитель земли. Быть отважнымъ
Можетъ и врагъ ненавистный Христа, мамелюкъ, но покорность
Есть однихъ христіанъ достоянье. Гдѣ Самъ Искупитель,
Богъ Всемогущій, смиренно стерпѣлъ поношенье и муку,
Тамъ въ старину основали отцы нашъ Орденъ священный;
Тамъ, облачася Крестомъ, на себя они возложили
Долгъ, труднѣйшій изъ всѣхъ: свою обуздывать волю;
Суетной славой ты былъ обольщенъ—удались; ты отнынѣ
Нашему братству чужой: кто Господнее иго отринулъ,
Тотъ и Господнимъ Крестомъ себя украшать не достоинъ".
Такъ магистеръ сказалъ, и въ толпѣ предстоявшихъ поднялся
Громкій ропотъ, и рыцари ордена сами владыку

Стали молить о прощеньи; но юноша, молча, потупивъ
Очи, снялъ епанчу, у магистера строгую руку
Поцѣловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами,
Гнѣвный смягчился судья и, назадъ осужденнаго кроткимъ
Голосомъ кликнувъ, сказалъ: „Обними меня, мой достойный
Сынъ: ты побѣду теперь одержалъ, труднѣйшую первой;
Снова сей Крестъ возложи: онъ твой, онъ награда—смиренью“.

5) Графъ Габсбургскій.

Шиллера.

Торжественнымъ Ахенъ [1]) весельемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья Рейнскій-Фальцграфъ разносилъ;
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;
И семь избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ [2]),
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена [3]);
Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;

---

[1]) Ахенъ, въ то время, былъ мѣстомъ коронованія германскихъ императоровъ.

[2]) Обрядъ возведенія на престолъ путемъ избранія; избирали 7 высшихъ сановниковъ.

[3]) Прекращеніе междуцарствія (1254—1273), послѣ котораго Рудольфъ Габсбургскій взошелъ на престолъ.

Не брошены слабый, вдова, сирота,
Могущимъ во власть безъ покрова.

И кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
„Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
„Все царскій мой духъ восхищаетъ...
„Но гдѣ жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
„Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
„Игрой и благимъ поученьемъ?
„Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
„Ставъ кесаремъ, брошу ль обычай святой
„Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?“

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣтый таларомъ [1]),
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ,
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святого есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...
О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ“?—

Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель);
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ;
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина,

---

[1]) Таларъ—верхняя одежда католическаго духовенства.

И темное чувство, изъ дивнаго сна,
При звукахъ, воспрянувъ, пылаетъ.—

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ, по горамъ и полямъ,
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самдругъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ;
И слѣдомъ священникъ съ Дарами.

„И набожный графъ, умиленный душей,
Колѣна свои преклоняетъ
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь Дары отдаетъ;
И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
Съ священною ношею—въ воду.

„Куда?“ изумившійся графъ вопросилъ.—
— Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ—
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою.—

И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя,
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

„Дерзну ли помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу, и честь, и дыханье“.—

Да будетъ же Вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою;
Гельвеція [1]) славой сіяетъ твоей;
И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будетъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ [2]);
Да славятся въ роды и роды. —

---

[1]) Гельвеція—названіе Швейцаріи.

[2]) Двѣ дочери Рудольфа вышли потомъ замужъ за королей, двѣ—за герцоговъ, двѣ—за владѣтельныхъ графовъ.

Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой;
И слезы свои, отъ толпы золотой,
Порфирой закрылъ въ умиленьи...
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

6) Рыцарь Тогенбургъ [1]).

Шиллера.

„Сладко мнѣ твоей сестрою,
„Милый рыцарь, быть;
„Но любовію иною
„Не могу любить:
„При разлукѣ, при свиданьѣ
„Сердце въ тишинѣ,—
„И любви твоей страданье
„Непонятно мнѣ“.

Онъ глядитъ съ нѣмой печалью,—
Участь рѣшена;
Руку сжалъ ей; крѣпкой сталью
Грудь обложена;
Звонкій рогъ созвалъ дружину;
Всѣ ужъ на коняхъ;
И помчались въ Палестину!
Крестъ на раменахъ.

---

[1]) Тогенбургъ — замокъ близъ г. Лихтенштейга, въ Швейцаріи — резиденція гр. Тогенбургъ, извѣстныхъ войнами съ своими сосѣдями въ XV и XVIII ст.

Ужъ въ толпѣ враговъ сверкаютъ
Грозно шлемы ихъ;
Ужъ отвагой изумляютъ
Чуждыхъ и своихъ.
Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою:
Сррацинъ бѣжитъ...
Но душа въ немъ все тоскою
Прежнею болитъ.

Годъ прошелъ безъ утоленья...
Нѣтъ ужъ силъ страдать;
Не найти ему забвенья—
И покинулъ рать.
Зритъ корабль—шумятъ вѣтрилы,
Бьетъ въ корму волна—
Сѣлъ и поплылъ въ край тотъ милый,
Гдѣ цвѣтетъ она.

Но стучится къ ней напрасно
Въ двери пилигримъ;
Ахъ, онѣ съ молвой ужасной
Отперлись предъ нимъ:
„Узы вѣчнаго обѣта
„Приняла она;
„И погибшая для свѣта,
„Богу отдана".

Пышны праотцевъ палаты
Бросить онъ спѣшитъ;
Навсегда покинулъ латы;
Конь навѣкъ забытъ;
Власяной покрытъ одеждой,
Инокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Неукрашенный надеждой,
Онъ оставилъ свѣтъ.

И въ убогой кельѣ скрылся
Близъ долины той,
Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
Монастырь святой:
Тамъ—сіяло ль утро ясно,
Вечеръ ли темнѣлъ,—
Въ ожиданьи, съ мукой страстной,
Онъ одинъ сидѣлъ.

И душѣ его унылой
Счастье тамъ одно:
Дожидаться, чтобъ у милой
Стукнуло окно,
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ сконилась,
Ангелъ тишины.

И дождавшися, на ложе
Простирался онъ;
И надежда: завтра тоже!
Услаждала сонъ.
Время годы уводило...
Для него жъ одно:
Ждать, какъ ждалъ, чтобъ у милой
Стукнуло окно;

Чтобъ прекрасная явилась;
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.
Разъ—туманно утро было—
Мертвъ онъ тамъ сидѣлъ,
Блѣденъ ликомъ, и уныло
На окно глядѣлъ.

7) Судъ Божій надъ епископомъ.

Р. Соути [1]).

Были и лѣто и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій
Въ двери епископа, требуя пищи;
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ:
Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надоѣло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ
Слышно скликаетъ епископъ Гаттонъ.

„Дожили мы до нежданнаго чуда:
„Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда;
„Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ“.
Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворёнъ:
Въ немъ угостить ихъ епископъ Гаттонъ.

---

[1]) Робертъ Соути (1774—1843)—извѣстный англійскій поэтъ т. наз. озерной школы, считавшійся однимъ изъ лучшихъ балладистовъ.

Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришельцы изъ окружнаго края...
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожжёнъ.

Глядя епископъ на пепелъ пожарный
Думаетъ: будутъ мнѣ всѣ благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей.

Въ замокъ епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ...
Правда! но болѣ, съ тѣхъ поръ, онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты, и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ,
Такъ что холстины и признака нѣтъ.

Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышитъ...
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
„Наша округа мышами полна,
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна“.

Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
„Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
Крѣпкій твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ“.

Ходъ былъ до Рейна отъ зàмка подземной;
Въ страхѣ епископъ дóрогою темной
Къ берегу выйти изъ замка спѣшитъ:
Въ Реинской башнѣ спасусь! (говоритъ).

Башня изъ Реинскихъ водъ подымалась;
Издали острымъ утесомъ казалась,

Грозно изъ пѣны торчащимъ она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку епископъ садится;
Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ, и мчится
Вверхъ по гранитнымъ крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.

Стѣны изъ стали казалися слиты,
Были рѣшетками окна забиты,
Ставни чугунныя, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.

Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотритъ онъ... кошка сидитъ и мяучитъ;
Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ;
Мечется кошка; невесело ей:
Чуетъ она приближенье мышей.

Палъ на колѣни епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ...
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?

*

Зубы объ камни они навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно вступили,
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

8) Адельстанъ.

Р. Соути.

День багрянилъ, померкая,
Скатъ лѣсистыхъ береговъ,
Реинъ, въ заревѣ сіяя,
Пышенъ текъ между холмовъ.

Онъ летучей влагой пѣны
Замокъ Алленъ орошалъ,
Терема, зубчаты стѣны,
Онъ въ потокѣ отражалъ.

Дѣвы красныя толпою,
Изъ растворчатыхъ воротъ,
Вышли на берегъ—игрою
Встрѣтить мѣсяца восходъ.

Вдругъ плыветъ, къ ладьѣ прикованъ,
Бѣлый лебедь по рѣкѣ;
Спитъ, какъ будто очарованъ,
Юный рыцарь въ челнокѣ.

Алымъ парусомъ играетъ
Легкокрылый вѣтерокъ,
И ко брегу приплываетъ
Съ спящимъ рыцаремъ челнокъ.

Бѣлый лебедь встрепенулся,
Распустилъ крылѣ свои;

Дивный плаватель проснулся—
И выходитъ изъ ладьи.

И по Реину обратно,
Съ очарованной ладьей,
Поплылъ тихо лебедь статной
И сокрылся изъ очей.

Рыцарь въ замокъ Алленъ входитъ:
Все въ немъ прелесть—взоръ и станъ;
Въ изумленье всѣхъ приводитъ
Красотою Адельстанъ.

Межъ красавицами Лора
Въ замкѣ Алленѣ была
Видомъ ангельскимъ для взора,
Для души—душой мила.

Графы, герцоги толпою
Къ ней стеклись изъ дальнихъ странъ—
Но умомъ и красотою
Всѣхъ былъ краше Адельстанъ.

Онъ у всѣхъ залогъ побѣды
На турнирахъ похищалъ;
Онъ вечернія бесѣды
Всѣхъ милѣе оживлялъ.

И привѣтны разговоры,
И пріятный блескъ очей
Влили нѣжность въ сердце Лоры,
Милый—сталъ супругомъ ей.

Исчезаетъ сновидѣнье...
Вслѣдъ за днями мчатся дни:
Ихъ въ сердечномъ упоеньѣ
И не чувствуютъ они.

Лишь случается порою,
Что на воды взоръ склонивъ,
Рыцарь бродитъ надъ рѣкою,
Одинокъ и молчаливъ.

Но при взглядѣ нѣжной Лоры
Возвращается покой;
Оживаютъ тусклы взоры
Съ оживленною душой.

Невидимкой пролетаетъ
Быстро время—наконецъ,
Улыбаясь, возвѣщаетъ
Другу Лора: ты отецъ!

Но безмолвно и уныло
На младенца смотритъ онъ.
Ахъ!—онъ мыслитъ—ангелъ милый!
Для чего ты въ свѣтъ рождёнъ?

И когда обрядъ крещенья
Патеръ долженъ былъ свершить,
Чтобъ водою искупленья
Душу юную омыть—

Какъ преступникъ передъ казнью,
Адельстанъ затрепеталъ,
Взоръ наполнился боязнью,
Хладъ по членамъ пробѣжалъ.

Запинаясь, умоляетъ
День обряда отложить:
„Силъ недугъ меня лишаетъ
Съ вами радость раздѣлить!“

Солнце спряталось за гору;
Окропился лугъ росой;

Онъ зоветъ съ собою Лору
Встрѣтить мѣсяцъ надъ рѣкой.

„Нашъ младенецъ будетъ съ нами:
При дыханьѣ вѣтерка,
Тихоструйными волнами
Усыпитъ его рѣка“.

И пошли рука съ рукою...
День на холмахъ догоралъ;
Молча, сумраченъ душою,
Рыцарь сына лобызалъ.

Вотъ ужъ поздно; солнце сѣло;
Отуманился потокъ;
Черенъ берегъ опустѣлой;
Холодѣетъ вѣтерокъ.

Рыцарь все молчитъ, печаленъ;
Все идетъ вдоль по рѣкѣ;
Лорѣ страшно; замокъ Алленъ
Съ часъ какъ скрылся вдалекѣ.

— Поздно, милый; ужъ сѣдѣетъ
Мгла сырая надъ рѣкой;
Съ водъ холодный вѣтеръ вѣетъ,
И дрожитъ младенецъ мой.

— „Тише; тише! Пусть сѣдѣетъ
Мгла сырая надъ рѣкой;
Грудь моя младенца грѣетъ;
Сладко спитъ младенецъ мой“.

— Поздно, милый; поневолѣ
Страхъ въ мою тѣснится грудь;
Мѣсяцъ блѣденъ, сыро въ полѣ;
Дологъ намъ до замка путь.—

Но молчитъ, какъ очарованъ,
Рыцарь, глядя на рѣку...
Лебедь тамъ плыветъ, прикованъ
Легкой цѣпью къ челноку.

Лебедь къ берегу—и съ сыномъ
Рыцарь сѣсть въ челнокъ спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за паладиномъ[1]);
Обомлѣла и дрожитъ.

И, осанясь, лебедь статной
Легкой цѣпію повлёкъ
Вдаль по Реину обратно
Очарованный челнокъ.

Небо въ Реинѣ дрожало,
И луна изъ дымныхъ тучъ
На ладью сквозь парусъ алой
Проливала томный лучъ.

И плывутъ они безмолвны;
За кормой струя бѣжитъ;
Тихо плещутъ въ лодку волны;
Парусъ вздулся и шумитъ.

И на берегѣ молчанье;
И на мѣсяцѣ туманъ;
Лора въ робкомъ ожиданьѣ,
Въ смутной думѣ Адельстанъ.

Вотъ ужъ ночи половина:
Вдругъ... младенецъ сталъ кричать.

---

[1]) Паладинами, въ рыцарскихъ книгахъ, называли странствующихъ рыцарей, особенно изъ числа тѣхъ, которые находились при дворѣ короля Артура и въ походахъ Карла Великаго.

—Адельстанъ, отдай мнѣ сына!
Возопила въ страхѣ мать.

— „Тише, тише; онъ съ тобою
Скоро... ахъ! кто дастъ мнѣ силъ?
Я ужасною цѣною
За блаженство заплатилъ.

„Спи, невинное творенье;
Мучитъ душу голосъ твой;
Спи, дитя, еще мгновенье
И навѣкъ тебѣ покой.“

Лодка къ брегу—рыцарь съ сыномъ
Выйти на берегъ спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за паладиномъ
Пуще млѣетъ и дрожитъ.

Страшенъ берегъ обнаженный;
Нѣтъ ни жила, ни древесъ;
Черенъ, дикъ уединенный
Въ сторонѣ стоитъ утесъ.

И пещера подъ скалою,—
Въ ней не зрѣло око дна;
И чернѣетъ предъ луною
Страшнымъ мракомъ глубина.

Сердце Лоры замираетъ;
Смотритъ робко на утесъ.
Звучно къ безднѣ восклицаетъ
Паладинъ: я дань принесъ.

Въ безднѣ звуки отразились;
Отзывъ грянулъ вдоль рѣки;
Вдругъ... изъ бездны появились
Двѣ огромныя руки.

Къ нимъ приблизилъ рыцарь сына...
      Цѣпенѣющая мать,
Возопивъ, у паладина
      Жертву бросилась отнять,

И воскликнула: Спаситель!..
      Гласъ достигнулъ къ небесамъ:
Живъ младенецъ, а губитель
      Ниспровергнутъ въ бездну самъ.

Страшно, страшно застонало
      Въ грозныхъ сжавшихся когтяхъ...
Вдругъ все пусто, тихо стало
      Въ глубинѣ—и на скалахъ.

9) Пустынникъ.

О. Гольдсмита [1]).

„Веди меня, пустыни житель,
      Святой анахоретъ[2]);
Близка желанная обитель;
      Привѣтный вижу свѣтъ.

„Усталъ я: тьма кругомъ густая;
      Запалъ въ глуши мой слѣдъ;
Безбрежнѣй, мнится, степь пустая,
      Чѣмъ далѣ я впередъ".

Мой сынъ (въ отвѣтъ пустыни житель),
      Ты призракомъ прельщёнъ:
Опасенъ твой путеводитель —
      Надъ бездной свѣтитъ онъ.

---

[1]) Оливеръ Гольдсмитъ (1728 — 1774), талантливый англійскій поэтъ, авторъ извѣстнаго романа „Векфильдскій священникъ".

[2]) Анахоретъ (греч. слово)—отшельникъ, пустынникъ.

Здѣсь чадамъ нищеты бездомнымъ
Отверста дверь моя,
И скудныхъ благъ удѣломъ скромнымъ
Дѣлюсь отъ сердца я.

Войди въ гостепріимну келью;
Мой сынъ, передъ тобой
И брашно[1]) съ жесткою постелью,
И сладкій мой покой.

Есть стадо... но безвинныхъ кровью
Руки я не багрилъ:
Меня Творецъ своей любовью
Щадить ихъ научилъ.

Обѣдъ снимаю непорочный
Съ пригорковъ и полей;
Деревья плодъ даютъ мнѣ сочный,
Питье даетъ ручей.

Войди жъ въ мой домъ—заботъ тамъ чужды;
Нѣтъ блага въ суетѣ:
Намъ малыя даны здѣсь нужды;
На малый мигъ и тѣ.—

Какъ свѣжая роса денницы,
Былъ сладокъ сей привѣтъ;
И робкій гость, склоня зѣницы,
Идетъ за старцемъ вслѣдъ.

Въ дичи глухой, непроходимой,
Его таился кровъ—
Пріютъ для сироты гонимой,
Для странника покровъ.

---

[1]) Брашно (церк.-слав.)—кушанье, пища.

Не пышны въ хижинѣ уборы,
Тамъ бѣдность и покой;
И скрыпнули дверей растворы
Предъ мирною четой.

И старецъ зритъ гостепріимной,
Что гость его унылъ,
И свѣтлый огонекъ онъ въ дымной
Печуркѣ разложилъ.

Плоды и зелень предлагаетъ
Съ приправой добрыхъ словъ;
Бесѣдой скуку озлащаетъ
Медлительныхъ часовъ.

Кружится рѣзвый котъ предъ ними;
Въ углу кричитъ сверчокъ;
Трещитъ межъ листьями сухими
Блестящій огонёкъ.

Но молчаливъ пришлецъ угрюмый;
Печаль въ его чертахъ;
Душа полна прискорбной думы,
И слезы на глазахъ.

Ему пустынникъ отвѣчаетъ
Сердечною тоской.
— О юный странникъ, что смущаетъ
Такъ рано твой покой?

Иль быть убогимъ и бездомнымъ
Творецъ тебѣ судилъ?
Иль преданъ другомъ вѣроломнымъ?
Или вотще любилъ?

Увы! спокой себя; презрѣнны
Утѣхи благъ земныхъ;

А тотъ, кто плачетъ, ихъ лишенный,
Еще презрѣннѣй ихъ.

Приманчивъ дружбы взоръ лукавой.
Но ахъ, какъ тѣнь, во слѣдъ
Она за счастіемъ, за славой,
И прочь отъ хилыхъ бѣдъ.

Любовь... любовь. Прелести игрою,
Отрава сладкихъ словъ,
Не зрима въ мірѣ; лишь порою
Живетъ у голубковъ.

Но, другъ, ты робостью стыдливой
Свой нѣжный полъ открылъ.—
И очи странникъ торопливой
Краснѣя опустилъ.

Краса сквозь легкій проникаетъ
Стыдливости покровъ;
Такъ утро тихое сіяетъ
Сквозь завѣсъ облаковъ.

Трепещутъ перси; взоръ склоненный;
Какъ роза, цвѣтъ ланитъ...
И дѣву-прелесть изумленный
Отшельникъ въ гостѣ зритъ.

„Простишь ли, старецъ, дерзновенье,
Что робкою стопой
Вошла въ твое уединенье,
Гдѣ Богъ одинъ съ тобой?

„Любовь надеждъ моихъ губитель,
Моихъ виновникъ бѣдъ:
Ищу покоя, но мучитель —
Тоска за мною вслѣдъ.

„Отецъ мой знатностію, славой
И пышностью гремѣлъ;
Я дней его была забавой;
Онъ все во мнѣ имѣлъ.

„И рыцари стеклись толпою:
Мнѣ предлагали въ даръ
Тѣ чистый, сходный съ ихъ душою,
А тѣ притворный жаръ.

„И каждый лестью вѣроломной
Привлечь меня мечталъ...
Но въ ихъ толпѣ Эдвинъ былъ скромный;
Эдвинъ, любя, молчалъ.

„Ему съ смиренной нищетою
Судьба одно дала:
Плѣнять высокою душою,
И та моей была.

„Роса на розѣ, цвѣтъ душистой
Фіалки полевой,
Едва сравниться могутъ съ чистой
Эдвиновой душей.

„Но цвѣтъ, съ небесною росою,
Живутъ единый мигъ:
Онъ одаренъ былъ ихъ красою,
Я—легкостію ихъ.

„Я гордой, хладною казалась;
Но милъ онъ втайнѣ былъ;
Увы! любя, я восхищалась,
Когда онъ слезы лилъ.

„Несчастный! онъ не снесъ презрѣнья;
Въ пустыню онъ помчалъ

Свою любовь, свои мученья,—
И тамъ въ слезахъ увялъ.

„Но я виновна; мнѣ страданье;
Мнѣ увядать въ слезахъ;
Мнѣ будь пустыня та изгнанье,
Гдѣ скрытъ Эдвиновъ прахъ.

„Надъ тихою его могилой
Конецъ свой встрѣчу я—
И приношеньемъ тѣни милой
Пусть будетъ жизнь моя“.

— Мальвина! старецъ восклицаетъ,
И палъ къ ея ногамъ....
О чудо! ихъ Эдвинъ лобзаетъ,
Эдвинъ предъ нею самъ.

— Другъ незабвенный, другъ единой!
Опять на вѣкъ я твой!
Полна душа моя Мальвиной—
И здѣсь дышалъ тобой.

Забудь о прошломъ; нѣтъ разлуки;
Самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
Все въ жизни, радости и муки,
Отнынѣ пополамъ.

Ахъ! будь и самый часъ кончины
Для двухъ сердецъ одинъ:
Да съ милой жизнію Мальвины
Угаснетъ и Эдвинъ!

10) Варвикъ.

Р. Соути.

Никто не зрѣлъ, какъ ночью бросилъ въ волны
Эдвина злой Варвикъ;

И слышали одни брега безмолвны
    Младенца жаркій крикъ.

Отъ подданныхъ погибшаго губитель
    Владыкой признанъ былъ,
И въ Ирлингфоръ уже, какъ повелитель,
    Торжественно вступилъ.

Стоялъ среди цвѣтущія равнины
    Старинный Ирлингфоръ,
И пышныя съ высотъ его картины
    Повсюду видѣлъ взоръ.

Авонъ, шумя подъ древними стѣнами,
    Ихъ пѣной орошалъ,
И низкій брегъ съ лѣсистыми холмами
    Въ струяхъ его дрожалъ.

Тамъ пламенѣлъ бреговъ на тихомъ склонѣ
    Закатъ сквозь рѣдкій лѣсъ,
И трепеталъ во дремлющемъ Авонѣ
    Съ звѣздами сводъ небесъ.

Вдали, вблизи разсыпанныя села
    Дымились по утрамъ;
Отъ рѣзвыхъ стадъ равнина вся шумѣла,
    И вторилъ лѣсъ рогамъ.

Спѣшилъ, съ пути прохожій совратяся,
    На Ирлингфоръ взглянуть,
И, красотой картинъ его плѣняся,
    Онъ забывалъ свой путь.

Одинъ Варвикъ былъ чуждъ красамъ природы:
    Вотще въ его глазахъ
Цвѣтутъ лѣса, віяся блещутъ воды,
    И радость на лугахъ.

И устремить, трепещущій, не смѣетъ
Онъ взора на Авонъ:
Оттоль зефиръ во слухъ убійцы вѣетъ
Эдвиновъ жалкій стонъ.

И въ тишинѣ безмолвной полуночи
Все тотъ же слышенъ крикъ,
И чудятся блистающія очи,
И блѣдный, странный ликъ.

Вотще Варвикъ съ родныхъ бреговъ уходитъ—
Пріюта въ мірѣ нѣтъ:
Страшилищемъ ужаснымъ совѣсть бродитъ
Вездѣ за нимъ вослѣдъ.

И онъ пришелъ опять въ свою обитель;
А сладостный покой,
И бѣдности веселый посѣтитель,
Въ дому его чужой.

Часы стоятъ окованы тоскою,
А мѣсяцы бѣгутъ...
Бѣгутъ—и день убійства за собою
Невидимо несутъ.

Онъ наступилъ; со страхомъ провожаетъ
Варвикъ ночную тѣнь:
Дрожи!—(ему гласъ совѣсти вѣщаетъ)—
Эдвиновъ смертный день!

Ужасный день: отъ молній небо блещетъ;
Отвсюду вихрей стонъ;
Дождь ливмя льетъ; волнами съ воемъ плещетъ
Разлившійся Авонъ.

Вотще Варвикъ, среди веселій шума,
Цѣдитъ въ бокалъ вино —

Съ нимъ за столомъ садится рядомъ дума:
    Питье отравлено.

Тоскующій и грозный призракъ бродитъ
    Въ толпѣ его гостей;
Вездѣ предъ нимъ: съ лица его не сводитъ
    Пронзительныхъ очей.

И день угасъ... Варвикъ спѣшитъ на ложе...
    Но и въ тиши ночной,
И на одрѣ уединенномъ тоже;
    Тамъ сонъ, а не покой.

И мнитъ онъ зрѣть пришельца изъ могилы,
    Тѣнь брата предъ собой;
Въ чертахъ болѣзнь, ликъ блѣдный, взоръ унылый
    И голосъ гробовой.

Таковъ онъ былъ, когда встрѣчалъ кончину;
    И тотъ же слышенъ гласъ,
Какимъ молилъ онъ быть отцомъ Эдвину
    Варвика въ смертный часъ.

„Варвикъ, Варвикъ, свершилъ ли данно слово?
    Исполненъ ли обѣтъ?
Варвикъ, Варвикъ, возмездіе готово;
    Готовъ ли твой отвѣтъ?“

Воспрянулъ онъ—гласъ смолкнулъ—разъяренно
    Одинъ во мглѣ ночной
Ревѣлъ Авонъ,—но для души смятенной
    Былъ сладокъ бури вой.

Но вдругъ—и въявь, средь шума и волненья,
    Раздался смутный крикъ:
„Спѣши, Варвикъ, спастись отъ потопленья;
    Бѣги, бѣги, Варвикъ.“

И къ берегу онъ мчится—подъ стѣною
Уже Авонъ кипитъ;
Глухая ночь, одѣто небо мглою,
И мѣсяцъ въ тучахъ скрытъ.

И молитъ онъ съ подъятыми руками:
„Спаси, спаси, Творецъ!“
И вдругъ—мелькнулъ челнокъ между волнами,
И въ челнокѣ пловецъ.

Варвикъ зоветъ, Варвикъ манитъ рукою—
Не внемля шума волнъ,
Пловецъ сидитъ спокойно надъ кормою,
И правитъ къ брегу чолнъ.

И съ трепетомъ Варвикъ въ челнокъ садится—
Стрѣлой помчался онъ...
Молчитъ пловецъ... молчитъ Варвикъ... вотъ, мнится,
Имъ слышенъ тяжкій стонъ.

На спутника уставилъ кормщикъ очи:
„Не слышался ли крикъ?“
— Нѣтъ, просвисталъ въ твой парусъ вѣтеръ ночи,
Смутясь, сказалъ Варвикъ.

— Правь, кормщикъ, правь, не скоро челнъ домчится,
Гроза со всѣхъ сторонъ.—
Умолкнули... плывутъ... вотъ снова мнится
Имъ слышать тяжкій стонъ.

Младенца крикъ! онъ борется съ волною;
На помощь онъ зоветъ...
— Правь, кормщикъ, правь, рѣка покрыта мглою;
Кто тамъ его найдетъ?—

„Варвикъ, Варвикъ, часъ смертный зрѣть ужасно!
Ужасно умирать!

*

Варвикъ, Варвикъ, младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?“

„Во мглѣ ночной онъ бьется межъ водами;
Облитъ онъ хладомъ волнъ;
Еще его не видимъ мы очами;
Но онъ... нашъ видитъ чолнъ!“

И снова крикъ слабѣющій, дрожащій,
И близко челнока...
Вдругъ въ высотѣ рогъ мѣсяца блестящій
Прорѣзалъ облака;

И съ яркими сліялася лучами,
Какъ дымъ прозрачный, мгла;
Зрятъ на скалѣ дитя между волнами,
И тонетъ ужъ скала.

Пловецъ гребетъ, челнокъ летитъ стрѣлою,
Въ смятеніи Варвикъ,
И озаренъ младенца ликъ луною,
И страшно блѣденъ ликъ.

Варвикъ дрожитъ—и руку, страха полный,
Къ младенцу протянулъ—
И, со скалы спрыгнувъ, младенецъ, въ волны,
Къ его рукѣ прильнулъ.

И вмигъ... дитя, челнокъ, пловецъ незримы;
Въ рукахъ его мертвецъ:
Эдвиновъ трупъ, холодный, недвижимый,
Тяжелый, какъ свинецъ.

Утихло все—и небеса, и волны:
Исчезъ въ водахъ Варвикъ;
Лишь слышали одни брега безмолвны
Убійцы страшный крикъ.

11. Эолова арфа [1]).

Владыка Морвены[2]),
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя зáмокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушалъ;
Рогатыхъ еленей
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.

Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краевъ
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пировъ
Еленей рогами;
И въ память отцамъ
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.

---

[1]) Эолова арфа—струнный инструментъ, состоящій изъ ящика съ натянутыми на немъ струнами. Отъ движенья воздуха струны приходятъ въ сотрясеніе и издаютъ гармоническіе звуки. Названіе дано отъ имени греческаго героя Эола, котораго Юпитеръ сдѣлалъ царемъ вѣтровъ.

[2]) Гористая страна въ Шотландіи, мѣсто подвиговъ Фингала, одного изъ героевъ Оссіановскихъ поэмъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за бокаломъ разсказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брани отцовъ устремлялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ,
Мечи ихъ зубчаты,
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмовъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ:
Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ;
Потока журчанье—
Пріятность рѣчей;
Какъ роза—дыханье;
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней.

Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ, и въ дальнихъ краяхъ;
Въ Морвену толпою
Стекалися витязи, славны въ бояхъ;
И дщерью гордился
Предъ ними отецъ...
Но втайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій-пѣвецъ.

Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза—утѣха долинъ,
Пѣвецъ сладкогласный...
Но родомъ не знатный, не княжескій сынъ...
Минвана забыла
О санѣ своемъ
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ немъ.

На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатилась луна,
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ зáмка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ,
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ—
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ—
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхѣ таила дыханье она.

И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ.
Все было спокойно,
Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ:
Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны,
И ропотъ у брега,
Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.

И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.
„Какъ быстрыя воды
Потокъ свой ліютъ —
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ“.

— Что жъ сердце уныло?
Пусть воды ліются, пусть годы бѣгутъ;
О вѣрный! о милый!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ.
— „Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ;
Ты-жъ царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ“.

— Что въ славѣ и санѣ?
Любовь мой высокій, мой царскій вѣнецъ.
О милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ.
Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть?
Все близко, что мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть.

Минутная сладость
Веселаго вмѣстѣ, помедли, постой;
Кто скажетъ, что радость
На вѣкъ не умчится съ грядущей зарей!
Проглянетъ денница—
Блаженству конецъ;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ“.

— Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня.
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой;
А мыслію, взоромъ
И сердцемъ, и жизнью, о милый—съ тобой!

— „Прости, ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ!“
— О нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Нескоро денница;
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ.

„Ужъ въ за́мкѣ проснулись;
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ“.
— О нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтвяхъ кустовъ.
„Заря ужъ багряна“.
— О милый, постой.
„Минвана, Минвана,
Почто жъ замираетъ такъ сердце тоской?“

И арфу унылой
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей:
„Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.

„Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!
Какъ прежде, взыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.

„И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой;
Что прежнія муки:
Превратности страхъ,
Томленье разлуки,
Всѣ—съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ.

„Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любитъ и болѣе твой.
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй;
И, вѣтеръ душистый,
На грудь молодую дышать прилетай“.

Умолкъ—и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ...
Какъ бы неизвѣстный
Въ немъ голосъ: „на вѣки прости!“ говорилъ.
Горячей рукою
Ей руку пожалъ,
И, тихой стопою
Отъ ней удалясь, какъ призракъ, пропалъ...

Луна возсіяла…
Минвана у древа… но гдѣ же пѣвецъ?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастью конецъ.
Молва о свиданьѣ
Достигла отца…
И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младого пѣвца.

И поздно и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана грустить.
Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ говоритъ;
Все пусто; день ясный
Взойдетъ и зайдетъ—
Пѣвецъ сладкогласный
Минваны подъ древомъ свиданья не ждетъ.

Прохладою дышетъ
Тамъ вѣтеръ вечерній и въ листьяхъ шумитъ,
И вѣтви колышетъ,
И арфу лобзаетъ… но арфа молчитъ.—
Творенія радость,
Настала весна —
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И яркимъ сіяньемъ
Холмы ужъ осыпалъ вечерѣющій день:
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная, росистая тѣнь;
Ужъ синіе своды
Блистали въ звѣздахъ;
Сравнялися воды,
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ.

Сидѣла уныло
Минвана у древа... душой вдалекѣ...
И тихо все было...
Вдругъ... къ пламенной что-то коснулось щекѣ;
И что-то шатнуло
Безъ вѣтра листы,
И что-то прильнуло
Къ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ высоты...

И вдругъ... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ,
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!..
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ.

Отъ тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,
И жалобнѣй звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ струнахъ.
Когда жъ возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина.

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,
И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ—
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.

„О, милыя струны,
Играйте, играйте... мой часъ не далёкъ;
Ужъ клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣтокъ.
И странникъ унылый
Заутра придетъ,
И спроситъ: гдѣ милый
Цвѣтокъ мой?.. и болѣ цвѣтка не найдетъ".

И нѣтъ ужъ Минваны...
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей—
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

12) Гаральдъ.

(Л. Уланда[1]).

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражьи знамена
И вѣютъ и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

---

[1]) Людвигъ Уландъ (1787—1862) одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ, профессоръ литературы въ Тюбингенѣ, большой знатокъ нѣмецкихъ преданій и фольклора, часто доставлявшаго ему сюжеты для балладъ, весьма популярныхъ въ Германіи.

Но что порхаетъ по кустамъ?
Что зыблется въ листахъ?
Что налетаетъ съ вышины
И плещется въ волнахъ?

Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ?
Что нѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?

То феи... въ легкій хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ: ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ.

Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,
Одинъ не побѣждёнъ:
Въ нетлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Одинъ сквозь лѣсъ густой.

Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей;—
Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студеной зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ:
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;

На камень сѣлъ, поникъ главой,
И погрузился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ:
Сѣдыя кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.

Когда жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой—
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

Содержаніе: 1) Торжественное возвращеніе Гаральда съ дружиной послѣ побѣды. 2) Появленіе фей и очарованіе ими воиновъ. 3) Роковая ошибка Гаральда. 4) Картина очарованнаго сна рыцаря.

13) Алонзо.

(Л. Уланда).

Изъ далекой Палестины
Возвратясь, пѣвецъ Алонзо
Къ замку Бальби приближался,
Полонъ пѣсней вдохновенныхъ:

Тамъ красавица младая,
Струны звонкія подслушавъ,
Обомлѣетъ, затрепещетъ,
И съ альтана [1]) взоръ наклонитъ.

Онъ приходитъ въ за́мокъ Бальби,
И подъ окнами поетъ онъ
Все, что сердце молодое
Въ тайнѣ выдумать умѣло.

---

[1]) Альтанъ (итал.)—родъ балкона.

И цвѣты съ высокихъ оконъ,
Видитъ онъ, къ нему склонились;
Но царицы сладкихъ пѣсней
Межъ цвѣтами онъ не видитъ.

И ему тогда прохожій
Прошепталъ съ лицомъ печальнымъ:
„Не тревожь покоя мертвыхъ;
„Спитъ во гробѣ Изолина“.

И на то пѣвецъ Алонзо
Не отвѣтствовалъ ни слова;
Но глаза его потухли
И не бьется болѣ сердце.

Какъ незапнымъ дуновеньемъ
Вѣтерокъ лампаду гаситъ,
Такъ угасъ въ одно мгновенье
Молодой пѣвецъ отъ слова.

Но въ старинной церкви замка,
Гдѣ пылали ярко свѣчи,
Гдѣ во гробѣ Изолина,
Подъ душистыми цвѣтами,

Блѣднолицая лежала,
Всѣхъ проникъ незапный трепетъ:
Оживленная, изъ гроба
Изолина поднялася...

Отъ безчувствія могилы
Возвратясь незапно къ жизни,
Въ гробовой она одеждѣ,
Какъ въ уборѣ брачномъ, встала;

И не зная, что съ ней было,
Какъ объятая видѣньемъ,

Изумленная спросила:
Не пропѣлъ-ли здѣсь Алонзо?...

Такъ, пропѣлъ онъ, твой Алонзо!
Но ему не пѣть ужъ болѣ:
Пробудивъ тебя изъ гроба,
Самъ заснулъ онъ—и навѣки.

Тамъ, въ странѣ преображенныхъ,
Ищетъ онъ свою земную,
До него съ земли на небо
Улетѣвшую подругу...

Небеса кругомъ сіяютъ,
Безмятежны и прекрасны...
И надеждой обольщенный,
Ихъ блаженства пролетая,

Кличетъ тамъ онъ: Изолина!
И спокойно раздается:
Изолина! Изолина!
Тамъ, въ блаженствахъ безотвѣтныхъ.

14) Королева Урака и пять мучениковъ.

(Р. Соути).

Пять чернецовъ въ далекій путь идутъ;
Но имъ назадъ уже не возвратиться;
Въ отечествѣ имъ болѣ не молиться:
Они конецъ межъ нехристей найдутъ.

И съ набожной Уракой королевой,
Собравшись въ путь, прощаются они:
Ты насъ въ своихъ молитвахъ помяни,
А надъ тобой Христосъ съ Пречистой Дѣвой!

Послушай, три пророчества тебѣ
Мы, отходя, на память оставляемъ;
То судъ небесный, онъ неизмѣняемъ;
Смирись, своей покорствуя судьбѣ:

Въ Марокко мы за вѣру нашей кровью
Омоемъ землю; тамъ, въ послѣдній часъ,
Прославимъ мы Того, кто Самъ за насъ
Мученіе пріялъ съ такой любовью.

Въ Коимбру наши грѣшныя тѣла
Перенесутъ: на то святая воля,
Дабы смиренныхъ мучениковъ доля
Для христіанъ спасеніемъ была.

И тотъ, кто первый наши гробы встрѣтитъ
Изъ насъ двоихъ, король иль ты, умретъ
Въ ту ночь: на утро новый день взойдетъ,
Его жъ очей онъ болѣ не освѣтитъ.

Прости же, королева, Богъ съ тобой!
Вседневно за тебя молиться станемъ,
Пока мы живы; и тебя помянемъ
Въ ту ночь, когда конецъ настанетъ твой.—

Пять чернецовъ, одинъ послѣ другова,
Благословивъ ее, въ свой путь пошли,
И въ Африку смиренно понесли
Небесный даръ ученія Христова.

„Король Альфонзо, знаетъ ли что свѣтъ
„О чернецахъ? Какая ихъ судьбина?
„Пріялъ ли умъ царя Мирамолина
„Ученье ихъ? Или уже ихъ нѣтъ“?

—Свершилося великое ихъ дѣло:
Въ небесную они вступили дверь;

Предъ Господомъ стоятъ они теперь
Въ вѣнцѣ, въ одеждѣ мучениковъ бѣлой.

А ихъ тѣла, подъ зноемъ, подъ дождемъ,
Лежатъ въ пыли, истерзаны мученьемъ;
И вѣрные почтить ихъ погребеньемъ
Не смѣютъ, трепеща передъ Царемъ.—

„Король Альфонзо, изъ земли далёкой
„Какая намъ о мученикахъ вѣсть?
„Оказана ль имъ погребенья честь?
„Смягчился ли Мирамолинъ жестокой"?

— Свирѣпый мавръ хотѣлъ, чтобъ ихъ тѣла
Безъ погребенья честнаго истлѣли,
Чтобъ расклевалъ ихъ вранъ иль псы ихъ съѣли,
Чтобъ ихъ костей земля не приняла;

Но Божіи тамъ молніи пылали;
Но Божій громъ всечасно падалъ тамъ;
Къ почіющимъ въ нетлѣніи тѣламъ
Ни песъ, ни вранъ коснуться не дерзали.

Мирамолинъ, симъ чудомъ поражонъ,
Подумалъ: намъ такіе страшны гости,
И Педро, братъ мой, взялъ святыя кости;
Ужъ на пути къ Коимбрѣ съ ними онъ.—

Всѣ алтари коимбрскіе цвѣтами
И тканями богатыми блестятъ;
Всѣ улицы коимбрскія кипятъ
Шумящими, веселыми толпами.

Звонятъ въ колокола, кадятъ, поютъ;
Священники и рыцари въ собраньѣ;
Готово все начать торжествованье,
Лишь короля и королеву ждутъ.

*

— Пойдемъ, жена моя Урака, время!
Насъ ждутъ; собрался весь духовный чинъ.
„Поди, король Альфонзо, ты одинъ,
„Я чувствую болѣзни тяжкой бремя“.

—Но мощи мучениковъ исцѣлятъ
Твою болѣзнь въ единое мгновенье:
За прежнее твое благоволенье
Они теперь тебя вознаградятъ.

Пойдемъ же имъ во срѣтеніе съ ходомъ;
Не замедляй процессіи святой;
То будетъ грѣхъ и стыдъ для насъ съ тобой,
Когда мощей не встрѣтимъ мы съ народомъ.—

На бѣлаго коня тогда она
Садится; съ ней король; они за ходомъ
Тихонько ѣдутъ; все кипитъ народомъ;
Дорога вся—какъ цѣпь людей одна.

„Король Альфонзо, позади со мною
„Не оставайся ты; спѣши впередъ,
„Чтобъ первому, предупредя народъ,
„Почтить святыхъ угодниковъ мольбою.

„Меня всѣхъ силъ лишаетъ мой недугъ,
„И нуженъ мнѣ хоть мигъ отдохновенья;
„Послѣдую тебѣ безъ замедленья...
„Спѣши жъ впередъ со свитою, мой другъ“.

Немедленно король коню далъ шпоры
И поскакалъ со свитою впередъ;
Ужъ позади остался весь народъ,
Ужъ вдалекѣ ихъ потеряли взоры.

Вдругъ дикій вепрь имъ путь перебѣжалъ.
„Лови! лови!“ (къ своимъ нетерпѣливый

Кричитъ король) и конь его ретивый
Черезъ поля за вепремъ поскакалъ.

И вепря онъ гоняетъ. Той порою
Медлительно во срѣтенье мощей
Идетъ Урака съ свитою своей,
И весь народъ валитъ за ней толпою.

И вдалекѣ представился имъ ходъ:
Идутъ, поютъ, несутъ святыя раки [1]);
Уже онѣ предъ взорами Ураки,
И съ нею въ прахъ простерся весь народъ.

Но гдѣ жъ король?... Увы! Урака плачетъ:
Исполниться пророчеству надъ ней!
И вотъ, глядитъ... со свитою своей,
Оконча ловъ, король Альфонзо скачетъ.

„Угодники святые, за меня
„Вступитеся! (она гласитъ, рыдая)
„Мнѣ помоги, о Дѣва Пресвятая,
„Въ послѣднiй часъ рѣшительнаго дня“.

И въ этотъ день въ Коимбрѣ все ликуетъ;
Народъ поетъ, всѣ улицы шумятъ;
Не радостенъ лишь королевинъ взглядъ;
На праздникѣ одна она тоскуетъ.

Проходитъ день, и праздникъ замолчалъ;
На западѣ давно ужъ потемнѣло;
На улицахъ Коимбры опустѣло;
И тихо часъ полночный наступалъ.

И въ этотъ часъ во храмѣ томъ, гдѣ раки
Угодниковъ стояли, былъ монахъ:

---

[1]) Рака—гробница, ковчегъ съ мощами угодника Божiя.

Святымъ мощамъ молился онъ въ слезахъ;
То былъ смиренный духовникъ Ураки.

Онъ молится... вдругъ часъ полночный бьетъ;
И пораженъ чудеснымъ онъ видѣньемъ;
Онъ видитъ: въ храмъ съ молитвой, съ тихимъ пѣньемъ
Толпа гостей таинственныхъ идетъ.

Въ суровыя одѣты власяницы,
Веревкою обвязаны простой;
Но блескъ отъ нихъ исходитъ неземной,
И свѣтятся преображенны лицы.

И въ сонмѣ томъ блистательнѣй другихъ
Являлися пять иноковъ, какъ братья;
Казалось, кровь ихъ покрывала платья,
И вѣтви пальмъ въ рукахъ сіяли ихъ.

И тотъ, кто велъ пришельцевъ незнакомыхъ,
Казалось, былъ еще земли жилецъ;
Но и надъ нимъ горѣлъ лучей вѣнецъ,
Какъ надъ святой главою имъ ведомыхъ.

Предъ алтаремъ они, устроясь въ рядъ,
Запѣли гимнъ торжественно-печальный:
Казалося, свершали погребальный
За упокой души они обрядъ.

— Скажите, кто вы? (чудомъ изумленной,
Спросилъ святыхъ пришельцевъ духовникъ)
О комъ поетъ вашъ погребальный ликъ?
О чьей душѣ вы молитесь блаженной?

„Угодниковъ святыхъ ты слышишь гласъ;
„Мы братья ихъ, пять чернецовъ смиренныхъ:
„Сопричтены за муки въ ликъ блаженныхъ;
„Отецъ Францискъ живой предводитъ насъ.

„Исполнили мы королевѣ данный
„Обѣтъ: ее теперь возьметъ земля;
„Поди отсель, увѣдомь короля
„О томъ, чему ты зритель былъ избранный“.

И скрылось всё... Оставивъ храмъ, чернецъ
Спѣшитъ къ Альфонзу съ вѣстію печальной...
Вдругъ тяжко звонъ раздался погребальной:
Онъ королевинъ возвѣстилъ конецъ.

15) Покаяніе.

Былъ папа готовъ литургію свершать;
Сіяя въ святомъ облаченьи,
Съ могуществомъ, даннымъ ему, отпускать
Всѣмъ грѣшникамъ ихъ прегрѣшенья.

И папа обрядъ очищенья свершалъ;
Во прахѣ народъ простирался;
И кто съ покаяніемъ прахъ лобызалъ,
Отъ всѣхъ тотъ грѣховъ очищался.

Органа торжественный громъ восходилъ
Горѣ во святомъ ѳиміамѣ,
И страхъ соприсутствія Божія былъ
Разлитъ благодатно во храмѣ.

Святѣйшее слово онъ хочетъ сказать—
Устамъ не покорствуютъ звуки;
Сосудъ живоносный онъ хочетъ поднять —
Дрожащія падаютъ руки.

„Есть грѣшникъ великій во храмѣ святомъ!
„И бремя на немъ святотатства!
„Нѣтъ части ему въ разрѣшеньи моёмъ:
„Онъ здѣсь не отъ нашего братства.

„Нѣтъ слова, чтобъ миръ водворило оно
„Въ душѣ погубленной отнынѣ;
„И онъ обрѣтетъ осужденье одно
„Въ чистѣйшей небесной святынѣ.

„Бѣги жъ, осужденный, отвергнись отъ насъ;
„Не жди моего заклинанья;
„Бѣги, да свершу невозбранно въ сей часъ
„Великій обрядъ покаянья“.

Съ толпой на колѣнахъ стоялъ пилигримъ,
Въ простую одѣтъ власяницу;
Впервые узрѣлъ онъ сіяющій Римъ,
Великую вѣры столицу.

Молчанье храня, онъ пришелъ изъ своей
Далекой отчизны, какъ нищій;
И цѣлые сорокъ дней и ночей
Почти не касался до пищи;

И въ храмѣ, въ святой покаянія часъ,
Усерднѣй никто не молился...
Но грянулъ надъ нимъ заклинательный гласъ—
Онъ блѣденъ поднялся и скрылся.

Спѣшитъ запрещенный покинуть онъ Римъ;
Преслѣдуемъ словомъ ужаснымъ,
Къ шотландскимъ идетъ онъ горамъ голубымъ,
Къ озерамъ отечества яснымъ.

Когда жъ возвратился въ отечество онъ,
Въ старинную дѣдовъ обитель:
Вассалы къ нему собрались на поклонъ,
И ждали, что скажетъ властитель.

Но прежній властитель, дотолѣ вождемъ
Имъ бывшій ко славѣ побѣдной,

Ихъ принялъ съ унылымъ, суровымъ лицомъ,
Съ потухшими взорами, блѣдной.

Сложилъ онъ съ вассаловъ подданства обѣтъ,
И съ ними безмолвно простился;
Покинулъ онъ замокъ, покинулъ онъ свѣтъ,
И въ келью отшельникомъ скрылся.

Себя онъ обрекъ на молчанье и трудъ;
Безъ сна проводилъ онъ всѣ ночи;
Какъ блѣдный убійца, ведомый на судъ,
Бродилъ онъ, потупивши очи.

Не зналъ онъ покрова ни въ холодъ, ни въ дождь;
Въ раздранной ходилъ власяницѣ;
И въ кельѣ, бывалый властитель и вождь,
Гнѣздился, какъ мертвый въ гробницѣ.

Въ святой монастырь Богоматери далъ
Онъ часть своего достоянья:
Чтобъ тамъ о погибшихъ соборъ совершалъ
Вседневно обрядъ поминанья.

Когда жъ поминанье соборъ совершалъ,
Моляся въ усердіи тепломъ:
Онъ въ храмъ не входилъ; передъ дверью лежалъ
Онъ въ прахѣ, осыпанный пепломъ.

Окрестъ сторона та прекрасна была:
Рѣка, наравнѣ съ берегами,
По зелени яркой лазурно текла
И зелень поила струями;

Живыя дороги вились по полямъ;
Межъ нивами села блистали;
Пестрѣли стада; отвѣчая рогамъ,
Долины и холмы звучали;

Святой монастырь на пригоркѣ стоялъ
За темною кленовъ оградой:
Межъ ними—въ то время, какъ вечеръ сіялъ—
Багряной горѣлъ онъ громадой.

Но грѣшнымъ очамъ непримѣтна краса
Веселой, окрестной природы;
Безъ блеска для мертвой души небеса,
Безъ голоса рощи и воды.

Есть мѣсто—туда, какъ могильная тѣнь,
Одною дорогой онъ ходитъ;
Тамъ часто задумчивъ сидитъ онъ весь день,
Тамъ часто и ночи проводитъ.

Въ лѣсномъ захолустьѣ, гдѣ сонный ворчитъ
Источникъ, влачася лѣниво,
На дикой полянѣ часовня стоитъ
Въ обломкахъ, заглохшихъ крапивой;

И черны обломки: пожаръ тамъ прошолъ;
Золою, стопившейся въ камень,
И падшею кровлей задавленный полъ,
Рѣшетки, стерпѣвшія пламень,

И полосы дыма на голыхъ стѣнахъ,
И древній алтарь безъ святыни,
Все сердцу твердитъ, пробуждая въ немъ страхъ,
О тайнѣ сей мрачной пустыни.

Ужасное дѣло свершилося тамъ:
Въ часовнѣ пустыннаго мѣста,
Въ часъ ночи, обѣтъ принося небесамъ,
Стояли женихъ и невѣста.

Къ красавицѣ бурною страстью пылалъ
Округи могучій властитель;

Но нравился болѣ ей скромный вассалъ,
Чѣмъ гордый его повелитель.

Соперника ревность была имъ страшна:
И въ тайнѣ ихъ бракъ совершился.
Ужъ клятва любви небесамъ предана,
И пастырь надъ ними молился...

Вдругъ топотъ и клики и пламя кругомъ!
Ихъ тайна открыта; въ кипѣньѣ
Обиды, любви, обезумленъ виномъ,
Дерзнулъ онъ на страшное мщенье:

Захлопнуты двери; часовня горитъ;
Стенаньямъ смѣется губитель;
Все пышетъ, валится, трещитъ и гремитъ,
И въ пеплѣ—святыни обитель.

Былъ вечеръ прекрасенъ и тихъ и душистъ;
На горныхъ вершинахъ сіяло;
Сводъ неба глубокій былъ теменъ и чистъ;
Торжественно все утихало.

Въ обители иноковъ слышался звонъ:
Тамъ было вечернее бдѣнье;
И иноки пѣли хвалебный канонъ,
И было ихъ сладостно пѣнье.

По-прежнему грустенъ, по-прежнему дикъ
(Ужъ годы прошли въ покаяньѣ),
На мѣсто, гдѣ сердце онъ мучить привыкъ,
Онъ шелъ, погруженный въ молчанье.

Но вечеръ невольно бесѣдовалъ съ нимъ
Своей миротворной красою,
И тихой земли усыпленьемъ святымъ,
И звѣздныхъ небесъ тишиною.

И воздухъ его обнималъ теплотой,
И пилъ ароматъ онъ цѣлебный,
И въ слухъ долеталъ издалека порой
Отшельниковъ голосъ хвалебный.

И съ чувствомъ, давно позабытымъ, поднялъ
На небо онъ взоръ свой угрюмой,
И долго смотрѣлъ и недвижимъ стоялъ,
Окованный тайною думой...

Но вдругъ содрогнулся—какъ будто о чемъ
Ужасномъ онъ вспомнилъ—глубоко
Вздохнулъ, сталъ блѣднѣй, и обычнымъ путемъ
Пошелъ, какъ мертвецъ, одиноко.

Главу опустя, безнадежно унылъ,
Отчаянно стиснувши руки,
Приходитъ туда онъ, куда приходилъ
Ужъ годы вседневно для муки.

И видитъ... у входа часовни сидитъ
Чернецъ въ размышленьи глубокомъ:
Онъ чуденъ лицемъ; на него онъ глядитъ
Пронзающимъ внутренность окомъ.

И тихо сказалъ наконецъ онъ: Христосъ
Тебя сохрани и помилуй!
И грѣшнику душу привѣтъ сей потрёсъ,
Какъ лучъ воскресенья—могилу.

— Отвѣтствуй мнѣ, кто ты? (чернецъ вопросилъ)
Свою мнѣ повѣдай судьбину;
По виду ты странникъ; быть можетъ, ходилъ,
Свершая обѣтъ, въ Палестину?

Или ко гробамъ Чудотворцевъ святыхъ
Свое приносилъ поклоненье?

Съ собою мощей не принесъ ли какихъ,
Дарующихъ грѣшнымъ спасенье?

„Мощей не принесъ я; къ гробамъ не ходилъ,
„Спасающимъ насъ благодатью;
„Не зрѣлъ Палестины... но въ Римѣ я былъ,
„И преданъ на вѣки проклятью".

— Проклятія вѣчнаго нѣтъ для живыхъ;
Есть вѣрный за падшихъ Заступникъ.
Приди, исповѣдайся въ тайныхъ своихъ
Грѣхахъ предо мною, преступникъ.

„Что сдѣлать невластенъ Святѣйшій Отецъ,
„Владыка и Божій намѣстникъ,
„Тебѣ ли то сдѣлать? И кто ты, чернецъ?
„Кѣмъ посланъ ты, милости вѣстникъ?"

— Я здѣсь издалека: былъ въ той сторонѣ,
Гдѣ вѣдома участь земного;
Здѣсь память загладить позволено мнѣ
Ужаснáго дѣла ночного.—

При словѣ семъ грѣшникъ на землю упалъ...
Всѣ члены его трепетали...
Онъ исповѣдь началъ... но что онъ сказалъ,
Того на землѣ не узнали.

Лишь мѣсяцъ ихъ тайнымъ свидѣтелемъ былъ,
Смотря сквозь древесныя сѣни;
И, мнилось, въ то время, когда онъ свѣтилъ,
Двѣ легкія вѣяли тѣни;

Двумя облачками казались онѣ;
Все выше, все выше взлетали:
И всё неразлучны; и вдругъ въ вышинѣ
Съ лазурью слились и пропали.

И онъ на землѣ не встрѣчался съ тѣхъ поръ.
    Одно сохранилось въ преданьѣ:
Съ обычнымъ обрядомъ священный соборъ
    Во храмѣ свершалъ поминанье;

И пѣньемъ торжественнымъ полонъ былъ храмъ,
    И тихо дымились кадилы,
И вмѣстѣ съ земными невидимо тамъ
    Служили небесныя Силы.

И въ храмъ онъ вошелъ, къ алтарю приступилъ,
    Пречистыхъ Даровъ причастился,
На небо сіяющій взоръ устремилъ,
    Сжалъ набожно руки... и скрылся.

16) Судъ Божій.

(Подражаніе Шиллеру).

Былъ непороченъ душой Фридолинъ; онъ въ страхѣ Господнемъ
Вѣрно служилъ своей госпожѣ, графинѣ Саверкской.
Правда, нетрудно было служить ей: она добронравна
Свойствомъ, тиха въ обращеньи была; но и тяжкую должность
Съ кроткимъ терпѣніемъ онъ исполнялъ бы, покорствуя Богу.
Съ самаго ранняго утра до поздней ночи, всечасно
Былъ онъ на службѣ ея, ни минуты покоя не зная;
Если жъ случалось сказать ей ему: Фридолинъ, успокойся!
Слезы въ его появлялись глазахъ: за нее и мученье
Было бы сладостно сердцу его, и не службой считалъ онъ
Легкую службу. За то и его отличала графиня;
Вѣчно хвалила и прочимъ слугамъ въ примѣръ подражанья
Ставила; съ нимъ же самимъ она обходилась, какъ съ сыномъ
Мать, а не такъ, какъ съ слугой госпожа. И было пріятно
Ей любоваться прекраснымъ, невиннымъ лицомъ Фридолина.

То примѣчая, сокольничій Робертъ досадовалъ; зависть
Грызла его свирѣпую душу. Однажды, съ охоты
Съ графомъ вдвоемъ возвращаяся въ зáмокъ, Робертъ, лукавымъ
Бѣсомъ прельщенный, вотъ что сказалъ господину, стараясь
Въ сердце его заронить подозрѣніе: „Счастьемъ завиднымъ
„Богъ наградилъ васъ, графъ государь; онъ далъ вамъ въ супругѣ
„Вашей сокровище; нѣтъ ей подобной на свѣтѣ; какъ Ангелъ
„Божій прекрасна, добра, цѣломудренна; спите спокойно:
„Мыслью никто не посмѣетъ приблизиться къ ней". Заблистали
Грозно у графа глаза.—Что смѣешь ты бредить? сказалъ онъ,
Женская вѣрность слово пустое; на ней опираться
Тоже, что строить на зыбкой водѣ; берегися, какъ хочешь:
Все обольститель отыщетъ дорогу къ женскому сердцу.
Вѣра моя на другомъ твердѣйшемъ стоитъ основаньи:
Кто помыслить дерзнетъ о женѣ Саверискаго графа?
„Правда, коварно отвѣтствовалъ Робертъ, подобная дерзость
„Только безумному въ голову можетъ зайти. Лишь презрѣнья
„Стоитъ жалкій глупецъ, который, воспитанный въ рабствѣ,
„Смѣетъ глаза подымать на свою госпожу и, служа ей,
„Въ сердцѣ развратномъ желанья таить".—Что слышу! воскликнулъ
Графъ, поблѣднѣвши отъ гнѣва. О комъ говоришь ты? И живъ онъ?
„Всѣ объ немъ говорятъ, государь; а я изъ почтенья
„Къ вамъ, полагая, что все вамъ извѣстно, молчалъ: что самимъ вамъ
„Въ тайнѣ угодно держать, то должно и для насъ быть священной
„Тайной". — Злодѣй, говори! въ изступленьи ужасномъ воскликнулъ
Графъ. Ты погибъ, когда не скажешь мнѣ правды! Кто этотъ
Дерзкій? „Пажъ Фридолинъ; онъ молодъ, лицомъ миловиденъ

(Такъ шипѣлъ предательски Робертъ, а графа бросало
Въ холодъ и въ жаръ отъ рѣчей ядовитыхъ). „Возможно ль, чтобъ сами
„Вы не видали того, что каждому видно? За нею
„Всюду глазами онъ слѣдуетъ; ей одной, забывая
„Все, за столомъ онъ служитъ; за стуломъ ея, какъ волшебной
„Скованный силой, стоитъ онъ и рдѣетъ любовью преступной.
„Онъ и стихи написалъ, и въ нихъ передъ ней признается
„Въ нѣжной любви".—Признается!—„И даже молить о взаимномъ
„Чувствѣ дерзаетъ. Конечно, графиня, по кротости сердца,
„Скрыла отъ васъ, государь, безумство такое, и самъ я
„Лучше бы сдѣлалъ, когда бъ промолчалъ: чего вамъ страшиться?"
Графъ не отвѣтствовалъ: ярость душила его. Приближались
Въ это время они къ огромной литейной палатѣ:
Тамъ непрестанно огонь, какъ будто въ адской пучинѣ,
Въ горнахъ пылалъ, и желѣзо, какъ лава кипя, клокотало;
День и ночь работники тамъ суетились вкругъ горновъ,
Пламя питая; взвивалися вихрями искры; свистали
Страшно мѣхи; колесо подъ водою средь брызжущей пѣны
Тяжко вертѣлось; и молотъ огромный, гремя неумолкно,
Самъ, какъ живой, подымался и падалъ. Графъ, подозвавши
Двухъ изъ работниковъ, такъ имъ сказалъ: Исполните въ точность
Волю мою; того, кто первый придетъ къ вамъ и спроситъ:
Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ? безъ всякой пощады
Бросьте въ огонь, чтобъ его и слѣдовъ не осталось.—Съ свирѣпымъ
Смѣхомъ рабы обѣщались покорствовать графскому слову.
Души ихъ были суровѣй желѣза; рвенье удвоивъ,
Начали снова работать они и, убійствомъ заранѣ
Жадную мысль веселя, дожидались обѣщанной жертвы.

Къ графу тѣмъ временемъ хитрый наушникъ позвалъ Фридо-
лина.
Графъ, увидя его, говоритъ: ты долженъ, не медля ни мало,
Въ лѣсъ пойти и спросить отъ меня у литейщиковъ, все ли
Сдѣлано то, что я приказалъ?—Исполнено будетъ,
Скромно отвѣтствуетъ пажъ; и готовъ ужъ итти, но подумавъ:
Можетъ быть, дастъ ему и она порученье какое—
Онъ приходитъ къ графинѣ и ей говоритъ: господиномъ
Посланъ я въ лѣсъ; но вы моя госпожа, не угодно ль
Будетъ и вамъ чего приказать?—Ему съ благосклоннымъ
Взоромъ графиня отвѣтствуетъ: другъ мой, къ обѣднѣ хотѣлось
Нынѣ сходить мнѣ, но боленъ мой сынъ: сходи, помолися
Ты за меня; а если и самъ согрѣшилъ, то покайся.
Весело въ путь свой пошелъ Фридолинъ; и еще изъ деревни
Онъ не вышелъ, какъ слышитъ благовѣстъ: колоколъ звонкимъ
Голосомъ звалъ Христіанъ на молитву. Отъ встрѣчи Господней
Ты уклоняться не долженъ, сказалъ онъ, и въ церковь съ
смиреннымъ,
Набожнымъ сердцемъ вступилъ; но въ церкви пусто и тихо:
Жатва была, и всѣ поселяне работали въ полѣ.
Тамъ стоялъ священникъ одинъ: никто не явился
Быть на время обѣдни прислужникомъ въ храмѣ. Господу
Богу
Прежде свой долгъ отдай, потомъ господину. Съ такою
Мыслью усердно онъ началъ служить: священнику ризы,
Стóлу и сингулумъ [1]) подалъ; потомъ приготовилъ святыя
Чаши; потомъ, молитвенникъ взявши, сталъ умиленно
Долгъ исправлять министранта [2]); и тамъ и тутъ на колѣни,
Руки сжавъ, становился; звонилъ въ колокольчикъ, какъ скоро

[1]) Стóла—бѣлая, широкая плечевая повязка, надѣваемая католическимъ священникомъ при богослуженіи.—Сингулумъ—одѣяніе католическаго священника.

[2]) Министрантъ—прислуживающій катол. священнику во время богослуженія.

Провозглашаемо было великое Sanctus; когда же
Тайну священникъ свершилъ, предстоя алтарю, и возвысилъ
Руку, чтобъ вѣрнымъ явить Спасителя-Бога въ безкровной
Жертвѣ, онъ звономъ торжественнымъ то возвѣстилъ и смиренно
Палъ на колѣни предъ Господомъ, въ грудь себя поражая,
Тихо молитву творя и крестомъ себя знаменуя.
Такъ до конца литургіи онъ все, что уставлено чиномъ,
Въ храмѣ свершалъ. Напослѣдокъ, окончивши службу святую,
Громко священникъ воскликнулъ: vobiscum Dominus[1]), вѣрныхъ
Благословилъ, и церковь совсѣмъ опустѣла; тогда онъ,
Все въ порядокъ приведши, и чаши, и ризы, и утварь,
Церковь оставилъ, и къ лѣсу пошелъ, и въ добавокъ дорогой
Pater noster[2]) двѣнадцать разъ прочиталъ. Подошедши
Къ лѣсу, онъ видитъ огромный дымящійся горнъ; передъ горномъ,
Черны отъ дыма, стояли два работника. Къ нимъ обратяся,
Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ? онъ спросилъ. И оскаливъ
Зубы смѣхомъ ужаснымъ, они указали на пламень
Горна. „Онъ тамъ! (прошепталъ сиповатый ихъ голосъ) какъ должно
Прибранъ, и графъ насъ похвалитъ“. Съ такимъ ихъ отвѣтомъ обратно
Въ замокъ пошелъ Фридолинъ. Увидя его издалека,
Графъ не повѣрилъ глазамъ.—Несчастный! откуда идешь ты?—
„Изъ лѣсу прямо“.—Возможно ль? ты вѣрно промѣшкалъ въ дорогѣ?—
„Въ церковь зашелъ я. Простите мнѣ, графъ государь; повелѣнье
„Ваше принявъ, у моей госпожи, по обычному долгу,
„Также спросилъ я, не будетъ ли мнѣ и ея приказанья?

---

[1]) Возгласъ католическаго священника при богослуженіи: „Да будетъ Господь съ вами!“

[2]) Отче нашъ.

„Выслушать въ церкви обѣдню она приказала. Исполнивъ
„Волю ея, помолился я тамъ и за здравіе ваше".
Графъ трепеталъ и блѣднѣлъ.. Но скажи мнѣ, спросилъ онъ,
Что отвѣчали тебѣ?—„Непонятенъ отвѣтъ былъ. Со смѣхомъ
Было на горнъ мнѣ указано. Тамъ онъ! (сказали) какъ должно,
„Прибранъ, и графъ насъ похвалитъ!"—А Робертъ? спросилъ, леденѣя
Въ ужасѣ, графъ. Ты съ нимъ не встрѣчался? Онъ посланъ былъ мною
Въ лѣсъ.—„Государь, ни въ лѣсу, ни въ полѣ, нигдѣ я не встрѣтилъ
„Роберта".—Ну! вскричалъ уничтоженный графъ, опустивши
Въ землю глаза. Самъ Богъ рѣшилъ правосудный! — И, съ кроткой
Ласкою за руку взявъ Фридолина, съ нимъ вмѣстѣ пошелъ онъ
Прямо къ супругѣ и ей (хотя сокровеннаго смысла
Рѣчи его она не постигла) сказалъ, представляя
Милаго юношу, робко предъ ними склонившаго очи:
Онъ, какъ дитя, непороченъ; нѣтъ ангела на небѣ чище.
Врагъ коваренъ; но съ нимъ Господь и всевышнія Силы.

17) Двѣ были и еще одна.

День былъ ясенъ и тепелъ; къ закату сходящее солнце
Ярко сіяло на чистомъ лазоревомъ небѣ. Спокойно
Дѣдушка, солнцемъ согрѣтый, сидѣлъ у воротъ на скамейкѣ;
Глядя на ласточекъ, быстро кружившихъ въ воздушномъ пространствѣ,
Вслѣдъ за ними пускалъ онъ дымокъ изъ маленькой трубки;
Легкими кольцами дымъ подымался и, съ воздухомъ слившись,
Въ немъ пропадалъ. Маргарита, Луиза и Лотта за пряжей
Чинно сидѣли кругомъ; самопрялки жужжали и тонкой
Струйкой нити вилися; Фрицъ работалъ, а Енни,
Вѣчный лѣнивецъ, игралъ на травѣ съ курчавою шафкой.

Всѣ молчали, какъ будто ангелъ тихій провѣялъ.
—Дѣдушка, Лотта сказала, что ты примолкъ? Разскажи намъ
Сказку; вечеръ ясный такой; намъ весело будетъ
Слушать.—Сказку? старикъ проворчалъ, высыпая изъ трубки
Пепелъ, все бы вамъ сказки; не лучше ль послушать вамъ
были?
Быль разскажу вамъ и быль не одну, а двѣ.—Опроставши
Трубку и снова набивъ ее табакомъ, изъ мошонки
Дѣдушка вынулъ огниво, и трутъ на кремень положивши,
Крѣпко ударилъ сталью въ кремень, посыпались искры,
Трутъ загорѣлся, и трубка опять задымилась. Собравшись
Съ мыслями, дѣдушка такъ разсказывать съ важностью на-
чалъ:
Дѣти, смотрите, какъ все передъ нами прекрасно, какъ солнце,
Медленно съ неба спускаясь, все осыпаетъ лучами;
Реинъ золотомъ льется; жатва какъ тихое море;
Холмы зеленые въ свѣтѣ вечернемъ горятъ; по дорогамъ
Шумъ и движенье; поднявъ паруса, нагруженныя барки
Быстро бѣгутъ по водамъ; а наша приходская церковь...
Окна ея какъ огни межъ темными липами блещутъ,
Вкругъ мелькаютъ кресты на кладбищѣ, и въ воздухѣ тепломъ
Птицы вьются, мошки блестящею пылью мелькаютъ;
Весь онъ полонъ говоромъ, пѣньемъ, жужжаньемъ... прекрасенъ
Міръ Господень! сердцу такъ радостно, сладко и вольно!
Скажешь: гдѣ бы въ этомъ прекрасномъ мірѣ Господнемъ
Быть несчастью? Анъ нѣтъ! и не только несчастье—злодѣйство
Мѣсто находитъ въ немъ. Видите ль тамъ на высокомъ при-
горкѣ
Замокъ въ обломкахъ? Теперь по стѣнамъ расцвѣтаетъ зеленый
Плющъ, и солнце его золотитъ, и звонкую пѣсню безпечно,
Сидя въ травѣ, на рожкѣ тамъ играетъ пастухъ. А на Рейнѣ
Видите ль вы небольшой островокъ? Молодая изъ кленовъ
Роща на немъ расцвѣла; подъ тѣнью ея разостлавши
Сѣти, рыбакъ готовитъ свой ужинъ, и дымъ голубою
Струйкой вьется по зелени темной. Взглянуть, такъ прекрасный

Рай. Ну, слушайте жъ: очень недавно, тамъ, на пригоркѣ,
Близко развалинъ зáмка, стояла гостинница: чистый,
Свѣтлый, просторный домъ, подъ вывѣской чернаго вепря.
Въ этой гостинницѣ каждый прохожій въ то время могъ видѣть
Бѣдную Эми. Подлинно бѣдная! дико потупивъ
Голову, въ землю глаза неподвижно уставивъ, по цѣлымъ
Днямъ сидѣла она передъ дверью трактира на камнѣ.
Плакать она не могла, но тяжко, тяжко вздыхала;
Жалобъ никто отъ нея не слыхалъ, но, Боже мой! всякой
Разъ поглядѣвши ей бѣдной въ лицо, узнавалъ, что на свѣтѣ
Все для нея миновалось: мертвою блѣдностью щеки
Были покрыты, глаза изъ глубокихъ впадинъ сверкали
Острымъ огнемъ; одежда была въ безпорядкѣ; какъ змѣи
Черныя кудри по голымъ плечамъ раскиданы были.
Вѣчно молчала она и была тиха, какъ младенецъ;
Но порою, если случалось, что вѣтеръ просвищетъ,
Вдругъ содрогалась, на что то глаза упирала, и пальцемъ
Быстро туда указавъ, смѣялась смѣхомъ безумнымъ.
Бѣдная Эми! такою ль видали ее? Беззаботно
Жизнью бывало она веселилась, какъ вольная пташка.
Помню и я, и старинные гости чернаго вепря,
Какъ насъ радушной улыбкой и ласковымъ словомъ встрѣчала
Эми, какъ весело шло угощенье. И всѣ ей друзьями
Были въ нашей округѣ. Кто веселость и живость
Всюду съ собой приносилъ? Кого, какъ любимаго гостя,
Съ криками вся молодежь встрѣчала на праздникахъ? Эми.
Кто всегда такъ опрятно и чинно одѣтъ былъ? Кого нашъ священникъ
Дѣвушкамъ всѣмъ въ образецъ поставлялъ? Кто, шумя какъ ребенокъ
Рѣзвый на игрищахъ, былъ такъ набожно тихъ за молитвой?
Словомъ: кто бѣднымъ былъ другъ, за больными ходилъ, съ огорченнымъ
Плакалъ, съ дѣтьми игралъ какъ дитя? Все Эми, все Эми.

Господи Боже! она ли не стоила счастья? А вышло
Все напротивъ. Она полюбила Бранда. Признаться,
Этотъ Брандъ былъ молодъ, уменъ и красивъ; но худые
Слухи носились объ немъ; онъ съ людьми недобрыми знался;
Въ церковь онъ не ходилъ; а въ шинкахъ, за картами, кто былъ
Первой? Брандъ. Колдовствомъ ли какимъ онъ понравился Эми,
Самъ ли Господь ей хотѣлъ послать на землѣ испытанье,
Съ тѣмъ, чтобъ душа ея, здѣсь въ страданьяхъ очистившись, прямо
Въ рай перешла,—не знаю, но Эми была ужъ невѣстой
Бранда и всѣ жалѣли объ ней. Ну послушайте жъ: вечеръ
Былъ осенній и бурный; въ гостинницѣ чернаго вепря
Два сидѣли гостя; яркое пламя трещало въ каминѣ.
„Что за погода! сказалъ одинъ. Не раздолье ль въ такую
„Бурю сидѣть у огня и слушать, какъ вѣтеръ холодный
„Рвется въ оконницы“? — Правда, другой отвѣчалъ: ни за что бы
Я теперь отсюда не вышелъ, ужасъ не буря.
Мѣсяцъ на небѣ есть, а ночь такъ темна, что хоть оба
Выколи глáза; плохо тому, кто въ дорогѣ.—„Желалъ бы
„Знать я, найдется ль такой удалецъ, чтобъ теперь въ тотъ старинный
„Замокъ сходить? Онъ близко, шаговъ съ три сотни не болѣ;
„Но признаться, днемъ я не трусъ, а ночью въ такое
„Время пойти туда, гдѣ, быть можетъ, въ потемкахъ
„Гость изъ могилы встрѣтитъ тебя—извините; съ живыми
„Сладить можно, а съ мертвымъ и смѣлость не въ пользу; храбрися,
„Сколько угодно душѣ, а что ты сдѣлаешь, если
„Вдругъ предъ тобою длинный, блѣдный, сухой съ костяными
„Пальцами станетъ, и два ужасные глаза упрутся
„Дико въ тебя, и ты ни съ мѣста, какъ камень? А въ этомъ
„Замкѣ, всѣ знаютъ, не чисто; и въ тихую ночь — тамъ не тихо;

„Что же въ бурю, когда и мертвецъ повернется въ могилѣ?"—
Страшно, правда; а я объ закладъ побьюся, что наша
Эми не струситъ и въ замо́къ одна одинешенька сходитъ.—
„Бейся, пробьешь".—Изволь, по рукамъ; ты слышала, Эми?
Хочешь ли новую шляпку выиграть къ свадьбѣ? Сходи же
Въ за́мокъ и вѣтку намъ съ клена, который между обломковъ
Тамъ растетъ, принеси; я знаю, что ты не боишься
Мертвыхъ, и бреднямъ не вѣришь. Согласна ли, Эми? — Согласна,
Эми сказала съ усмѣшкой. Бояться тутъ нечего, развѣ
Бури; а противъ ночныхъ привидѣній защитой молитва.
Съ этимъ словомъ Эми пошла. Развалины были
Близко; но вѣтеръ вылъ и ревѣлъ; темнота гробовая
Все покрывала, и тучи, какъ черныя горы, задвинувъ
Небо, страшно ворочались. Эми знакомой тропинкой
Входитъ безъ всякаго страха въ средину развалинъ;
Кленъ не далеко; вдругъ вѣтеръ утихъ на минуту; и Эми
Слышитъ, что кто-то идетъ живой, а не мертвый; ей стало
Страшно.... Слушаетъ.... вѣтеръ снова поднялся и снова
Стихъ и снова послышалось ей, что идутъ; въ испугѣ
Къ грудѣ развалинъ прижалася Эми. Въ это мгновенье
Вѣтромъ раздвинуло тучи и мѣсяцъ очистился. Что же
Эми увидѣла? Два человѣка—двѣ черныя тѣни—
Крадутся между обломковъ и тащатъ мертвое тѣло.
Вѣтеръ ударилъ сильнѣй; съ головы одного сорвалася
Шляпа, и къ Эминымъ прямо ногамъ прикатилась; а мѣсяцъ
Въ ту минуту пропалъ и все опять потемнѣло.
Стой! (послышался голосъ) шляпу вѣтромъ умчало!
„Послѣ отыщешь; прежде окончимъ работу: зароемъ
„Кладъ свой;" другой отвѣчалъ, и они удалились. Схвативши
Шляпу, стремглавъ пустилась къ гостинницѣ Эми. Блѣднѣе
Смерти, въ двери вбѣжала она, и долго промолвить
Слова не въ силахъ была; отдохнувъ, наконецъ разсказала
То, что ей въ замкѣ привидѣлось. „Вотъ обличитель убійцамъ!"

Шляпу поднявши, громко промолвила Эми; но тутъ же
Въ шляпу всмотрѣлась... „Ахъ!" и упала на полъ безъ чувства:
Брандово имя стояло на шляпѣ. Мнѣ нечего болѣ
Вамъ разсказывать. Въ этотъ мигъ помутился разсудокъ
Бѣдной Эми; Господь милосердый недолго страдать ей
Далъ на землѣ: ее отнесли на кладбище. Но долго
Видѣли столбъ съ колесомъ на пригоркѣ близъ замка: прохожимъ
Онъ приводилъ на память и Бранда, и бѣдную Эми.
Все исчезло теперь, и гостинницы нѣтъ; лишь могилка
Бѣдной Эми цвѣтетъ, какъ цвѣла, и надъ нею спокойно.—
Дѣдушка кончилъ и молча сталъ выколачивать трубку.
Внучки также молчали и съ грустью смотрѣли на церковь:
Солнце играло на ней и темныя липы бросали
Тѣнь на кладбище, гдѣ Эми покоилась въ гробѣ.
—Вотъ вамъ другая быль, сказалъ, опять раскуривши
Трубку, старикъ. Каспаръ былъ бѣденъ. Къ буйной, развратной
Жизни привыкъ онъ и сердце въ немъ сдѣлалось камнемъ. Но жаднымъ
Окомъ смотрѣлъ на чужое богатство Каспаръ. На злодѣйство
Трудно ль рѣшиться тому, кто шатается праздно, не помня
Бога? Такъ и случилось: Каспаръ на ночную добычу
Вышелъ. Вы видите островъ на Рейнѣ? Вдоль берега вьется
Противъ этого острова, мимо утеса дорожка.
Тамъ у самой дорожки, подъ темнымъ утесомъ, въ ночное
Позднее время Каспаръ засѣлъ и ждалъ: не пройдетъ ли
Кто нибудь мимо? Ночь прекрасна была: освѣщенный
Полной луной островокъ отражался въ водѣ и густые
Клены, глядясь въ нихъ, стояли тихо, какъ черныя тѣни:
Все покоилось.... волны изрѣдка въ берегъ плескали,
Въ листьяхъ журчало и пѣлъ соловей. Но злодѣйскимъ
Замысломъ полный, Каспаръ не слыхалъ ничего: онъ иное

Жаднымъ подслушивалъ ухомъ. И вотъ напослѣдокъ онъ слышитъ:
Кто-то идетъ по дорогѣ; то былъ одинокій прохожій.
Выскочилъ, словно какъ звѣрь изъ берлоги, Каспаръ, и недолго
Длилась борьба между ними: бѣдный путникъ съ тяжелымъ
Стономъ упалъ на землю, зарѣзанный. Мертвое тѣло
Въ воду стащилъ Каспаръ и вымылъ кровавыя руки;
Брызнули волны, раздавшись подъ трупомъ, и снова слилися
Въ гладкую зыбь; все стало по прежнему тихо, и сладко
Пѣть продолжалъ соловей. Каспаръ беззаботно съ добычей
Въ путь свой пошелъ; свидѣтелей не было; совѣсть молчала.
Скоро истратилъ разбойникъ добытое кровью, и скоро
Голымъ сталъ онъ по прежнему. Годы прошли; о убійствѣ
Кромѣ Бога никто не провѣдалъ; но слушайте далѣ.
Разъ Каспаръ сидѣлъ за столомъ въ гостинницѣ. Входитъ
Старый знакомецъ его, арендарь Веньяминъ; онъ садится
Подлѣ Каспара; онъ крѣпко, крѣпко задумчивъ; и вправду
Было о чемъ призадуматься: денно и ночно работалъ,
Честно жилъ Веньяминъ, а все понапрасну: тяжелый
Крестъ достался ему—семью имѣлъ онъ большую;
Всѣхъ одѣнь, напой, накорми... а чѣмъ? И въ добавокъ
Новое горе постигло его: жена отъ тяжелой
Скорби слегла въ постель и деньги пошли на лѣкарство;
Богъ помогъ ей; но съ той поры все хуже, да хуже, и часто
Нечего ѣсть; жена молчитъ, но таетъ какъ свѣчка;
Дѣти крикомъ кричатъ; наконецъ остальное помѣщикъ
Въ домѣ силою взялъ, въ уплату за долгъ, и изъ дома
Выгнать грозился. Эта бѣда съ Веньяминомъ случилась
Утромъ, а вечеромъ онъ Каспара въ гостинницѣ встрѣтилъ.
Рядомъ съ нимъ онъ сидѣлъ у стола, опершись на колѣно
Локтемъ, рукою закрывши глаза, молчалъ онъ какъ мертвый.
„Что съ тобой, Веньяминъ? спросилъ Каспаръ. Ты какъ будто
„Въ воду опущенъ. Послушай, сосѣдъ, не распить ли намъ вмѣстѣ

„Кружку вина? Веселѣе на сердцѣ будетъ; отвѣдай“.
Кружку взялъ Веньяминъ и выпилъ.—Тяжко приходитъ
Жить, сказалъ онъ. Жена умираетъ, и хилыя кости
Не на чемъ ей успокоить: злодѣи послѣднюю взяли
Нынче постелю. А дѣти—Господи Боже мой! лучше бъ
Имъ и мнѣ въ могилу. Помѣщикъ нашъ нынѣшней ночью
Въ зáмокъ свой пышный поѣдетъ, и тамъ на мягкихъ подушкахъ,
Вкусно поужинавъ, сладко заснетъ... а я, воротяся
Въ домъ мой, гдѣ голыя стѣны, что найду тамъ? Бездушный!
Я ли Христомъ да Богомъ его не молилъ? У него ли
Мало добра?.. Пускай же Всевышній Господь на судилищѣ страшномъ
Такъ же съ нимъ не милостивъ будетъ, какъ онъ былъ со мною!—
Слушалъ Каспаръ и въ душѣ веселился, какъ злой искуситель:
Въ кружку сосѣду вина подливалъ онъ, и скоро зажегъ въ немъ
Кровь, и потомъ изъ гостинницы вышелъ съ нимъ вмѣстѣ. Ужъ было
Поздно. „Сосѣдъ, Веньямину онъ тихо шепнулъ, господинъ твой
„Нынѣшней ночью одинъ въ свой замокъ поѣдетъ; дорога
„Близко, она пуста; а мщенье, знаешь ты, сладко“.
Рѣчью такой былъ сраженъ Веньяминъ; но тяжкая бѣдность,
Горе семьи, досада, хмѣль, темнота, обольщенье
Словъ коварныхъ... довольно, чтобъ слабое сердце опутать.
Такъ ли, не такъ ли, но вотъ пошелъ Веньяминъ за Каспаромъ;
Противъ знакомаго острова сѣли они подъ утесомъ,
Близко дороги, и ждутъ; ни одинъ ни слова; не смѣютъ
Вслухъ дышать и слушаютъ молча. Ихъ окружала
Тихая, темная ночь; звѣздъ не сверкало на небѣ,
Листъ едва шевелился, безъ ропота волны лилися,
Все покоилось сладко и пѣлъ соловей. Душа Веньямина

Вдругъ согрѣлась: въ ней совѣсть проснулась и онъ содрогнулся.
—Нечего ждать, онъ сказалъ; ужъ поздно; уйдемъ; не придетъ онъ.
„Будь терпѣливъ, злодѣй возразилъ, подождемъ и дождемся.
„Долѣ за то дожидаться его возвращенья придется
„Въ замкѣ женѣ; да будетъ напрасно ея нетерпѣнье".
Сердце отъ этихъ словъ повернулось въ груди Веньямина;
Вспомнилъ свою онъ жену и сказалъ: теперь прояснилась
Совѣсть моя; не поздно еще; не хочу оставаться!
„Что ты? воскликнулъ Каспаръ. Послушался совѣсти; бредишь.
„Ночь темна, рѣка глубока, здѣсь мѣсто глухое;
„Кто насъ увидитъ?" Морозъ подралъ Веньямина по кожѣ.
„Кто насъ увидитъ? А развѣ нѣтъ свидѣтеля въ небѣ?
„Сказки! здѣсь мы одни. Въ ночной темнотѣ не примѣтитъ
„Насъ ни земной, ни небесный свидѣтель". Тутъ неоглядкой
Прочь отъ него побѣжалъ Веньяминъ. И въ это мгновенье
Темное небо яркимъ, страшнымъ лучемъ раздвоилось;
Все кругомъ могильная мгла покрывала; на томъ лишь
Мѣстѣ, гдѣ спрятаться думалъ Каспаръ, было какъ въ ясный
Полдень свѣтло. И вотъ предъ глазами его повторилось
Все, что онъ нѣкогда тутъ совершилъ во мракѣ глубокой
Ночи одинъ: онъ услышалъ шумъ отъ упавшаго въ воду
Трупа; онъ черный трупъ на волнахъ освѣщенныхъ увидѣлъ;
Волны разинулись, трупъ нырнулъ въ нихъ и все потемнѣло!..
Дѣти, долго съ тѣхъ поръ подъ этимъ утесомъ, какъ дикій
Звѣрь, гнѣздился Каспаръ сумасшедшій. Не вѣдалъ онъ кровли;
Былъ безобразенъ: лицо какъ кора, глаза какъ два угля,
Волосы клочьями, ногти на пальцахъ какъ черные когти,
Вмѣсто одежды гнилое тряпье; худой, изможденный,
Чахлый, всѣ ребра наружу, онъ въ страхѣ все жался къ утесу,
Все какъ будто хотѣлъ въ немъ спрятаться, и все озирался
Смутно кругомъ; но порою вдругъ выбѣгалъ, и на небо
Дико уставивъ глаза, шепталъ: Онъ видитъ, Онъ видитъ!—

Дѣдушка, быль досказавъ, посмотрѣлъ усмѣхаясь на внучекъ.
Что же вы такъ присмирѣли, спросилъ онъ? Видно разсказъ мой
Былъ не на шутку печаленъ? Постойте жъ, я кое что вспомнилъ,
Что разсмѣшитъ васъ и вмѣстѣ научитъ: Слушайте. Часто
Мы на свою негодуемъ судьбу; а если разсудишь,
Какъ все на свѣтѣ не вѣрно, то сердцемъ смиришься и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднѣе
Опытъ такой достается, иному легче. И вотъ какъ
Разъ до премудрости этой, не умствуя много, а просто
Случаемъ страннымъ, одною забавной ошибкой добрался
Бѣдный нѣмецкій ремесленникъ. Былъ по какому-то дѣлу
Онъ въ Амстердамѣ, голландскомъ городѣ; городъ богатый,
Пышный, зданья огромныя, тьма кораблей; заглядѣлся
Бѣдный мой нѣмецъ, глаза разбѣжались; вдругъ онъ увидѣлъ
Домъ, какого не снилось ему и во снѣ: до десятка
Трубъ, три жилья, зеркальныя окна, ворóта
Съ добрый сарай—удивленье! Съ смиреннымъ поклономъ спросилъ онъ
Перваго встрѣчнаго: „чей это домъ, въ которомъ такъ много
„Въ окнахъ тюльпановъ, нарциссовъ и розъ?“ Но видно прохожій
Или былъ занятъ, или столько же зналъ по-нѣмецки,
Сколько тотъ по-голландски, то есть, не зналъ ни полслова
Какъ бы то ни было, Каннитферштанъ! отвѣчалъ онъ. А это
Каннитферштанъ—есть голландское слово, иль лучше четыре
Слова, и значитъ оно: не могу васъ понять. Простодушный
Нѣмецъ, напротивъ, вздумалъ, что такъ назывался владѣлецъ
Дома, о коемъ онъ спрашивалъ. „Видно богатъ не на шутку
„Этотъ Каннитферштанъ“, сказалъ про себя онъ, любуясь
Домомъ. Потомъ отправился далѣ. Приходитъ на пристань—
Новое диво: тамъ кораблей числа нѣтъ; ихъ мачты
Словно какъ лѣсъ. Закружилась его голова, и сначала

Онъ не видалъ ничего, такъ много онъ разомъ увидѣлъ.
Но наконецъ на огромный корабль обратилъ онъ вниманье.
Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Остъ-Индіи; много
Вкругъ суетилось людей: его выгружали. Какъ горы
Были навалены тюки товаровъ; множество бочекъ
Съ сахаромъ, кофе, перцемъ, пшеномъ сарацинскимъ. Разинувъ
Ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ нѣмецъ; и свѣдать
Крѣпко ему захотѣлось, чьи были они? У матроса,
Несшаго тюкъ огромный, спросилъ онъ: „какъ назывался
„Тотъ господинъ, которому море столько сокровищъ
„Разомъ прислало!“ Нахмурясь, матросъ проворчалъ мимоходомъ:
Каннитферштанъ. „Опять! смотри, пожалуй! Какой же
Этотъ Каннитферштанъ молодецъ! Мудрено ли построить
Домъ съ богатствомъ такимъ, и разставить въ горшкахъ золоченыхъ
Столько тюльпановъ, нарциссовъ и розъ по окошкамъ? Пошелъ онъ
Медленнымъ шагомъ назадъ, и задумался; горе
Взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько богатыхъ
Въ свѣтѣ и какъ онъ бѣденъ. Но только что началъ съ собою
Онъ разсуждать, какое было бы счастье, когда бъ онъ
Самъ былъ Каннитферштанъ, какъ вдругъ передъ нимъ— погребенье.
Видитъ: четыре лошади въ черныхъ, длинныхъ попонахъ
Гробъ на дрогахъ везутъ и тихо ступаютъ, какъ будто
Зная, что мертваго съ гробомъ въ могилу навѣки отвозятъ;
Вслѣдъ за гробомъ родные, друзья и знакомые, молча,
Въ траурѣ идутъ; вдали одиноко звонитъ погребальный
Колоколъ. Грустно стало ему, какъ всякой смиренной
Доброй душѣ, при видѣ мертваго тѣла; и снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводилъ онъ глазами

Ходъ погребальный; потомъ подошелъ къ одному изъ послѣднихъ
Шедшихъ за гробомъ, который въ эту минуту былъ занятъ
Важнымъ дѣломъ: разсчитывалъ, сколько прибыли чистой
Будетъ ему отъ продажи корицы и перцу; тихонько
Дернувъ его за кафтанъ, онъ спросилъ: „конечно, покойникъ
„Былъ вамъ добрый пріятель, что такъ вы задумались? Кто онъ?"
Каннитферштанъ! былъ короткій отвѣтъ. Покатилися слезы
Градомъ изъ глазъ у честнаго нѣмца; сдѣлалось тяжко
Сердцу его, а потомъ и легко; и вздохнувши, сказалъ онъ:
„Бѣдный, бѣдный Каннитферштанъ! отъ такого богатства
„Что осталось тебѣ? Не то же ль, что рано иль поздно
„Мнѣ отъ моей останется бѣдности? Саванъ и тѣсный
„Гробъ"—И въ мысляхъ такихъ побрелъ онъ за тѣломъ, какъ будто
Самъ былъ роднею покойнику; въ церковь вошелъ за другими;
Тамъ Голландскую проповѣдь, въ коей не понялъ ни слова,
Выслушалъ съ чувствомъ глубокимъ; потомъ, когда опустили
Каннитферштана въ землю, заплакалъ; потомъ съ облегченнымъ
Сердцемъ пошелъ своею дорогой. И съ тѣхъ поръ, какъ скоро
Грусть посѣщала его и ему становилось досадно
Видѣть счастье богатыхъ людей, онъ всегда утѣшался,
Вспомнивъ о Каннитферштанѣ, его несмѣтномъ богатствѣ,
Пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ—и тѣсной могилѣ.

18) Роландъ оруженосецъ [1]).

(Л. Уланда).

Разъ Карлъ Великій пировалъ;
Чертогъ богато былъ украшенъ;

---

[1]) Превосходное изображеніе типа юнаго, безсознательнаго героя, свойственнаго поэзіи всѣхъ народовъ. Народная поэзія любитъ изображать одного изъ малыхъ сихъ, не имѣющихъ, казалось-бы, ничего героическаго

Кругомъ ходилъ златой бокалъ,
Огромный столъ трещалъ отъ брашенъ:
Гремѣлъ пѣвцовъ избранныхъ хоръ;
Шумѣлъ веселый разговоръ,
И гости вдоволь пили, ѣли,
И лица ихъ отъ винъ горѣли.

Великій Карлъ сказалъ гостямъ:
„Свершить намъ должно подвигъ трудный,
Прилично ль веселиться намъ,
Когда еще Артусовъ чудный
Не завоеванъ талисманъ?
Его укравшій великанъ
Живетъ въ Арденско[illegible] тёмномъ;
Онъ на щитѣ его огр[illegible].

Отважный Оливьеръ, Гваринъ,
Силачъ Гемонъ, Наимъ Баварскій,
Агландскій графъ Милонъ, Мерлинъ,
Такой услыша вызовъ царскій,
Изъ-за стола тотчасъ встаютъ,
Мечи тяжелые берутъ;
Сверкаютъ ихъ стальныя брони;
Ихъ боевые пляшутъ кони.

Тутъ сынъ Милоновъ молодой,
Роландъ, сказалъ: возьми, родитель,
Меня съ собой; я буду твой
Оруженосецъ и служитель.
Вашъ подвигъ не по лѣтамъ мнѣ;
Но ты позволь, чтобъ на конѣ

ни по лѣтамъ, ни по наружности—и за ихъ простоту имъ посылается побѣда надъ врагомъ, на сторонѣ котораго все: и возрастъ, и физическія силы, и самоувѣренность. Это библейскій Давидъ, Зигфридъ нѣмцевъ, Ивашка-дурачекъ русскихъ сказокъ.

Я везъ, простымъ твоимъ слугою,
Копье и щитъ твой за тобою.

Въ Арденскій лѣсъ однимъ путёмъ
Шесть бодрыхъ витязей пустились,
Въ средину въѣхали, потомъ
Другъ съ другомъ братски разлучились.
Младой Роландъ съ копьемъ, щитомъ
Смиренно ѣдетъ за отцомъ;
Едва отъ радости онъ дышетъ;
Бодритъ коня; конь ржетъ и пышетъ.

И рыщутъ [illegible] лѣсу они
Три цѣлы[illegible] три цѣлыхъ ночи;
Устали са[illegible] кони
Совсѣмъ ужъ [illegible]бились изъ мочи:
А великана все имъ нѣтъ.
Вотъ на четвертый день, въ обѣдъ,
Подъ дубомъ сѣнисто-широкимъ,
Милонъ забылся сномъ глубокимъ.

Роландъ не спитъ. Вдругъ видитъ онъ:
Въ лѣсной дали, сквозь сумракъ сѣней,
Блеснуло; и со всѣхъ сторонъ
Вскочило множество оленей,
Живымъ испуганныхъ лучёмъ;
И тамъ, какъ туча, со щитомъ,
Блистающимъ отъ талисмана,
Валитъ громада великана.

Роландъ глядитъ на пришлеца
И мыслитъ: что же ты за диво?
Будить мнѣ для тебя отца
Не къ мѣсту было бы учтиво;
Здѣсь за него, пока онъ спитъ,
Его копье и добрый щитъ,

И острый мечъ и конь задорный,
И сынъ Роландъ, слуга проворный.

И вотъ онъ на бедро свое
Повѣсилъ мечъ отцевъ тяжелый;
Взялъ длинное его копье,
И за плеча рукою смѣлой
Его закинулъ крѣпкій щитъ;
И вотъ онъ на конѣ сидитъ;
И потихоньку удалился—
Дабы отецъ не пробудился.

Его увидя, сморщилъ но[illegible]
Съ презрѣньемъ велик[illegible]ивый.
„Откуда ты, молокос[illegible]
Не по тебѣ твой конь [illegible]й.
Смотри, тебя длиннѣй твой мечъ;
Твой щитъ съ твоихъ ребячьихъ плечъ,
Тебя переломивъ, свалится;
Твое копье лишь мнѣ годится“.

Дерзка твоя, какъ слышу, рѣчь;
Посмотримъ, таково-ли дѣло?
Тяжелъ мой щитъ для дѣтскихъ плечъ,
За то за нимъ стою я смѣло;
Пусть неучъ я—мой конь ученъ;
Пускай я слабъ—мой мечъ силенъ;
Отвѣдай насъ; ужъ мы другъ другу
Окажемъ въ честь тебѣ услугу.—

Дубину великанъ взмахнулъ,
Чтобъ въ дребезги разбить нахала;
Но конь Роландовъ отпрыгнулъ;
Дубина мимо просвистала.
Роландъ пустилъ въ него копьемъ;
Оно осталось съ остріемъ,

Погнутымъ силой талисмана,
Въ щитѣ пронзенномъ великана.

Роландъ отцовскій мечъ большой
Схватилъ обѣими руками;
Спѣшитъ схватить противникъ свой,
Но крѣпко стиснутъ онъ ножнами;
Еще меча онъ не извлекъ,
Какъ руку лѣвую отсѣкъ
Ему нашъ витязь; кровь струёю;
Прочь отлетѣлъ и щитъ съ рукою.

Завылъ отъ боли великанъ,
Кипучей [illegible] облитый;
Утративъ [illegible] талисманъ,
Онъ вдругъ [illegible]ся безъ защиты;
Вслѣдъ за щитомъ онъ побѣжалъ;
Но по ногамъ въ догонку далъ
Ему Роландъ ударъ проворной:
Онъ покатился глыбой черной.

Роландъ, поднявъ отцовскій мечъ,
Однимъ ударомъ исполину
Отрушилъ голову отъ плечъ,
Свистя кровь хлынула въ долину.
Щитъ великановъ взявъ потомъ,
Онъ талисманъ, блиставшій въ немъ
(Осьмое чудо красотою),
Искусной выломалъ рукою.

И въ платье скрылъ онъ взятый кладъ;
Потомъ струей ручья лѣснова
Съ лица и съ рукъ, съ коня и съ латъ
Смылъ кровь и прахъ, и сѣвши снова
На добраго коня, шажкомъ
Отправился своимъ путёмъ.

Въ то мѣсто, гдѣ отецъ остался;
Отецъ еще не просыпался.

Съ нимъ рядомъ легъ Роландъ и въ сонъ
Глубокій скоро погрузился,
И спалъ, покуда самъ Милонъ
Подъ сумерки не пробудился.
„Скорѣй, мой сынъ Роландъ, вставай;
Подай мой шлемъ, мой мечъ подай;
Ужъ вечеръ; всюду мгла тумана:
Опять не встрѣтимъ великана“.

Вотъ ѣздитъ онъ въ лѣсу густомъ
И великана ищетъ снова;
Роландъ за нимъ съ копьемъ, щитомъ—
Но о случившемся ни слова.
И вотъ они въ долинѣ той,
Гдѣ жаркій совершился бой;
Тамъ видѣнъ былъ потокъ кровавый;
Въ крови валялся трупъ безглавый.

Роландъ глядитъ; своимъ глазамъ
Не вѣритъ онъ: что за причина?
Одно лишь туловище тамъ:
Но гдѣ же голова, дубина?
Гдѣ панцырь, мечъ, рука и щитъ?
Одинъ ободранный лежитъ
Обрубокъ мертвеца нагого;
Слѣдовъ не видно остального.

Трупъ осмотрѣвъ, Милонъ сказалъ:
Что за уродливая груда!
Еще ни разу не видалъ
На свѣтѣ я такого чуда:
Чей это трупъ?... Вопросъ смѣшной!
Да это великанъ; другой

*

Успѣлъ дать хищнику управу;
Я проспалъ честь мою и славу.—

Великій Карлъ глядѣлъ въ окно
И думалъ: страшно мнѣ по чести;
Гдѣ рыцари мои? Давно
Пора бъ отъ нихъ имѣть намъ вѣсти.
Но что?... Не герцогъ ли Гемонъ
Тамъ ѣдетъ? Такъ, и держитъ онъ
Свое копье передъ собою
Съ отрубленною головою.

Гемонъ, [illegible]муреннымъ лицомъ
Прибли[illegible]ву нѣмую
Стряхну[illegible]ья передъ крыльцемъ,
И Карлу [illegible]азалъ: плохую
Добычу я завоевалъ;
Я этотъ кладъ въ лѣсу досталъ,
Гдѣ трое сутокъ я скитался:
Мнѣ врагъ безъ головы попался.

Пріѣхалъ за Гемономъ вслѣдъ
Тюрпинъ усталый, блѣдный, тощій,
„Со мною талисмана нѣтъ,
„Но вотъ вамъ дорогія мощи“.
Добычу снялъ Тюрпинъ съ сѣдла;
То великанова была
Рука, обвитая тряпицей,
Съ его огромной рукавицей.

Сердитъ и сумраченъ, Наимъ
Пріѣхалъ по слѣдамъ Тюрпина,
И великанова за нимъ
Висѣла на сѣдлѣ дубина.
„Кому достался талисманъ,
„Не знаю я; но великанъ

„Меня оставилъ въ часъ кончины
„Наслѣдникомъ своей дубины“.

Шелъ рыцарь Оливьеръ пѣшкомъ,
Задумчивый и утомленный;
Конь, великановымъ мечёмъ
И панцыремъ обремененный,
Едва копыта подымалъ.
„Все это съ мертвеца я снялъ;
„Мнѣ отъ побѣды мало чести;
„О талисманѣ жъ нѣтъ и вѣсти“.

Вдали является Гваринъ
Съ щитомъ огромнымъ великана,
И всѣ кричатъ: вотъ паладинъ,
Завоеватель талисмана!
Гваринъ, подъѣхавъ, говоритъ:
„Въ лѣсу нашелъ я этотъ щитъ;
„Но обманулся я въ надеждѣ:
„Былъ талисманъ украденъ прежде“.

Вотъ наконецъ и графъ Милонъ.
Печаленъ, во враждѣ съ собою,
Къ дворцу тихонько ѣдетъ онъ
Съ потупленною головою.
Роландъ смиренно за отцомъ
Съ его копьемъ, съ его щитомъ.
И свѣтятся, какъ звѣзды ночи,
Подъ шлемомъ удалыя очи.

И вотъ они ужъ у крыльца,
На коемъ Карлъ н паладины
Ихъ ждутъ; тогда на щитъ отца
Роландъ, сорвавъ съ его средины
Златую бляху, утвердилъ
Свой талисманъ и щитъ открылъ...

И лучъ блеснулъ съ него чудесный,
Какъ съ черной тучи день небесный.

И грянуло со всѣхъ сторонъ
Шумящее рукоплесканье;
И Карлъ сказалъ: ты, графъ Милонъ,
Исполнилъ наше упованье;
Ты возвратилъ намъ талисманъ;
Тобой наказанъ великанъ;
За славный подвигъ, въ награжденье,
Прими отъ насъ благоволенье.

Милонъ, слова услыша тѣ,
Глаза на сына обращаетъ...
И что же? Передъ нимъ въ щитѣ,
Какъ солнце талисманъ сіяетъ.
„Гдѣ это взялъ ты, молодецъ?"
Роландъ въ отвѣтъ: прости, отецъ;
Тебя будить я побоялся,
И съ великаномъ самъ подрался.

19) Плаваніе Карла Великаго [1]).

(Л. Уланда).

Разъ Карлъ Великій моремъ плылъ
И съ нимъ двѣнадцать перовъ [2]) плыло,
Ихъ путь въ Святую Землю былъ;
Но море злилося и выло.

---

[1]) Мастерское воспроизведеніе одного изъ преданій о Карлѣ великомъ; простое, приближающееся къ стилю народныхъ сказаній изложеніе, простонародный юморъ спутниковъ Карла, чрезвычайно художественно переданный Жуковскимъ, дѣлаютъ эту балладу одною изъ лучшихъ въ русской литературѣ.

[2]) Высшіе вассалы, обладавшіе собственными владѣніями и считавшіеся равными между собою; отсюда и названіе ихъ—pares, равный.

Тогда Роландъ сказалъ друзьямъ:
„Деруся я на сушѣ смѣло;
„Но въ злую бурю по волнамъ
„Хлестать мечемъ плохое дѣло.“

Датчанинъ Гольгеръ молвилъ: „радъ
„Я веселить друзей струнами;
„Но будетъ ли какой въ нихъ ладъ
„Между ревущими волнами?“

А Оливьеръ сказалъ, съ плеча
Взглянувъ на бурныхъ волнъ сугробы:
„Мнѣ жалко новаго меча:
„Здѣсь утонуть ему б[illegible]ы..“

Нахмурясь Ганелонъ [illegible]:
„Какая адская тревога!
„Но только бъ я не утонулъ!..
„Они жъ?.. туда имъ и дорога!

„Мы всѣ плывемъ къ Святымъ Мѣстамъ!“
Сказалъ, крестясь, Тюрпинъ-святитель.
„Явись и въ пристань по волнамъ
„Насъ грѣшныхъ проведи, Спаситель!“

„Вы, бѣсы! графъ Ричардъ вскричалъ:
„Мою вы вѣдаете службу;
„Я много въ адъ къ вамъ душъ послалъ—
„Явите вы теперь мнѣ дружбу.“

„Ужъ я ли, вымолвилъ Наимъ,
„Не говорилъ: нажить намъ горе!
„Но слово умное глухимъ
„Есть капля масла въ бурномъ морѣ.“

„Бѣда! сказалъ Ріоль сѣдой,
„Но если море не уймется,

„То мнѣ на старости въ сырой
„Постели—нынче спать прійдется.“

А графъ Гюи вдругъ началъ пѣть,
Не тратя жалобъ безполезно:
„Когда бъ отсюда полетѣть
„Я птичкой могъ къ своей любезной!“

„Друзья, сказать ли вамъ? Ей, ей!
Промолвилъ графъ Гваринъ, вздыхая:
„Мнѣ сладкое вино вкуснѣй,
„Чѣмъ горькая вода морская.“

Ламбертъ п[illegible]бавилъ: „что за честь
„Съ морс[illegible]ами сражаться?
„Гораздо [illegible]ыбу ѣсть,
„Чѣмъ рыб[illegible] обѣдъ достаться.“

„Что Богъ велитъ, тому и быть!
Сказалъ Годефруа; съ друзьями
Я радъ добро и зло дѣлить;
„Его святая власть надъ нами.

А Карлъ молчалъ: онъ у руля
Сидѣлъ, и правилъ. Вдругъ явилась
Святая вдалекѣ земля,
Блеснуло солнце, буря скрылась.

20) Уллинъ и его дочь.

Былъ сильный вихорь, сильный дождь;
Кипя, ярилася пучина;
Ко брегу Рино, горный вождь,
Примчался съ дочерью Уллина.

„Рыбакъ, прими насъ въ твой челнокъ;
Рыбакъ, спаси насъ отъ погони;

Уллинъ съ дружиной недалёкъ;
Намъ слышны крики; мчатся кони.“

Ты видишь ли, какъ зла вода?
Ты слышишь ли, какъ волны громки?
Пускаться плыть теперь бѣда:
Мой челнъ не крѣпокъ, весла ломки.

„Рыбакъ, рыбакъ, подай свой челнъ;
Спаси насъ: сколь ни зла пучина,
Пощада можетъ быть отъ волнъ,—
Ея не будетъ отъ Уллина!“

Гроза сильнѣй, пучина [illegible]
И ближе, ближе шум[illegible]
Имъ слышенъ тяжкій [illegible] коней,
Имъ слышенъ стукъ мечей о брони.

„Садитесь, въ добрый часъ плывемъ.“
И Рино сѣлъ, съ нимъ дѣва сѣла;
Рыбакъ отчалилъ; челнокомъ
Сѣдая бездна овладѣла.

И смерть отвсюду имъ: открытъ
Предъ ними зѣвъ пучины жадный;
За ними съ берега грозитъ
Уллинъ, какъ буря, безпощадный.

Уллинъ ко брегу прискакалъ;
Онъ видитъ: дочь уносятъ волны;
И гнѣвъ въ груди отца пропалъ,
И онъ воскликнулъ, страха полный:

„Мое дитя, назадъ, назадъ!
„Прощенье! возвратись, Мальвина!“
Но волны лишь отвѣтъ шумятъ
На зовъ отчаянный Уллина.

Реветъ гроза, черна какъ ночь;
Летаетъ челнъ между волнами;
Сквозь пѣну ихъ онъ видитъ дочь
Съ простертыми къ нему руками.

„О возвратися, возвратись!“
Но грозно раздалась пучина,
И волны, челнъ пожравъ, слились
При крикѣ жалобномъ Уллина.

21) Замокъ Смальгольмъ.

(Вальтеръ-Скотта [1])

До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
Знаменитый С[illegible]скій баронъ;
И безъ отдыха гналъ, [illegible] утесовъ и скалъ,
Онъ коня, торопясь въ Бротерстонъ [2]).

Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
На военное дѣло баронъ;
Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
За Шотландію съ Англіей онъ;

Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ;
Наточилъ онъ свой мечъ боевой;
И покрытъ онъ щитомъ; и топоръ за сѣдломъ
Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.

Черезъ три дни домой возвратился баронъ,
Отуманенъ и блѣденъ лицомъ;

---

[1]) Вальтеръ Скоттъ (1771 — 1832)—знаменитый англійскій романистъ. Замокъ Смальгольмъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ графствѣ Роксбургскомъ, среди пустынныхъ утесистыхъ горъ. Поэтъ въ дѣтствѣ жилъ въ сосѣдствѣ Смальгольма и, въ воспоминаніе дѣтскихъ лѣтъ, прославилъ его этой балладой, содержаніе которой заимствовано изъ ирландскихъ народныхъ преданій.

[2]) Уединенныя лощины въ горахъ, неподалеку отъ Смальгольма.

Черезъ силу и конь, опѣнёнъ, запылёнъ,
Подъ тяжелымъ ступалъ сѣдокомъ.

Анкрамморскія битвы [1]) баронъ не видалъ,
Гдѣ потоками кровь ихъ лилась,
Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
Гдѣ за родину бился Дугласъ.

Но желѣзный шеломъ былъ изсѣченъ на нёмъ,
Былъ изрубленъ и панцырь и щитъ,
Былъ недавнею кровью топоръ за сѣдломъ,
Но не Англійской кровью покрытъ.

Соскочивъ у часовни съ коня за ст[illegible]ой,
Притаяся въ кустахъ, онъ [illegible];
И три раза онъ свистнулъ—и п[illegible]олодой
На условленный свистъ прибѣжалъ.

—Подойди, мой малютка, мой пажъ молодой,
И присядь на колѣна мои:
Ты младенецъ, но ты откровененъ душой,
И слова непритворны твои.

Я въ отлучкѣ былъ три дни, мой пажъ молодой;
Мнѣ теперь ты всю правду скажи:
Что замѣтилъ? Что было съ твоей госпожей?
И кто былъ у твоей госпожи?

„Госпожа по ночамъ къ отдаленнымъ скаламъ,
Гдѣ маякъ, приходила тайкомъ
(Вѣдь огни по горамъ зажжены, чтобъ врагамъ
Не прокрасться во мракѣ ночномъ).

---

[1]) Знаменитыя битвы XVI ст. изъ эпохи, предшествовавшей соединенію Шотландіи и Англіи,—оитвы, въ которыхъ англичане потерпѣли жестокое пораженіе, будучи разбиты шотландцами близъ д. Анкрамъ-Муръ, благодаря одному изъ полководцевъ, баронету Вальтеръ-Скотту-Боклю.

И на первую ночь непогода была,
　　И безъ умолку филинъ кричалъ;
И она въ непогоду ночную пошла
　　На вершину пустынную скалъ.

Тихомолкомъ подкрался я къ ней въ темнотѣ;
　　И сидѣла одна—я узрѣлъ;
Не стоялъ часовой на пустой высотѣ,
　　Одиноко маякъ пламенѣлъ.

На другую же ночь—я за ней по слѣдамъ
　　На вершину опять побѣжалъ—
О Творецъ! у огня одинокаго тамъ
　　Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ.

Подпершися мечемъ, онъ стоялъ предъ огнемъ,
　　И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;
Но подъ шумнымъ дождёмъ, но при вѣтрѣ ночномъ,
　　Я разслушать не могъ ихъ рѣчей.

И послѣдняя ночь безненастна была,
　　И порывистый вѣтеръ молчалъ;
И къ маяку она на свиданье пошла;
　　У маяка ужъ рыцарь стоялъ.

И сказала (я слышалъ): „Въ полуночный часъ,
　　„Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днёмъ,
Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ;
　　Онъ теперь на свиданьи иномъ;

Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь;
　　Онъ въ сраженьи забылъ про меня—
И тайкомъ отопру я для милаго дверь
　　Наканунѣ Иванова дня.“

—„Я не властенъ прійти, я не долженъ прійти,
　　Я не смѣю прійти (былъ отвѣтъ):

Предъ Ивановымъ днемъ одинокимъ путемъ
Я пойду... мнѣ товарища нѣтъ.

„О, сомнѣніе прочь! безмятежная ночь
Предъ великимъ Ивановымъ днемъ
И тиха и темна, и свиданьямъ она
Благосклонна въ молчаньи своемъ.

„Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И въ пріютѣ моемъ, предъ Ивановымъ днемъ,
Безопасенъ ты будешь со мной.

— Пусть собака молчитъ, часовой не трубитъ,
И трава не слышна подъ ногой:
Но священникъ есть тамъ; онъ не спитъ по ночамъ;
Онъ приходъ мой узнаетъ ночной.

„Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь на горѣ
Панихиду онъ позванъ служить;
Кто-то былъ умерщвленъ: по душѣ его онъ
Будетъ три дни поминки творить“.

Онъ нахмурясь глядѣлъ, онъ какъ мертвый блѣднѣлъ,
Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.
— Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творитъ:
То, быть можетъ, поминки по мнѣ.

Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:
Я приду подъ защитою мглы.—
Онъ сказалъ... и она... я смотрю... ужъ одна
У маяка пустынной скалы“.

И Смальгольмскій баронъ, пораженъ, раздраженъ,
И кипѣлъ и горѣлъ и сверкалъ.
— Но скажи, наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?
Онъ, клянусь небесами, пропалъ!

„Показалося мнѣ, при блестящемъ огнѣ:
Былъ шеломъ съ соколинымъ перомъ,
И палашъ боевой на цѣпи золотой,
Три звѣзды на щитѣ голубомъ“.

— Нѣтъ, мой пажъ молодой, ты обманутъ мечтой:
Сей полуночный мрачный пришлецъ
Былъ не властенъ прійти: онъ убитъ на пути;
Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ.

„Нѣтъ! не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ“.

И Смальгольмскій баронъ, изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ и блѣднѣлъ и дрожалъ.
— Нѣтъ! въ могилѣ покой; онъ лежитъ подъ землёй!
Ты неправду мнѣ, пажъ мой, сказалъ.

Гдѣ бѣжитъ и шумитъ межъ утесами Твидъ,
Гдѣ подъемлется мрачный Эльдонъ [1]),
Ужъ три ночи, какъ тамъ твой Ричардъ Кольдингамъ
Потаеннымъ врагомъ умерщвлёнъ.

Нѣтъ! сверканье огня ослѣпило твой взглядъ;
Оглушенъ былъ ты бурей ночной;
Ужъ три ночи, три дня, какъ поминки творятъ
Чернецы за его упокой.—

Онъ идетъ въ ворота, онъ уже на крыльцѣ,
Онъ взошелъ по крутымъ ступенямъ
На площадку, и видитъ: съ печалью въ лицѣ
Одиноко-унылая тамъ

---

[1]) Высокая скала надъ самымъ городомъ Мельрозомъ.

Молодая жена—и тиха и блѣдна,
И въ мечтаніи грустномъ глядитъ
На поля, небеса, на Мертонски лѣса,
На прозрачно бѣгущую Твидъ.

— Я съ тобою опять, молодая жена.
„Въ добрый часъ, благородный баронъ.
Что разскажешь ты мнѣ? Рѣшена ли война?
Поразилъ ли Боклю, иль сраженъ?

— Англичанинъ разбитъ; англичанинъ бѣжитъ
Съ Анкрамморскихъ кровавыхъ полей;
И Боклю наблюдать мнѣ маякъ мой велитъ,
И беречься недобрыхъ гостей.—

При отвѣтѣ такомъ измѣнилась лицомъ,
И ни слова... ни слова и онъ;
И пошла въ свой покой съ наклоненной главой,
И за нею суровый баронъ.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Онъ вздыхалъ, онъ съ собой говорилъ:
„Не пробудится онъ; не подымется онъ;
„Мертвецы не встаютъ изъ могилъ“.

Ужъ заря занялась; былъ таинственный часъ
Межъ разсвѣтомъ и утренней тьмой,
И глубокимъ онъ сномъ предъ Ивановымъ днёмъ
Вдругъ заснулъ близъ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей...
И бродящимъ, открытымъ очамъ,
При лампадномъ огнѣ, въ шишакѣ и бронѣ
Вдругъ явился Ричардъ Кольдингамъ.

— Воротись, удалися, она говоритъ.
„Я къ свиданью тобой приглашенъ;

„Мнѣ извѣстно, кто здѣсь, неожиданный, спитъ:
„Не страшись, не услышитъ насъ онъ.

„Я во мракѣ ночномъ потаеннымъ врагомъ
„На дорогѣ измѣной убитъ;
„Ужъ три ночи, три дня, какъ монахи меня
„Поминаютъ и трупъ мой зарытъ.

„Онъ съ тобой, онъ съ тобой, сей убійца ночной!
„И ужасный теперь ему сонъ!
„И на долго во мглѣ на пустынной скалѣ,
„Гдѣ маякъ, я бродить осуждёнъ;

„Гдѣ видалися мы подъ защитою тьмы,
„Тамъ скитаюсь теперь мертвецомъ:
„И сюда съ высоты не сошелъ бы... но ты
„Заклинала Ивановымъ днемъ".

Содрогнулась она, и смятенья полна,
Вопросила: но что же съ тобой?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ—ты спасенъ ли иль нѣтъ?.. [1]
Онъ печально потрясъ головой.

„Выкупается кровью пролитая кровь—
„То убійцѣ скажи моему.
„Беззаконную небо караетъ любовь —
„Ты сама будь свидѣтель тому".

Онъ тяжелою шуйцей коснулся стола,
Ей десницею руку пожалъ—

---

[1]) Сей порывъ безкорыстной нѣжности въ преступной, изумленной страшнымъ видѣніемъ женщинѣ достоинъ замѣчанія. Она забываетъ все: горесть потери, мщеніе супруга, ужасъ разговора съ пришельцемъ изъ другого свѣта, и только спрашиваетъ: ея несчастный любовникъ не погибъ-ли душею за нее, за беззаконную страсть, коей она была предметомъ. Читатель чувствуетъ, что такое сердце еще способно возвратиться къ добродѣтели и что вѣра будетъ его путеводителемъ. Прим. *Жуковскаго.*

И десница какъ острое пламя была,
И по членамъ огонь пробѣжалъ.

И печать роковая въ столѣ вожжена:
Отразилися пальцы на немъ;
На рукѣ жъ... но таинственно руку она
Закрывала съ тѣхъ поръ полотномъ.

Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ стѣнахъ:
И грустна и на свѣтъ не глядитъ;
Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ:
И дичится людей и молчитъ.

Сей монахъ молчаливый и мрачный—кто онъ?
Та монахиня—кто же она?
То убійца, суровый Смальгольмскій баронъ;
То его молодая жена [1]).

22) Доника.

(Р. Саути).

Есть озеро передъ скалой огромной;
На той скалѣ давно стоялъ
Высокій зáмокъ и громадой темной
Прибрежны воды омрачалъ.

На озерѣ ладья не попадалась;
Рыбакъ страшился удить въ нёмъ;

[1]) Здѣсь опять должно замѣтить необыкновенное искусство автора. Вмѣсто того, чтобы съ школьнымъ риторствомъ описывать первыя дѣйствія раскаянія, почти всегда одинаковыя, онъ вдругъ переноситъ воображеніе читателя къ другой эпохѣ. Прошло много лѣтъ; въ самомъ сосѣдствѣ Смальгольма позабыты и могущественный феодальный владѣлецъ, и славная красотою жена его; даже память ужаснаго сверхъестественнаго происшествія изглажена иными, новѣйшими; но для виновныхъ ничто не миновалось; чувство преступленія живетъ и возрождается въ грызущей себя совѣсти; оно, какъ въ первые часы, наполняетъ всю душу сихъ отшельниковъ, безмолвныхъ, безутѣшныхъ навѣки.... но не безнадежныхъ, ибо предъ ними алтарь любви всепрощающей. Прим. *Жуковскаго.*

И ласточка, летя надъ нимъ, боялась
Къ нему дотронуться крыломъ.

Хотя бъ стада отъ жажды умирали,
Хотя бъ палилъ ихъ лѣтній зной:
Отъ береговъ его они бѣжали
Смятенно робкою толпой.

Случалося, что вѣтеръ и осокой
У озера не шевелилъ:
А волны въ немъ вздымалися высоко,
И въ нихъ ужасный шепотъ былъ.

Случалося, что бурею разима,
Дрожала твердая скала:
А мертвыхъ водъ поверхность недвижима
Была спокойнѣе стекла.

И каждый разъ—въ то время, какъ могилой
Кто въ замкѣ угрожаемъ былъ—
Пророчески, гармоніей унылой
Изъ бездны голосъ исходилъ.

И въ замкѣ томъ, могуществомъ великій,
Жилъ Ромуальдъ; имѣлъ онъ дочь;
Плѣнялось все красой его Доники:
Лицо—какъ день, глаза—какъ ночь.

И рыцарей толпа предъ ней тѣснилась:
Всѣ душу приносили въ даръ;
Однимъ изъ нихъ красавица плѣнилась:
Счастливецъ этотъ былъ Эвраръ.

И радъ отецъ; и скоро ужъ наступитъ
Желанный, сладкій часъ, когда
Во храмѣ ихъ священникъ совокупитъ
Святымъ союзомъ навсегда.—

Былъ вечеръ тихъ и небеса алѣли;
Съ невѣстой шелъ рука съ рукой
Женихъ; они на озеро глядѣли
И услаждались тишиной.

Ни трепета въ листахъ деревъ, ни знака
Малѣйшей зыби на водахъ...
Лишь лаяньемъ Доникина собака
Пугала пташекъ на кустахъ.

Любовь въ груди невѣсты пламенѣла
И въ темныхъ таяла очахъ:
На жениха съ тоской она глядѣла,
Ей въ душу вкрадывался страхъ.

Все было вкругъ какой-то полно тайной;
Безмолвно гасъ лазурный сводъ;
Какой-то сонъ лежалъ необычайной
Надъ тихою равниной водъ.

Вдругъ бездна ихъ унылый и глубокой
И тихій голосъ издала:
Гармонія вдали небесъ высокой
Отозвалась и умерла...

При звукѣ семъ Доника поблѣднѣла
И стала сумрачно-тиха;
И вдругъ... она трепещетъ, охладѣла,
И пала въ руки жениха.

Оцѣпенѣвъ, въ безумствѣ изступленья,
Отчаянный онъ поднялъ крикъ...
Въ Доникѣ нѣтъ ни чувства, ни движенья:
Сомкнуты очи, мертвый ликъ.

Онъ рвется.... плачетъ.... вдругъ пошевелились
Ея уста.... потрясена

*

Дыханьемъ легкимъ грудь.... глаза открылись....
И встала медленно она.

И мутными глядитъ кругомъ очами,
И къ другу на руку легла,
И слабая, невѣрными шагами
Обратно въ замокъ съ нимъ пошла.

И были съ той поры ея ланиты,
Не свѣжей розы красотой,
Но блѣдностью могильною покрыты;
Уста пугали синевой.

Въ ея глазахъ, столь сладостно сіявшихъ,
Какой то острый лучъ сверкалъ,
И съ блѣдностью ланитъ, глубоко впавшихъ,
Онъ что то страшное сливалъ.

Ласкаться къ ней собака ужъ не смѣла;
Ее прикликать не могли;
На госпожу, дичась, она глядѣла
И выла жалобно вдали.

Но нѣжная любовь не измѣнила:
Съ глубокой нѣжностью Эвраръ
Скорбѣлъ объ ней, и тайной скорби сила
Любви усиливала жаръ.

И милая, дѣля его страданья,
Къ его склонилася мольбамъ:
Назначенъ день для бракосочетанья;
Женихъ повелъ невѣсту въ храмъ.

Но лишь туда вошли они, чтобъ вѣрный
Предъ алтаремъ обѣтъ изречь:
Иконы всѣ померкли вдругъ, и сѣрный
Дымъ побѣжалъ отъ брачныхъ свѣчъ.

И вотъ женихъ горячею рукою
Невѣсту за руку беретъ....
Но ужасъ овладѣлъ его душою:
Рука та холодна—какъ ледъ.

И вдругъ онъ вскрикнулъ.... окруженъ лучами,
Предъ нимъ безплотный духъ стоялъ
Съ ея лицомъ, улыбкою, очами....
И въ немъ Донику онъ узналъ.

Сама жъ она съ нимъ не стояла рядомъ:
Онъ блѣдный трупъ одинъ узрѣлъ....
А мрачный бѣсъ, въ нее вселенный адомъ,
Ужасно взвылъ и улетѣлъ.

23) Рыцарь Роллонъ.

(Л. Уланда).

Былъ удалецъ и отважный наѣздникъ Роллонъ:
Съ шайкой своей по дорогамъ разбойничалъ онъ.
Разъ, запоздавъ, онъ въ лѣсу, на усталомъ конѣ
Ѣхалъ, и видитъ, часовня стоитъ въ сторонѣ.

Лѣсъ былъ дремучій и былъ ужь полуночный часъ;
Было темно, такъ темно, что хоть выколи глазъ;
Только въ часовнѣ лампада горѣла одна,
Блѣдно сквозь узкія окна свѣтила она.

„Рано еще на добычу, подумалъ Роллонъ,
Здѣсь отдохну!“—и въ часовню пустынную онъ
Входитъ; въ часовнѣ, онъ видитъ, гробница стоитъ;
Трепетно, тускло надъ нею лампада горитъ.

Сѣлъ онъ на камень, вздремнулъ съ полчаса, и потомъ
Снова поѣхалъ лѣснымъ одинокимъ путёмъ.
Вдругъ своему щитоносцу сказалъ онъ: „Скорѣй
Съѣзди въ часовню; перчатку оставилъ я въ ней“.

Посланный, блѣденъ какъ мертвый, назадъ прискакалъ.
„Этой перчаткой другой завладѣлъ“, онъ сказалъ;
„Кто-то не здѣшній въ часовнѣ на камнѣ сидитъ;
Руку онъ всунулъ въ перчатку и страшно глядитъ;

Треплетъ и гладитъ перчатку другой онъ рукой;
Чуть я со страха не умеръ отъ встрѣчи такой“.
Трусъ! на него запальчиво Роллонъ закричалъ;
Шпорами стиснулъ коня и назадъ поскакалъ.

Смѣло на страшнаго гостя ударилъ Роллонъ:
Отнялъ перчатку свою у нечистаго онъ.
„Если не хочешь одной мнѣ совсѣмъ уступить,
„Обѣ ссуди мнѣ перчатки, хоть годъ поносить.“

Молвилъ нечистый; а рыцарь сказалъ ему: „На!
„Радъ испытать я, заплатитъ ли долгъ сатана;
„Вотъ тебѣ обѣ перчатки; отдай черезъ годъ.“—
Слышу; прости, до свиданья! отвѣтствовалъ тотъ.—

Выѣхалъ въ поле Роллонъ; вдругъ далекій пѣтухъ
Крикнулъ, и топотъ коней поражаетъ имъ слухъ.
Робость Роллона взяла; онъ глядитъ въ темноту:
Что то ночную наполнило вдругъ пустоту;

Что то въ ней движется, ближе и ближе; и вотъ
Черные рыцари ѣдутъ попарно; ведетъ
Сзади слуга въ поводахъ вороного коня;
Черной попоной покрытъ онъ; глаза изъ огня.

Съ дрожью невольной спросилъ у слуги паладинъ:
Кто вороного коня твоего господинъ?—
„Вѣрный слуга моего господина, Роллонъ.
„Нынѣ лишь парой перчатокъ расчелся съ нимъ онъ;

„Скоро отдастъ онъ иной и послѣдній отчетъ;
„Самъ онъ поѣдетъ на этомъ конѣ черезъ годъ.“

Такъ отвѣчавъ, за другими послѣдовалъ онъ.
„Горе мнѣ!“ въ страхѣ сказалъ щитоносцу Роллонъ.

„Слушай, тебѣ я коня моего отдаю;
„Съ нимъ и всю сбрую возьми боевую мою:
„Ими отнынѣ, мой вѣрный товарищъ, владѣй;
„Только молись о душѣ осужденной моей.“

Въ ближній пришедъ монастырь, онъ пріору [1]) сказалъ:
„Страшный я грѣшникъ, но Богъ мнѣ покаяться далъ.
Ангельскій чинъ я еще недостоинъ носить;
Служкой простымъ я желаю въ обители быть.“

Вижу, ты въ шпорахъ, конечно, бывалъ ѣздокомъ;
Будь же у насъ на конюшнѣ, ходи за конемъ.
Служитъ Роллонъ на конюшнѣ, а время идетъ;
Вотъ наконецъ совершился ровнехонько годъ.

Вотъ наступилъ ужъ и вечеръ послѣдняго дня;
Вдругъ привели въ монастырь молодого коня:
Статенъ, красивъ, но еще не объѣзженъ былъ онъ.
Взять дикаря за узду подступаетъ Роллонъ.

Взвизгнулъ, вскочивъ на дыбы, разъярившійся конь;
Грива горой, изъ ноздрей какъ изъ печи огонь;
Въ сердце Роллона ударилъ копытами онъ;
Умеръ, и разу вздохнуть не успѣвши, Роллонъ.

Вырвавшись, конь убѣжалъ и его не нашли.
Къ ночи, какъ должно, Роллона отцы погребли.
Въ полночь къ могилѣ ужасный ѣздокъ прискакалъ;
Чернаго, злого коня за узду онъ держалъ;

Пара перчатокъ висѣла на черномъ сѣдлѣ.
Жалобно охнувъ, Роллонъ повернулся въ землѣ;
Вышелъ изъ гроба, со вздохомъ перчатки надѣлъ,
Сѣлъ на коня, и какъ вихорь съ нимъ конь улетѣлъ.

[1]) Настоятель монастыря, подчиненнаго аббатству.

В) Изъ разныхъ эпохъ.

1) Лѣсной Царь.

(Гёте.)

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

Дитя, что ко мнѣ такъ робко прильнулъ?—
Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ.
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.
— О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.—

„Дитя, оглянися, младенецъ, ко мнѣ;
„Веселаго много въ моей сторонѣ:
„Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
„Изъ золота слиты чертоги мои.“

Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
— О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.—

„Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубравѣ моей
„Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
„При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
„Играя, летая, тебя усыплять.“

Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей.
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.
— О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.—

„Дитя, я плѣнился твоей красотой:
„Неволей иль волей, а будешь ты мой.“

Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

2) Узникъ.

„За днями дни идутъ, идутъ...
„Напрасно;
„Они свободы не ведутъ
„Прекрасной;
Объ ней тоскую и молюсь,
„Ее зову, не дозовусь.

„Смотрю въ высокое окно
„Темницы:
„Все небо свѣтомъ зажжено
„Денницы;
„На свѣжихъ крыльяхъ вѣтерка
„Летаютъ вольно облака.

„И такъ всѣ блага замѣнить
„Могилой?
„И бросить свѣтъ, когда въ немъ жить
„Такъ мило;
„Ахъ! дайте въ свѣтѣ подышать:
„Еще мнѣ рано умирать.

„Лишь мигъ весеннимъ бытiёмъ
„Жила я;
„Лишь мигъ на праздникѣ земномъ
„Была я;
„Душа готовилась любить...
„И все покинуть, все забыть!“

Такъ голосъ заунывный пѣлъ
Въ темницѣ...
И сердцемъ юноша летѣлъ
Къ пѣвицѣ.
Но онъ въ неволѣ, какъ она;
Межъ ними хладная стѣна.

И тщетно съ ней онъ разлучёнъ
Стѣною:
Невидимую знаетъ онъ
Душою;
И мысль объ ней и день и ночь
Отъ сердца не отходитъ прочь.

Все видитъ онъ: во тьмѣ она
Тюремной
Сидитъ, раздумью предана,
Взоръ томной;
Младенчески прекрасенъ видъ;
И слезы падаютъ съ ланитъ.

И ночью, забывая сонъ,
Въ мечтаньѣ,
Ея подслушиваетъ онъ
Дыханье;
И на устахъ его горитъ
Огонь ея младыхъ ланитъ.

Таясь, страданія однѣ
Дѣлить съ ней,
Въ одной темничной глубинѣ
Молить съ ней
Согласной думой и тоской
Отъ неба участи одной—

Вотъ жизнь его: другой не ждетъ
Онъ доли;
Онъ, равнодушный, не зоветъ
И воли:
Съ ней розно въ свѣтѣ жизни нѣтъ;
Прекрасенъ только ею свѣтъ.

Не ты-ль, онъ мнитъ—давно была
Любима?
И не тебя ль душа звала,
Томима
Желанья смутнаго тоской,
Волненьемъ жизни молодой?

„Тебя въ пророчественномъ снѣ
Видалъ я;
Тобою въ пламенной веснѣ
Дышалъ я;
Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣтахъ;
Твой образъ вѣялъ въ облакахъ.

Когда же сердце ясный взоръ
Твой встрѣтитъ?
Когда, разрушивъ сей затворъ,
Освѣтитъ
Свобода жизнь вдвоемъ для насъ?
Лети, лети, желанный часъ!“

Напрасно; часъ не прилетѣлъ
Желанный;
Другой Создателемъ удѣлъ
Избранный
Достался узницѣ младой—
Небесно-тайный, не земной.

Разъ слышитъ онъ: затворовъ громъ,
Рыданье,
Звукъ цѣпи, голоса́.., потомъ
Молчанье...
И ужасъ грудь его томитъ—
И тщетно ждетъ онъ... все молчитъ.

Увы! удѣлъ его рѣшенъ...
Угрюмый,
Навѣкъ грядущаго лишенъ,
Всѣ думы
За ней онъ въ гробъ переселилъ,
И молитъ рокъ, чтобъ поспѣшилъ.

Однажды—только занялась
Денница—
Его со стукомъ расперлась
Темница.
„О радость! (мнитъ онъ) скоро къ ней!"
И что-же?... Свобода у дверей.

Но хладно принялъ онъ привѣтъ
Свободы:
Прекраснаго ужъ въ мірѣ нѣтъ;
Дни, годы
Напрасно будутъ проходить...
Погибшаго не возвратить.

Ахъ! слово милое объ ней
Кто скажетъ?
Кто слѣдъ ея забытыхъ дней
Укажетъ?
Кто знаетъ, гдѣ она цвѣла?
Гдѣ тотъ, кого своимъ звала?

И нѣтъ ему въ семьѣ родной
Услады;
Задумчивъ, грустію нѣмой
Онъ взгляды
Сердечные встрѣчаетъ ихъ;
Онъ въ людствѣ сумраченъ и тихъ.

Настанетъ день—ни съ мѣста онъ;
Безгласный,
Душой въ мечтанье погруженъ,
Взоръ страстный
Исполненъ смутнаго огня,
Стоитъ онъ, голову склоня.

Но тихо въ сумракѣ ночей
Онъ бродитъ,
И съ неба темнаго очей
Не сводитъ:
Звѣзда знакомая тамъ есть;
Она къ нему приноситъ вѣсть..

О милой вѣсть, и въ міръ иной
Призванье...
И дѣлитъ съ тайной онъ звѣздой
Страданье;
Ея краса оживлена:
Ему въ ней свѣтится она.

Онъ таялъ, гаснулъ и угасъ...
И мнилось,
Что вдругъ предъ нимъ въ послѣдній часъ
Явилось
Все то, чего душа ждала,
И жизнь въ улыбкѣ отошла.

3) Три пѣсни.

(Л. Уланда).

Споетъ ли мнѣ пѣсню веселую скальдъ [1])?
Спросилъ, озираясь, могучій Освальдъ.
И скальдъ выступаетъ на царскую рѣчь,
Подъ мышкою арфа, на поясѣ мечъ.

„Три пѣсни я знаю: въ одной старина!
„Тобою, могучій, забыта она;
„Ты самъ ее въ лѣсѣ дремучемъ сложилъ;
„Та пѣсня: отца моего ты убилъ.

„Есть пѣсня другая: ужасна она;
„И мною подъ бурей ночной сложена;
„Пою ее ранней и поздней порой;
„И пѣсня та: бейся, убійца, со мной!“

Онъ въ сторону арфу и мечъ наголо;
И бѣшенство грозныя лица зажгло;
Запрыгали искры по звонкимъ мечамъ;
И рухнулъ Освальдъ—голова пополамъ.

„Раздайся жъ, послѣдняя пѣсня моя;
„Ту пѣсню и утромъ и вечеромъ я
„Гремѣть не устану предъ дѣвой любви;
„Та пѣсня: убійца поверженъ въ крови!“

4) Алина и Альсимъ.

(Ф. Монкрифа [2]).

Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали
Союзъ сердецъ?

---

[1]) Такъ назывались древніе народные пѣвцы-поэты въ Ирландіи и Скандинавіи; многіе изъ нихъ сами были храбрыми героями.

[2]) Ф. Монкрифъ (1687—1770) французскій поэтъ, извѣстный своими балладами и сатирическимъ разсказомъ „Исторія кошекъ“.

Вамъ розно быть! вы имъ сказали—
Всему конецъ.
Что пользы въ платье золотое
Себя рядить?
Богатство на землѣ прямое
Одно: любить.

Когда случится, жизни въ цвѣтѣ,
Сказать душой
Ему: ты будь моя на свѣтѣ;
А ей: ты мой;
И вдругъ придется для другого
Любовь забыть—
Что жребія страшнѣй такого?
И льзя ли жить?

Алина матери призналась:
„Мнѣ милъ Альсимъ;
Давно я въ тайнѣ помѣнялась
Душею съ нимъ;
Давно люблю ему сказала;
Дай счастье намъ".
— Нѣтъ, дочь моя, за генерала
Тебя отдамъ.—

И въ монастырь святой Ирины
Отвозитъ дочь.
Тоска-печаль въ душѣ Алины
И день и ночь.
Три года длилося изгнанье;
Не усладилъ
Ни разу другъ ея страданье;
Но все онъ милъ.

Однажды... о! какъ свѣтъ коваренъ!...
Сказала мать:

„Любовникъ твой неблагодаренъ".
И ей читать
Она даетъ письмо Альсима.
Его черты:
Прости, другая мной любима,
Свободна ты.

Готово все: женихъ приходитъ;
Идутъ во храмъ;
Вокругъ налоя ихъ обводитъ
Священникъ тамъ.
Увы, Алина, что съ тобою?
Кто твой супругъ?
Ты сердца не дала съ рукою—
Въ немъ прежній другъ.

Какъ смирный агнецъ на закланье,
Вся убрана;
Вокругъ веселье, ликованье—
Она грустна.
Алмазы, платья, ожерелья
Ей мать даритъ:
Напрасно... прежняго веселья
Не возвратитъ.

Но какъ же дни свои смиренно
Ведетъ она!
Вся жизнь семьѣ уединенной
Посвящена.
Алины сердце покорилось
Судьбѣ своей;
Супругу жъ то, что сохранилось
Отъ сердца ей.

Но все, по-прежнему, печали
Душа полна;

И что-бы взоры ни встрѣчали —
Все мысль одна.
Такъ безутѣшная томила
Пять лѣтъ себя,
Все упрекая, что любила,
И все любя.

Разлуки жизнь — воспоминанье;
Имъ полонъ свѣтъ;
Хотѣть прогнать его—страданье,
А пользы нѣтъ.
Все поневолѣ улетаемъ
Къ мечтѣ своей;
Твердя: забудь! напоминаемъ
Душѣ объ ней.

Однажды, пріунывъ, Алина
Сидѣла; вдругъ
Купца къ ней вводитъ армянина
Ея супругъ.
„Вотъ цѣпи, дорогія шали,
Жемчугъ, кораллъ;
Они лѣкарство отъ печали:
Я такъ слыхалъ".

„На что намъ деньги? На веселье.
Кому ихъ жаль?
Купи, что хочешь: ожерелье,
Цѣпочку, шаль,
Или жемчугъ у армянина;
Вотъ кошелёкъ.
Я скоро возвращусь, Алина,
Прости, дружокъ".

Товары передъ ней открывши,
Купецъ молчитъ;

Алина, голову склонивши,
Какъ не глядитъ.
Онъ, взоръ потупя, разбираетъ
Жемчугъ, алмазъ;
Подноситъ, молча; но вздыхаетъ
Онъ каждый разъ.

Блистала красота́ младая
Въ его чертахъ;
Но блѣденъ, борода густая,
Печаль въ глазахъ.
Мила для взора живость цвѣта,
Знакъ юныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.

Она не видитъ, не внимаетъ—
Мысль далеко.
Но часто, часто онъ вздыхаетъ
И глубоко.
Что (мыслитъ) онъ такой унылой?
Чѣмъ огорчёнъ?
Ахъ! если потерялъ, что мило,
Какъ жалокъ онъ!

„Скажи, что сдѣлалось съ тобою?
О чемъ печаль?
Не отъ любви-ль?... Ахъ! всей душею
Тебя мнѣ жаль.“
—Что пользы? Горя намъ словами
Не утолить;
И невозвратнаго—слезами
Не возвратить.

—Одно сокровище безцѣнно
Я въ мірѣ зналъ;

Подобнаго Творецъ вселенной
Не создавалъ.
И я одно имѣлъ въ предметѣ:
Имъ обладать.
За то бы радъ былъ все на свѣтѣ—
И жизнь отдать.

—Какъ было сладко любоваться
Имъ въ день сто разъ!
И въ мысляхъ я не могъ разстаться
Съ нимъ ни на часъ.
Но року вздумалось лихому
Мнѣ повредить,
И счастіе мое другому
Съ нимъ подарить.

Всѣхъ въ жизни радостей лишенный,
Съ моей тоской
Я побѣжалъ, какъ осужденный,
На край земной:
Но ахъ! отъ сердца то, что мило,
Кто оторветъ?
Что разъ оно здѣсь полюбило,
Съ тѣмъ и умретъ.

„Скажи же, что твоя утрата?
Златой·бокалъ?"
—О нѣтъ: оно милѣе злата.
„Рубинъ, кораллъ!"
—Не тяжко потерять ихъ.—„Что же?
Царевъ алмазъ?"
—Нѣтъ, нѣтъ, алмазовъ всѣхъ дороже
Оно сто разъ.

—Съ тѣхъ поръ, какъ я все то, что льстило,
Въ немъ погубилъ,

*

Я самъ, на память, образъ милой
Изобразилъ.
И на черты его прелестны
Смотрю въ слезахъ:
Мои всѣ блага поднебесны
Въ его чертахъ.

Алина слушала уныло
Его разсказъ.
„Могу ль на этотъ образъ милой
Взглянуть хоть разъ?“
Алинѣ, молча, какъ убитый,
Онъ подаетъ
Парчею досканецъ обвитый,
Самъ слезы льетъ.

Алина робкою рукою
Парчу сняла;
Дощечка съ надписью златою;
Она прочла:
Здѣсь все, что я осиротѣлой
Моимъ зову;
Что мнѣ отъ счастья уцѣлѣло;
Все, чѣмъ живу.

Дощечку съ трепетомъ раскрыла—
И что же тамъ?
Что новое судьба явила
Ея очамъ?
Дрожитъ, дыханье прекратилось...
Какой предметъ!
И въ комъ бы сердце не смутилось?...
Ея портретъ.

— Алина, пробудись, другъ милой;
Съ тобою я.

Ничто души не измѣнило;
Она твоя.
Въ послѣдній разъ: люблю Алину,
Пришелъ сказать;
Тебя покинувъ, жизнь покину,
Чтобъ не страдать.—

Алина съ горемъ и тоскою
Ему въ отвѣтъ:
„Альсимъ, я вѣрной быть женою
Дала обѣтъ.
Хоть долгъ и тяжкій и постылой,
Все покорись;
А ты—не умирай, другъ милой,
Но... удались.“

Алинѣ руку на прощанье
Онъ подаетъ.
Она беретъ ее въ молчаньѣ
И къ сердцу жметъ.
Вдругъ входитъ мужъ; какъ въ изступленьѣ
Онъ задрожалъ,
И имъ во грудь въ одно мгновенье
Воткнулъ кинжалъ.

Альсима нѣтъ; Алина дышетъ:
Невинна я;
(Такъ говоритъ) Всевышній слышитъ
Насъ Судія.
За что-жъ рука твоя пронзила
Алинѣ грудь?
Но Богъ съ тобой, я все простила,
Ты все забудь.“

Убійца съ той поры томится
И ночь и день:

Повсюду вслѣдъ за нимъ влачится
Алины тѣнь;
Обагрена кровавымъ токомъ
Вся грудь ея;
И говоритъ ему съ упрёкомъ:
Невинна я.

6) Эльвина и Эдвинъ.

(Подражаніе Д. Маллету[1]).

Въ излучинѣ долины сокровенной,
Тамъ, гдѣ блеститъ подъ рощею потокъ,
Стояла хижина, смиренной
Покоя уголокъ.

Эльвина тамъ красавица таилась—
Въ ней зрѣла мать подпору дряхлыхъ дней,
И только объ одномъ молилась:
„Всѣ блага жизни—ей!“

Какъ лилія была чиста душою.
И пламенѣлъ румянецъ на щекахъ—
Такъ разливается весною
Денница въ облакахъ.

Всѣхъ юношей Эльвина восхищала;
Для всѣхъ подругъ красой была страшна,
И, чудо прелестей, не знала
Объ нихъ одна она.

Пришелъ Эдвинъ. Безъ всякаго искусства
Эдвинова плѣняла красота:
Въ очахъ веселыхъ пламень чувства,
А въ сердцѣ простота.

---

[1]) Давидъ Маллетъ (1700—1765)—англійскій поэтъ-балладистъ.

И заключенъ святой союзъ сердцами:
Душѣ легко въ родной душѣ читать;
Легко, что сказано очами,
Устами досказать.

О! сладко жить, когда душа въ покоѣ,
И съ тѣмъ, кто милъ, начавъ, кончаешь день;
Вдвоемъ и радости всѣ вдвое...
Но ахъ! онѣ какъ тѣнь.

Лишь золото любилъ отецъ Эдвина;
Для жалости онъ сердца не имѣлъ;
Эльвинѣ же дала судьбина
Одну красу въ удѣлъ.

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровой
На ихъ любовь—на счастье двухъ сердецъ.
„Разстаньтесь!" роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.

Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ страсти!
И ни одной нѣтъ силы побѣдить...
Какъ не признать отцовской власти?
Но какъ же не любить?

Прелестный видъ, плѣнительныя рѣчи,
Восторгъ любви—все было только сонъ;
Онъ розно съ ней; онъ съ ней и встрѣчи
Бояться осуждёнъ.

Лишь по утрамъ, чтобъ видѣть слѣдъ Эльвины,
Онъ изъ кустовъ смотрѣлъ, когда она
Шла по излучинѣ долины,
Печальна и одна.

Или, когда являя мѣсяцъ роги,
Туманный свѣтъ на рощи наводилъ,

Онъ, грустенъ, вдоль большой дороги
До полночи бродилъ.

Задумчивый, онъ часто по кладбищу
При склонѣ дня ходилъ среди крестовъ:
Его тоскѣ давало пищу
Спокойствіе гробовъ.

Знать гробъ ему предчувствіе сулило!
Уже ланитъ румяный цвѣтъ пропалъ;
Ихъ горе блѣдностью покрыло...
Несчастный увядалъ.

И не спасутъ его младыя лѣты;
Вотще въ слезахъ надъ нимъ его отецъ;
Вотще и вопли и обѣты!..
Всему, всему конецъ.

И молитъ онъ: „друзья, изъ сожалѣнья!..
Хотя бы разъ мнѣ на нее взглянуть!..
Ахъ! дайте, дайте отъ мученья
При ней мнѣ отдохнуть...“

Она пришла; но взоръ любви всесильный
Уже тебя, Эдвинъ, не воскреситъ;
Уже готовъ покровъ могильный,
И гробъ уже открытъ.

Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
Какъ измѣнилъ его послѣдній часъ;
Ни тѣни прежняго Эдвина,
Ликъ блѣдный, слабый гласъ.

Въ знакъ вѣрности онъ подаетъ ей руку,
И на нее взоръ томный устремилъ:
Какъ сильно вѣчную разлуку
Сей взоръ изобразилъ.

И въ тьмѣ ночной, покинувши Эдвина,
Домой одна вблизи кладбища шла,
Души не чувствуя, Эльвина;
Кругомъ густѣла мгла.

Отъ сѣвера подъемлясь, вѣтеръ хладной
Качалъ, свистя во мракѣ, дерева,
И выла на стѣнѣ ограды
Полночная сова.

И вся душа въ Эльвинѣ замирала;
И взоръ ея во всемъ его встрѣчалъ;
Казалось—тѣнь его летала;
Казалось—онъ стоналъ.

Но... вотъ и въявь ужъ слышится Эльвинѣ:
Вдали провылъ уныло тяжкій звонъ;
Какъ смерти голосъ, по долинѣ
Промчавшись, стихнулъ онъ.

И къ матери безъ памяти вбѣжала—
Блѣдна, и свѣтъ въ очахъ ея темнѣлъ.
„Прости, все кончилось! (сказала)
Мой ангелъ улетѣлъ!

„Благослови... зовутъ... иду къ Эдвину...
Но для тебя мнѣ жаль покинуть свѣтъ".
Умолкла... мать зоветъ Эльвину...
Эльвины больше нѣтъ.

6) Братоубійца.

(Л. Уланда).

На скалѣ приморской, мшистой,
Тамъ, гдѣ берегъ грозно дикъ,
Богоматери Пречистой
Чудотворный зрится ликъ;

Съ той крутой скалы на воды
Матерь Божія глядитъ,
И пловца отъ непогоды
Угрожающей хранитъ.

Каждый вечеръ, лишь молебный
На скалѣ раздастся звонъ,
Гласъ отвѣтственный хвалебный
Возстаетъ со всѣхъ сторонъ;
Пахарь пѣньемъ освящаетъ
Дня и всѣхъ трудовъ конецъ,
И на палубѣ читаетъ
Ave Maria пловецъ.

Благодатнаго Успенья
Свѣтлый праздникъ наступилъ;
Всѣ окрестныя селенья
Звонъ призывный огласилъ.
Солнце радостно и ярко,
Бездна водъ свѣтла до дна,
И природа, мнится, жаркой
Вся молитвою полна.

Всѣ пути кипятъ толпами,
Все блеститъ вблизи, вдали;
Убралися вымпелами
Челноки и корабли;
И въ одинъ сліявшись крестной
Богомольно-шумный ходъ,
Вьется лѣстницей небесной
По святой скалѣ народъ.

Сзади, въ грубыхъ власяницахъ,
Слезы тяжкія въ очахъ,
Блѣдный постъ на мрачныхъ лицахъ,
На главѣ зола и прахъ,

Идутъ грѣшные въ молчаньи;
Имъ съ другими не вступить
Въ храмъ святой; имъ въ покаяньи
Передъ храмомъ слезы лить.

И отъ всѣхъ другихъ далеко
Мертвецомъ бредетъ одинъ:
Щеки впали; тускло око;
Полонъ мрачный лобъ морщинъ;
Изъ желѣза поясъ ржавый
Тѣло чахлое гнететъ,
И, къ ногѣ прильнувъ кровавой,
Злая цѣпь ее грызетъ.

Брата нѣкогда убилъ онъ;
Изломавъ проклятый мечъ,
Сталь убійства обратилъ онъ
Въ поясъ; латы скинулъ съ плечъ,
И въ оковахъ, какъ колодникъ,
Бродитъ онъ съ тѣхъ поръ и ждетъ,
Что какой-нибудь Угодникъ
Чудомъ цѣпь съ него сорветъ.

Бродитъ онъ, бездомный странникъ,
Бродитъ много, много лѣтъ;
Но прощенія посланникъ
Имъ не встрѣченъ; чуда нѣтъ.
Смутенъ день, безсонны ночи,
Скорбь съ людьми и безъ людей,
Видъ небесъ пугаетъ очи,
Жизнь страшна, конецъ страшнѣй.

Вотъ, какъ бы дорогой терній,
Тяжко къ храму всходитъ онъ;
Въ храмѣ всѣ молчатъ, вечерній
Внемля благовѣста звонъ.

Сталъ онъ въ страхѣ предъ дверями:
Дѣвы ликъ сквозь ѳиміамъ
Блещетъ, обданный лучами
Дня, сходящаго къ водамъ.

И окрестъ благоговѣнья
Распростерлась тишина:
Мнится таинствомъ Успенья
Вся земля еще полна,
И на облакѣ сіяетъ
Возлетѣвшей Дѣвы слѣдъ,
И Она благословляетъ,
Исчезая, здѣшній свѣтъ.

Всѣ пошли назадъ толпами;
Но преступникъ не спѣшитъ
Имъ во слѣдъ; передъ дверями
Блѣденъ ликомъ онъ стоитъ:
Цѣпи все еще вкругъ тѣла,
Ими сжатаго, лежатъ,
А душа ужъ улетѣла
Въ градъ свободы, въ Божій градъ.

7) Рыбакъ.

(Подражаніе Гёте).

Бѣжитъ волна, шумитъ волна;
      Задумчивъ, надъ рѣкой,
Сидитъ рыбакъ, душа полна
      Прохладной тишиной.
Сидитъ онъ часъ, сидитъ другой;
      Вдругъ шумъ въ волнахъ притихъ...
И влажною всплыла главой
      Красавица изъ нихъ.

Глядитъ она, поетъ она:
      Зачѣмъ ты мой народъ

Манишь, влечешь съ родного дна
Въ кипучій жаръ изъ водъ?
Ахъ! еслибъ зналъ, какъ рыбкой жить
Привольно въ глубинѣ,
Не сталъ бы ты себя томить
На знойной вышинѣ.

Не часто ль солнце образъ свой
Купаетъ въ лонѣ водъ?
Не свѣжей ли горитъ красой
Его изъ нихъ исходъ?
Не съ ними ли сводъ неба слитъ
Прохладно-голубой?
Не въ лоно ль ихъ тебя манитъ
И ликъ твой молодой?

Бѣжитъ волна, шумитъ волна...
На берегъ валъ плеснулъ....
Въ немъ вся душа, тоски полна,
Какъ будто другъ шепнулъ.
Она поетъ, она манитъ —
Знать часъ его насталъ!
Къ нему она, онъ къ ней бѣжитъ...
И слѣдъ на вѣкъ пропалъ.

8) Баллада,

въ которой описывается, какъ одна старуха ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди.

(Подражаніе Саути).

На кровлѣ воронъ дико прокричалъ:
Старушка слышитъ и блѣднѣетъ.
Понятно ей, что воронъ тотъ сказалъ;
Слегла въ постель, дрожитъ, хладѣетъ.

И вопитъ скорбно: „гдѣ мой сынъ чернецъ?
Ему сказать мнѣ слово дайте;

Увы! я гибну; близокъ мой конецъ;
Скорѣй, скорѣй! не опоздайте!“

И къ матери идетъ чернецъ святой
Ея услышать покаянье;
И тайные Дары несетъ съ собой,
Чтобъ утолить ея страданье.

Но лишь пришелъ къ одру съ Дарами онъ,
Старушка въ трепетѣ завыла;
Какъ смерти крикъ, ея протяжный стонъ...
„Не приближайся!“ возопила.

„Не подноси ко мнѣ святыхъ Даровъ;
Уже не въ пользу покаянье...“
Былъ страшенъ видъ ея сѣдыхъ власовъ
И страшно груди колыханье.

Дары святые сынъ отнесъ назадъ
И къ страждущей приходитъ снова;
Кругомъ бродилъ ея потухшій взглядъ;
Языкъ искалъ, нѣмѣя, слова.

„Вся жизнь моя въ грѣхахъ погребена,
Меня отвергнулъ Искупитель;
Твоя жъ душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.

„Здѣсь вмѣсто дня была мнѣ ночи мгла;
Я кровь младенцевъ проливала,
Власы невѣстъ въ огнѣ волшебномъ жгла,
И кости мертвыхъ похищала.

„И казнь лукавый обольститель мой
Ужъ мнѣ готовитъ въ адской злобѣ;
И я, смутивъ чужихъ гробовъ покой,
Въ своемъ не успокоюсь гробѣ.

„Ахъ! не забудь моихъ послѣднихъ словъ:
Мой трупъ, обвитый пеленою,
Мой гробъ, мой черный гробовой покровъ,
Ты окропи святой водою.

„Чтобъ изъ свинца мой крѣпкій гробъ былъ слитъ,
Семью окованъ обручами,
Во храмъ внесенъ, предъ алтаремъ прибитъ
Къ помосту крѣпкими цѣпями.

„И цѣпи окропи святой водой:
Чтобы священники соборомъ
И день и ночь стояли надо мной
И пѣли панихиду хоромъ;

„Чтобъ пятьдесятъ на крылосахъ дьячковъ
За ними въ черныхъ рясахъ пѣли;
Чтобъ день и ночь свѣчи у образовъ
Изъ воска яраго горѣли;

„Чтобы звучнѣй во всѣ колокола
Съ молитвой день и ночь звонили;
Чтобъ заперта во храмѣ дверь была;
Чтобъ дьяконы предъ ней кадили;

„Чтобъ крѣпокъ былъ запоръ церковныхъ вратъ;
Чтобы съ полуночнаго бдѣнья
Онъ ни на мигъ съ растворовъ не былъ снятъ
До солнечнаго восхожденья.

„Съ обрядомъ тѣмъ молиться три дня,
Три ночи сряду надо мною;
Чтобъ не достигъ губитель до меня,
Чтобъ прахъ мой принятъ былъ землёю".

И гласъ ея быть слышенъ пересталъ;
Померкши очи закатились;

Послѣдній вздохъ въ груди затрепеталъ;
Уста, охолодѣвъ, раскрылись.

И хладный трупъ, и саванъ гробовой,
И гробъ подъ черной пеленою
Священники съ приличною мольбой
Опрыскали святой водою.

Семь обручей на гробъ положены,
Три цѣпи тяжкими винтами
Вонзились въ гробъ и съ нимъ утверждены
Въ помостъ предъ Царскими дверями.

И вспрыснуты онѣ святой водой;
И всѣ священники въ собраньѣ,
Чтобъ день и ночь душѣ на упокой
Свершать во храмѣ поминанье.

Поютъ дьячки всѣ въ черныхъ стихаряхъ
Медлительными голосами;
Горятъ свѣчи надгробны въ ихъ рукахъ,
Горятъ свѣчи предъ образами.

Протяжный гласъ, и блѣдный ликъ пѣвцовъ,
Печальный, страшный сумракъ храма,
И тихій гробъ, и длинный рядъ поповъ
Въ туманѣ зыбкомъ ѳиміама,

И горестный чернецъ предъ алтаремъ,
Творящій до земли поклоны,
И въ высотѣ дрожащимъ свѣчъ огнемъ
Чуть озаренныя иконы...

Ужасный видъ! колокола звонятъ;
Ужъ часъ полуночнаго бдѣнья...
И заперлись затворы тяжкихъ вратъ
Передъ начатіемъ моленья.

И въ перву ночь отъ свѣчъ веселый блескъ.
И вдругъ... къ полночи за вратами
Ужасный вой, ужасный шумъ и трескъ;
И слышалось: гремятъ цѣпями.

Желѣзныхъ вратъ запоръ, стуча, дрожитъ;
Звонятъ на колокольнѣ звонче,
Молитву клиръ усерднѣе творитъ,
И пѣніе поющихъ громче.

Гудятъ колокола, дьячки поютъ,
Попы молитвы вслухъ читаютъ,
Чернецъ въ слезахъ, въ кадилахъ ладонъ жгутъ,
И свѣчи яркія пылаютъ.

Запѣлъ пѣтухъ... и смолкнувши бѣгутъ
Враги, не совершивъ ловитвы;
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поютъ,
Смѣлѣй попы творятъ молитвы.

Въ другую ночь отъ свѣчъ темнѣе свѣтъ,
И слабо теплются кадилы,
И гробовой у всѣхъ на лицахъ цвѣтъ:
Какъ будто встали изъ могилы.

И снова ревъ и шумъ и трескъ у вратъ;
Грызутъ замокъ, въ затворы рвутся;
Какъ будто вихрь, какъ будто шумный градъ,
Какъ будто воды съ горъ несутся.

Предъ алтаремъ чернецъ на землю палъ,
Священники творятъ поклоны,
И дымъ отъ свѣчъ туманныхъ побѣжалъ,
И потемнѣли всѣ иконы.

Сильнѣе стукъ—звучнѣй колокола,
И трепетнѣй поющихъ голосъ;

Въ крови ихъ хладъ, объемлетъ очи мгла,
Дрожатъ колѣна, дыбомъ волосъ.

Запѣлъ пѣтухъ... и прочь враги бѣгутъ,
Опять не совершивъ ловитвы;
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поютъ,
Попы смѣлѣй творятъ молитвы.

На третью ночь свѣчи едва горятъ;
И дымъ густой и запахъ сѣрный;
Какъ рядъ тѣней, попы во мглѣ стоятъ;
Чуть видѣнъ гробъ во мракѣ черный.

И стукъ у вратъ: какъ будто океанъ
Подъ бурею реветъ и воетъ,
Какъ будто степь песчаную орканъ
Свистящими крылами роетъ.

И звонари отъ страха чуть звонятъ,
И руки имъ служить невольны;
Часъ отъ часу страшнѣе громъ у вратъ,
И звонъ слабѣе колокольный.

Дрожа, упалъ чернецъ предъ алтаремъ;
Молиться силы нѣтъ; во прахѣ
Лежитъ, къ землѣ приникнувши лицомъ;
Поднять глаза не смѣетъ въ страхѣ.

И пѣвчихъ хоръ, досель согласный, сталъ
Нестройнымъ крикомъ отъ смятенья:
Имъ чудилось, что церковь зашаталъ
Какъ бы ударъ землетрясенья.

Вдругъ затускнѣлъ огонь во всѣхъ свѣчахъ,
Погасли всѣ и закурились;
И замеръ гласъ у пѣвчихъ на устахъ,
Всѣ трепетали, всѣ крестились.

И раздалось... Какъ будто оный гласъ,
Который грянетъ надъ гробами,
И храма дверь со стукомъ затряслась
И на полъ рухнула съ петлями.

И Онъ предсталъ весь въ пламени очамъ,
Свирѣпый, мрачный, разъяренной;
Но не дерзнулъ войти онъ въ Божій храмъ,
И ждалъ предъ дверью раздробленной.

И съ громомъ гробъ отторгся отъ цѣпей,
Ни чьей не тронутый рукою;
И вмигъ на немъ не стало обручей...
Они разсыпались золою.

И вскрылся гробъ. Онъ тѣлу вопіётъ:
„Возстань, иди во слѣдъ владыкѣ!"
И проступилъ отъ словъ сихъ хладный потъ
На мертвомъ, неподвижномъ ликѣ.

И тихо трупъ со стономъ тяжкимъ всталъ,
Покоренъ страшному призванью;
И никогда здѣсь смертный не слыхалъ
Подобнаго тому стенанью.

Шатаяся, пошла она къ дверямъ:
Огромный конь, чернѣе ночи,
Дыша огнемъ, храпѣлъ и прыгалъ тамъ,
И какъ пожаръ пылали очи.

И на коня съ добычей прянулъ врагъ;
И трупъ завылъ; и быстротечно
Конь полетѣлъ, взвивая дымъ и прахъ,
И слухъ объ ней пропалъ навѣчно.

Никто не зрѣлъ, какъ съ нею мчался онъ...
Лишь страшный слѣдъ нашли на прахѣ,
Лишь, внемля крикъ, всю ночь сквозь тяжкій сонъ
Младенцы вздрагивали въ страхѣ.

*

9) Ленора.

(Г. Бюргера [1]).

Ленорѣ снился страшный сонъ,
Проснулася въ испугѣ.
„Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?
„И вѣренъ ли подругѣ?“
„Пошелъ въ чужую онъ страну
За Фридерикомъ на войну;
Никто объ немъ не слышитъ;
А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ императрицею король
За что-то раздружились;
И кровь лилась, лилась... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончивъ бой,
Съ музыкой, пѣснями, пальбой,
Съ торжественностью ратной
Пустились въ путь обратной.

Идутъ! идутъ! за строемъ строй;
Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ;
Родные, ближніе толпой
Встрѣчать ихъ выбѣгаютъ;
Тамъ обнялъ друга нѣжный другъ,
Тамъ сынъ отца, жену супругъ;
Всѣмъ радость... а Ленорѣ
Отчаянное горе.

Она обходитъ ратный строй
И друга вызываетъ;
Но вѣсти нѣтъ ей никакой:
Никто объ немъ не знаетъ.

---

[1]) Готфридъ Бюргеръ (1747—1794)—знаменитый нѣмецкій балладистъ, лучшимъ произведеніемъ котораго считается эта баллада.

Когда же мимо рать прошла —
Она свѣтъ Божій прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской:
„Что такъ тебя волнуетъ?
„Что сдѣлалось, дитя, съ тобой?“
И дочь свою цѣлуетъ.
— О другъ мой, другъ мой, все прошло!
Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!

„Прости ее, небесный Царь!
„Родная, помолися.
„Онъ благъ, Его руки мы тварь:
„Предъ нимъ душой смирися.“
— О другъ мой, другъ мой, все какъ сонъ...
Немилостивъ со мною Онъ;
Предъ Нимъ мой крикъ былъ тщетенъ...
Онъ глухъ и безотвѣтенъ.

„Дитя, отъ жалобъ удержись;
„Смири души тревогу;
„Пречистыхъ Таинъ причастись,
„Пожертвуй сердцемъ Богу.“
— О другъ мой, что во мнѣ кипитъ,
Того и Богъ не усмиритъ:
Ни Тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвой.

„Но что, когда онъ самъ забылъ
Любви святое слово,
И прежней клятвѣ измѣнилъ,
И связанъ клятвой новой?—

И ты, и ты объ немъ забудь;
Не рви тоской напрасной грудь;
Не стоитъ слезъ предатель;
Ему судья Создатель."

— О другъ мой, другъ мой, все прошло;
Пропавшее—пропало;
Жизнь безотрадную на зло
Мнѣ провидѣнье дало...
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!

„Небесный Царь, да ей проститъ
„Твое долготерпѣнье!
„Она не знаетъ, что творитъ;
„Ея душа въ забвеньѣ.
„Дитя, земную скорбь забудь:
„Ведетъ ко благу Божій путь;
„Смиреннымъ—рай награда;
„Страшись мученій ада."

— О другъ мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
Съ нимъ вмѣстѣ—все небесный рай;
Съ нимъ розно—все мученье;
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Съ нимъ розно, умерла я
И здѣсь и тамъ для рая.—

Такъ дерзко, полная тоской,
Душа въ ней бунтовала...
Творца на судъ она съ собой
Безумно вызывала,

Терзалась, волосы рвала
До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами.

И вотъ... какъ будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался:
Несется по полю ѣздокъ;
Гремя, къ крыльцу примчался;
Гремя, взбѣжалъ онъ на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо...
Въ ней жилки задрожали...
Сквозь дверь ей прошептали:

„Скорѣй! сойди ко мнѣ, мой свѣтъ!
Ты ждешь ли друга, спишь ли?
Меня забыла ты, иль нѣтъ?
Смѣешься ли, грустишь ли?“
— Ахъ! милый... Богъ тебя принесъ!
А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ
И свѣтъ въ очахъ затмился!..
Ты какъ здѣсь очутился?

„Сѣдлаемъ въ полночь мы коней...
„Я ѣду издалёка.
„Не медли, другъ; сойди скорѣй;
„Путь дологъ, мало срока.“
— На что спѣшить, мой милый, намъ?
И вѣтеръ воетъ по кустамъ,
И тьма ночная въ полѣ;
Побудь со мной на волѣ.—

„Что нужды намъ до тьмы ночной!
„Въ кустахъ пусть вѣтеръ воетъ.
„Часы бѣгутъ; конь борзый мой
„Копытомъ землю роетъ;

„Нельзя намъ ждать; сойди, дружокъ;
„Намъ долгій путь, намъ малый срокъ;
„Не въ пору сонъ и нѣга:
„Сто миль намъ до ночлега“.

— Но какъ же конь твой пролетитъ
Сто миль до утра, милой?
Ты слышишь, колоколъ гудитъ:
Одиннадцать пробило.—
„Но мѣсяцъ всталъ, онъ свѣтитъ намъ...
„Гладка дорога мертвецамъ;
„Мы скачемъ, не боимся;
„До свѣта мы домчимся“.

— Но гдѣ же, гдѣ твой уголокъ?
Гдѣ нашъ пріютъ укромный?—
„Далеко онъ... пять, шесть досокъ...
„Прохладный, тихій, темный“.
— Есть мѣсто мнѣ?—„Обоимъ намъ.
„Поѣдемъ; все готово тамъ;
„Ждутъ гости въ нашей кельѣ;
„Пора на новоселье!“

Она подумала, сошла,
И на коня вспрыгнула,
И друга нѣжно обняла,
И вся къ нему прильнула.
Помчались... конь бѣжитъ, летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И мимо ихъ холмы, кусты,
Поля, лѣса летѣли,
Подъ конскимъ топотомъ мосты
Тряслися и гремѣли.

„Не страшно ль?“—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ!
„Гладка дорога мертвецамъ!
„Да что же такъ дрожишь ты?“
— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?—

Но кто тамъ стонетъ? Что за звонъ?
Что ворона взбудило?
„По мертвомъ звонъ; надгробный стонъ;
„Голосятъ надъ могилой“.
И видѣнъ ходъ; идутъ, поютъ,
На дрогахъ тяжкій гробъ везутъ,
И голосъ погребальной,
Какъ вой совы печальной.

„Заройте гробъ въ полночный часъ:
„Слезамъ теперь не мѣсто;
„За мной! къ себѣ на свадьбу васъ
„Зову съ моей невѣстой.
За мной, пѣвцы; за мной, пасторъ;
„Пропой намъ многолѣтье, хоръ;
„Намъ дай на обрученье,
„Пасторъ, благословенье“.

И звонъ утихъ... и гробъ пропалъ...
Столпился хоръ проворно,
И по дорогѣ побѣжалъ,
За ними тѣнью черной.
И далѣ, далѣ!.. конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И сзади, спереди, съ боковъ
Окрестность вся летѣла;
Поля, холмы, ряды кустовъ,
Заборы, домы, села.

„Не страшно ль?“—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.
„Гладка дорога мертвецамъ!
„Да что же такъ дрожишь ты?“
— О мертвыхъ все твердишь ты!—

Вотъ у дороги, надъ столбомъ,
Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ,
Воздушныхъ рой, свіясь кольцомъ,
Кружится, пляшетъ, вѣетъ.
„Ко мнѣ, за мной вы, плясуны!
„Вы всѣ на пиръ приглашены!
„Скачу, лечу жениться...
Ко мнѣ! повеселиться!“

И лётомъ, лётомъ легкій рой
Пустился вслѣдъ за ними,
Шумя, какъ вѣтеръ полевой
Межъ листьями сухими.
И далѣ, далѣ!.. конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всѣхъ сторонъ,
Все мимо ихъ бѣжало;
И все какъ тѣнь, и все какъ сонъ
Мгновенно пропадало.
„Не страшно ль?“—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.—
„Гладка дорога мертвецамъ!
„Да что же такъ дрожишь ты?“
— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?—

„Мой конь, мой конь, песокъ бѣжитъ;
„Я чую, ночь свѣжѣе;
„Мой конь, мой конь, пѣтухъ кричитъ;
„Мой конь, несись быстрѣе...

„Оконченъ путь; исполненъ срокъ:
„Нашъ близко, близко уголокъ;
„Въ минуту мы у мѣста...
„Пріѣхали, невѣста!“

Къ воротамъ конь, во весь опоръ
Примчавшись, сталъ и топнулъ;
Ѣздокъ бичемъ стегнулъ затворъ—
Затворъ со стукомъ лопнулъ;
Они кладбище видятъ тамъ...
Конь быстро мчится по гробамъ;
Лучи луны сіяютъ,
Кругомъ кресты мелькаютъ.

И что жъ, Ленора, что потомъ?
О страхъ!.. въ одно мгновенье
Кусокъ одежды за кускомъ
Слетѣлъ съ него, какъ тлѣнье;
И нѣтъ ужъ кожи на костяхъ;
Безглазый черепъ на плечахъ;
Нѣтъ каски, нѣтъ колета [1]);
Она—въ рукахъ скелета.

Конь прянулъ... пламя изъ ноздрей
Волною побѣжало;
И вдругъ... все пылью передъ ней
Расшиблось и пропало.
И вой и стонъ на вышинѣ;
И крикъ въ подземной глубинѣ:
Лежитъ Ленора въ страхѣ
Полмертвая на прахѣ.

И въ блескѣ мѣсячныхъ лучей,
Рука съ рукой, летаетъ,

---

[1]) Короткое верхнее одѣяніе конныхъ воиновъ.

Віясь надъ ней, толпа тѣней,
И такъ ей припѣваетъ:
„Терпи, терпи, хоть ноетъ грудь;
„Творцу въ бѣдахъ покорна будь;
„Твой трупъ сойди въ могилу,
„А душу Богъ помилуй!“

10) Людмила.

(Передѣлка предъидущей баллады).

„Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ;
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила?“
Такъ Людмила, пріунывъ,
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутіи вздыхала.
„Возвратится ль онъ—мечтала—
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ,
Съ грозной ратію Славянъ“.

Пыль туманитъ отдаленье;
Свѣтитъ ратныхъ ополченье,
Топотъ, ржаніе коней;
Трубный трескъ и стукъ мечей;
Прахомъ панцыри покрыты,
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратныхъ строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны!“...
„Возвратились незабвенны!“...
„А Людмила?.. Ждетъ-пождетъ...
„Тамъ дружину онъ ведетъ!“

„Сладкій часъ соединенья!“...
Вотъ проходитъ ополченье;
Миновался ратныхъ строй...
Гдѣ жъ, Людмила, твой герой?
Гдѣ твоя, Людмила, радость?
Ахъ! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нѣтъ.
Тихо въ теремъ свой идетъ,
Томну голову склонила:
„Разступись моя могила;
Гробъ, откройся! полно жить;
Дважды сердцу не любить.“

„Что съ тобой, моя Людмила?“
Мать со страхомъ возопила.
„О, спокой тебя Творецъ!“
„Милый другъ! всему конецъ;
Что прошло—невозвратимо;
Небо къ намъ неумолимо;
Царь небесный насъ забылъ...
Мнѣ ль онъ счастья не сулилъ?
Гдѣ жъ обѣтовъ исполненье?
Гдѣ святое Провидѣнье?
Нѣтъ, немилостивъ Творецъ;
Все прости! всему конецъ. —

„О Людмила, грѣхъ роптанье;
Скорбь—Создателя посланье;
Зла Создатель не творитъ;
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ.“
— Ахъ! родная, миновалось!
Сердце вѣрить отказалось!
Я ль, съ надеждой и мольбой,
Предъ иконою святой
Не точила слезъ ручьями?

Нѣтъ, безплодными мольбами
Не призвать минувшихъ дней;
Не цвѣсти душѣ моей.

Рано жизнью насладилась;
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежнихъ лѣтъ краса!
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимыхъ?
Возвращу ль невозвратимыхъ?
„Царь небесъ, то скорби гласъ!
Дочь, воспомни смертный часъ;
Кратко жизни сей страданье;
Рай — смиреннымъ воздаянье,
Адъ—бунтующимъ сердцамъ;
Будь послушна небесамъ.“

— Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ—всюду рай;
Съ милымъ розно—райскій край
Безотрадная обитель.
Нѣтъ, забылъ меня Спаситель!—
Такъ Людмила жизнь кляла,
Такъ Творца на судъ звала...
Вотъ ужъ солнце за горами;
Вотъ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ долъ и мраченъ лѣсъ.

Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ:
Съ горъ простерты длинны тѣни;

И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны...
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ...
Чу!.. полночный часъ звучитъ.

Потряслись дубовъ вершины;
Вотъ повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ...
Скачетъ по полю ѣздокъ:
Борзый конь и ржетъ и пышетъ.
Вдругъ... идутъ... (Людмила слышитъ)
На чугунное крыльцо...
Тихо брякнуло кольцо...
Тихимъ шопотомъ сказали...
(Всѣ въ ней жилки задрожали)
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ:

— Спитъ или нѣтъ, моя Людмила?
Помнитъ друга, иль забыла?
Весела, иль слезы льетъ?
Встань, женихъ тебя зоветъ.
„Ты ль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи
Не потухнули отъ слезъ.
Знать, тронулся Царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Гдѣ же былъ? какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?“

— Близъ Наревы домъ мой тѣсный.
Только мѣсяцъ поднебесный

Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ—
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.
Поздно я пустился въ путь.
Ты моя, моею будь!..
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пѣнье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржалъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, часъ насталъ.

„Переждемъ хоть время ночи;
Вѣтеръ всталъ отъ полуночи;
Хладно въ полѣ, боръ шумитъ;
Мѣсяцъ тучами закрытъ".
— Вѣтеръ буйный перестанетъ;
Стихнетъ боръ, луна проглянетъ;
Ѣдемъ, намъ сто верстъ ѣзды.
Слышишь? Конь грызетъ бразды,
Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья.
Мигъ намъ страшенъ замедленья;
Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ;
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далёкъ.

„Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колоколъ гудитъ".
— Вѣтеръ стихнулъ; боръ молчитъ;
Мѣсяцъ въ водный токъ глядится;
Мигомъ борзый конь домчится.
„Гдѣ жъ, скажи, твой тѣсный домъ?"
— Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ:
Хладенъ, тихъ, уединенный,
Свѣжимъ дерномъ покровенный;
Саванъ, крестъ и шесть досокъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далёкъ.—

Мчатся всадникъ и Людмила.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Прислонясь къ нему главой.
Скокомъ, лётомъ по долинамъ,
По буграмъ и по равнинамъ;
Пышетъ конь, земля дрожитъ;
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится вслѣдъ клубами;
Скачутъ мимо нихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты.

Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
„Страшно ль, дѣвица, со мной?“
— Что до мертвыхъ! что до гроба!
Мертвыхъ домъ земли утроба.
„Чу! въ лѣсу потрясся листъ.
Чу! въ глуши раздался свистъ.
Черный воронъ встрепенулся;
Вздрогнулъ конь и отшатнулся;
Вспыхнулъ въ полѣ огонёкъ“.
— Близко ль, милый?—„Путь далекъ“.

Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились;
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики,

Будто въ листьяхъ повилики
Вьется легкій вѣтерокъ,
Будто плещетъ ручеёкъ.

Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
„Страшно ль, дѣвица, со мной?“
— Что до мертвыхъ! что до гроба!
Мертвыхъ домъ земли утроба.
„Конь, мой конь, бѣжитъ песокъ;
Чую ранній вѣтерокъ;
Конь, мой конь, быстрѣе мчися!
Звѣзды утренни зажглися,
Мѣсяцъ въ облакѣ потухъ.
Конь, мой конь, кричитъ пѣтухъ“.

— Близко ль, милый?—“Вотъ примчались!“
Слышатъ: сосны зашатались;
Слышатъ: спалъ съ воротъ запоръ;
Борзый конь стрѣлой на дворъ.
Что же, что въ очахъ Людмилы?
Камней рядъ, кресты, могилы,
И среди ихъ Божій храмъ.
Конь несется по гробамъ;
Стѣны звонкій вторятъ топотъ;
И въ травѣ чуть слышный шопотъ—
Какъ усопшихъ тихій гласъ...
Вотъ денница занялась.

Что же чудится Людмилѣ?...
Къ свѣжей конь примчась могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!
Вдругъ—глухой подземный громъ,
Страшно доски затрещали,

Кости въ кости застучали,
Пыль взвилася, обручъ хлопъ,
Тихо, тихо вскрылся гробъ...
Что же, что въ очахъ Людмилы?..
Ахъ невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой—гробъ; женихъ—мертвецъ.

Видитъ: трупъ оцѣпенѣлый,
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый,
Длиннымъ саваномъ обвитъ.
Страшенъ милый прежде видъ;
Впалы мертвыя ланиты,
Мутенъ взоръ полуоткрытый,
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ привсталъ... манитъ перстомъ...
„Конченъ путь: ко мнѣ, Людмила,
Намъ постель—темна могила,
Завѣсъ—саванъ гробовой;
Сладко спать въ землѣ сырой".

Что жъ Людмила?... Каменѣетъ,
Меркнутъ очи, кровь хладѣетъ,
Пала мертвая на прахъ.
Стонъ и вопли въ облакахъ,
Визгъ и скрежетъ подъ землёю;
Вдругъ усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ;
Тихій, страшный хоръ завылъ:
„Смертныхъ ропотъ безразсуденъ;
Царь Всевышній правосуденъ,
Твой услышалъ стонъ Творецъ;
Часъ твой билъ, насталъ конецъ!"

*

11) Свѣтлана.

А. А. Воейковой.

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана,
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
„Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко,
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: „кузнецъ,
„Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
„Скуй кольцо златое:
„Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
„Обручаться тѣмъ кольцомъ
„При святомъ налоѣ“.

— Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далёко;

Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ,
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ...
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель.—

Вотъ въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
„Загадай, Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркалѣ стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою,
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою.“

Вотъ красавица одна,
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;

Свѣчка трепетнымъ огнёмъ
Чуть ліетъ сіянье....
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи....
Съ трескомъ пыхнулъ огонёкъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ....
Вотъ.... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами,
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами....
Занялся отъ страха духъ....
Вдругъ въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
„Я съ тобой, моя краса:
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!“

Оглянулась.... милый къ ней
Простираетъ руки.
„Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами.“
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;

У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
　　Повода шелковы.

Сѣли... кони съ мѣста въ разъ;
　　Пышутъ дымъ ноздрями:
Отъ копытъ ихъ поднялась
　　Вьюга надъ санями.
Скачутъ.... пусто все вокругъ,
　　Степь въ очахъ Свѣтланы,
На лунѣ туманный кругъ,
　　Чуть блестятъ поляны;
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
　　„Что ты смолкнулъ, милый?“
Ни полслова ей въ отвѣтъ;
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
　　Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ,
　　Топчутъ снѣгъ глубокій....
Вотъ, въ сторонкѣ, Божій храмъ
　　Видѣнъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ,
　　Тьма людей во храмѣ,
Яркій свѣтъ паникадилъ.
　　Тускнетъ въ ѳиміамѣ,
На срединѣ черный гробъ,
И гласитъ протяжно попъ:
　　„Буди взятъ могилой!“
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ
　　Блѣденъ и унылой.

Вдругъ мятелица кругомъ;
　　Снѣгъ валитъ клоками;

Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонёкъ,
Видѣнъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися.... и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая, въ потьмахъ,
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратиться—слѣду нѣтъ....
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ....
Дверь шатнулася.... скрипитъ....
Тихо растворилась.

Что жъ?.... въ избушкѣ гробъ; накрытъ
Бѣлою запоной.....
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ,
Свѣчка предъ иконой....
Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.

Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ,
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась,
И съ крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ Святыми, въ уголкѣ,
Робко притаилась.

Все утихло.... вьюги нѣтъ....
Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится....
Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ.
Страшное молчанье....
Чу, Свѣтлана!... въ тишинѣ
Легкое журчанье....
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ....
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится....
Сорвался покровъ; мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворены очи.
Вдругъ.... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ....
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы....
Что же дѣвица?.... Дрожитъ....
Гибель близко.... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
    Легкія онъ крылы,
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
    Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
    Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ
    Грозными очами...
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
    Смерть изобразилась....
Глядь, Свѣтлана.... о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ,
    Ахъ!... и пробудилась.

Гдѣ-жъ?... У зеркала, одна
    Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
    Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
    День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ
    Смутенъ сновидѣньемъ.
„Ахъ! ужасный, грозный сонъ;
Не добро вѣщаетъ онъ—
    Горькую судьбину;
Тайный мракъ грядущихъ дней,
    Что сулитъ душѣ моей,
    Радость иль кручину?“

Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
    Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
    Виденъ сквозь тумана:
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
    Паръ алѣетъ тонкій...

Чу!... вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе, вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идётъ....
Кто?... Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты;
Соберитесь, старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы:
Слава—насъ учили—дымъ,
Свѣтъ—судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
„Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ провидѣнье.

Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье—пробужденье.“

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана....
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день;
Ахъ! да пронесется
Мимо бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла,
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга.

12) Двѣнадцать спящихъ дѣвъ.

(Изъ романа Г. Х. Шписса [1]).

Опять ты здѣсь, мой благодатный геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, мечта, къ душѣ моей...
Приди жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья!

---

[1]) Гансъ Христіанъ Шписсъ (1755—1799)—одинъ изъ второстепенныхъ нѣмецкихъ романистовъ, авторъ многихъ романовъ съ привидѣніями, явившихся въ подражаніе Шиллеровскому „Духовидцу“. Жуковскій воспользовался содержаніемъ одного изъ его романовъ: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, обѣ части котораго передѣлалъ въ баллады: „Громобой“ и „Вадимъ“, исключивъ изъ нихъ все нескромное и перенеся мѣсто дѣйствія въ Россію.

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что Рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.

Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могущій духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра!....
Не имъ поетъ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

БАЛЛАДА ПЕРВАЯ.

Громобой.

Leicht aufzuritzen ist das Reich der Geister;
Sie liegen wartend unter dünner Deche
Und, leise hörend, stürmen sie herauf.
Schiller.

АЛЕКСАНДРѢ АНДРЕЕВНѢ ВОЕЙКОВОЙ.

Моихъ стиховъ желала ты—
Желанье исполняю;

Тебѣ досугъ мой и мечты
И лиру посвящаю.
Вотъ повѣсть прадѣдовскихъ лѣтъ.
Еще жъ одно—желанье:
Цвѣти, мой несравненный цвѣтъ,
Сердецъ очарованье;
Печаль по слуху только знай;
Будь радостію свѣта,
Моихъ стиховъ хоть не читай,
Но другомъ будь поэта.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
Сидѣлъ одинъ съ кручиной.
Окрестъ него дремучій боръ,
Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ,
Туманы надъ водами;
Подернутъ мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшей головой
И думаетъ онъ думу:
„Печальный, горькій жребій мой!
Кляну судьбу угрюму;
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть;
Всѣмъ людямъ жизнь отрада;
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь,—
А мнѣ—сума награда;
Нѣтъ крова защитить главу
Отъ бури, непогоды...

Усталъ я, въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быстры воды!“

Готовъ онъ прянуть съ крутизны...
И вдругъ предъ нимъ явленье:
Изъ темной бора глубины
Выходитъ привидѣнье,
Старикъ съ шершавой бородой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когтьми, рогами.
Идетъ, приблизился, грозитъ
Клюкою Громобою...
И тотъ, какъ вкопанный, стоитъ,
Зря диво предъ собою.

— Куда? невѣдомый спросилъ.—
„Въ волнахъ скончать мученья“.
— Почто жъ, безсмысленный, забылъ
Во мнѣ искать спасенья?—
„Кто ты? воскликнулъ Громобой,
Отъ страха цѣпенѣя.
— Заступникъ, другъ, спаситель твой:
Ты видишь Асмодея. —
„Творецъ небесный!“—Удержись!
Въ молитвѣ нѣтъ отрады;
Забудь о Богѣ,—мнѣ молись,
Мои вѣрнѣй награды.

— Прими отъ дружбы, Громобой,
Полезное ученье:
Постигнутъ ты судьбы рукой,
И жизнь тебѣ мученье;
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
Я способы имѣю;

Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ, —
Прибѣгни къ Асмодею.
Могу тебѣ я силу дать,
И честь и много злата,
И грудью буду я стоять
За друга и за брата.

— Клянусь... свидѣтель ада богъ,
Что клятвы не нарушу;
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу. —
Невольно вздрогнулъ Громобой,
По членамъ хладъ стремится;
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
Нѣтъ силъ перекреститься.
— О чемъ задумался, глупецъ?—
„Страшусь мученій ада".
— Но рано ль, поздно ль... наконецъ
Все адъ твоя награда!

— Тебѣ на свѣтѣ жить—бѣда;
Покинуть свѣтъ—другая;
Останься здѣсь—поди туда—
Вездѣ погибель злая.
Ханжи-причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ,—бредни! веселъ адъ;
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведемъ;
Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая.

— Тебѣ я теремъ пышный дамъ,
И тьму людей на службу;

Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ
    Тебя введу я въ дружбу;
Досель красавицъ ты пугалъ—
    Придутъ къ тебѣ толпою;
И словомъ—вздумалъ, загадалъ,
    И все передъ тобою.
И вотъ въ задатокъ кошелекъ:
    Въ немъ вѣчно будетъ злато.
Но десять лѣтъ—не болѣ—срокъ
    Тебѣ такъ жить богато.

—Когда-жъ послѣдній день отъ глазъ
    Исчезнетъ за горою,
Въ послѣдній полуночный часъ
    Прійду я за тобою.—
Сталъ думу думать Громобой,
    Подумалъ, согласился,
И обольстителю душой
    За злато поклонился.
Разрѣзавъ руку, написалъ
    Онъ кровью обѣщанье;
Лукавый принялъ—и пропалъ,
    Сказавши: до свиданья!

И вышелъ въ люди Громобой,—
    Откуда что взялося!
И счастье на него рѣкой
    Съ богатствомъ полилося;
Какъ княжескій разубранъ домъ,
    Подвалы полны злата;
Съ заморскимъ выходы виномъ,
    И рѣдкостей палата;
Пиры—хоть постъ, хоть мясоѣдъ;
    Музыка роговая;
Для всѣхъ—чужихъ, своихъ—обѣдъ
    И чаша круговая.

Возможно все въ его очахъ,
Всему онъ повелитель:
И сильнымъ бичъ, и слабымъ страхъ,
И хищникъ и грабитель.
Двѣнадцать дѣвъ похитилъ онъ
Изъ отческой ихъ сѣни;
Презрѣлъ невинныхъ жалкій стонъ
И родственниковъ пѣни;
И въ годъ двѣнадцать дочерей
Имѣлъ отъ обольщенныхъ;
И былъ ужъ чуждъ своихъ дѣтей
И крови узъ священныхъ.

Но чадъ оставленныхъ—щитомъ
Былъ ангелъ ихъ хранитель:
Онъ далъ имъ пристань—Божій домъ,
Смиренія обитель.
Въ Святыхъ стѣнахъ монастыря
Сокрылъ ихъ съ матерями:
Да славятъ Вышняго Царя
Невинныхъ устъ мольбами.
И горней благодати сѣнь
Была надъ ихъ главою;
Какъ вешній ароматный день,
Цвѣли онѣ красою.

Отъ раннихъ колыбельныхъ лѣтъ
До юности златыя,
Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
Лишь подвиги благіе;
Отъ сна вставая съ юнымъ днемъ,
Стекалися во храмѣ;
На клиросѣ, предъ алтаремъ,
Кадильницъ въ ѳиміамѣ,
Въ священный литургіи часъ,
Ихъ слышалося пѣнье —

И сладкій непорочныхъ гласъ
Внимало провидѣнье.

И слезы нѣжныхъ матерей
Съ молитвой ихъ сливались,
Когда во храмѣ близъ мощей
Онѣ распростирались.
„О! дай имъ кровъ, небесный Царь!
(То было ихъ моленье)
Да будетъ Твой святой алтарь
Незлобныхъ душъ спасенье;
Покинулъ ихъ родной отецъ,
Давъ бѣднымъ жизнь постылу;
Но призри Ты сиротъ, Творецъ,
И грѣшника помилуй!...“

Но вотъ... насталъ десятый годъ;
Уже онъ на исходѣ;
И грѣшникъ горьки слезы льетъ:
Всему онъ чуждъ въ природѣ.
Опять украшены весной
Луга, пригорки, долы;
И пахарь веселъ надъ сохой,
И счастья полны сёлы;
Не зритъ лишь онъ златой весны:
Его померкли взоры;
Въ туманъ для нихъ погребены
Луга, долины, горы.

Денница ль красная взойдетъ —
„Прости, гласитъ, денница“.
Въ дубравѣ ль птичка пропоетъ —
„Прости, весны пѣвица!..
Прости, и мирные лѣса,
И нивы золотыя,

И неба свѣтлая краса,
И радости земныя".
И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;
Къ себѣ ихъ призываетъ;
И мнитъ: „онѣ Творца смягчатъ;
Невиннымъ Богъ внимаетъ."

И вотъ... насталъ послѣдній день;
Ужъ солнце за горою,
И стелется вечерня тѣнь
Прозрачной пеленою;
Ужъ сумракъ... смерклось... вотъ луна
Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ,
Зажглись свѣтила ночи,
И сонъ глубокій на поляхъ,
И близокъ часъ полночи...

И мучимъ смертною тоской,
У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищетъ Громобой
Отъ ада обороны.
И юныхъ чадъ къ себѣ призвалъ—
Сердца ихъ близки раю, —
„Увы! молитесь (вопіялъ),
Молитесь, погибаю!"
Младенца внятенъ небу стонъ:
Невинныя молились;
Но вдругъ... на нихъ находитъ сонъ...
Замолкли... усыпились.

И все въ ужасной тишинѣ;
Окрестность какъ могила;

Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ,
Вотъ... стая псовъ завыла;
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ;
Нашли на небо тучи,
Рѣка надулась, боръ реветъ,
И мчится прахъ летучій.
Увы!.. послѣдній страшный бой
Отгрянулъ за горами...
Гулъ тише... смолкъ... и Громобой
Зритъ бѣса предъ очами.

— Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ глазъ
Сокрылся за горою;
Ты слышалъ, билъ послѣдній часъ;
Пришелъ я за тобою.
„О! дай, молю, хоть малый срокъ;
Терзаюсь, адъ ужасенъ!“
— Свершилось! неизбѣженъ рокъ,
И поздній вопль напрасенъ.
„Минуту!“—Слышишь? Цѣпь звучитъ.
„О страшный часъ! помилуй!“
— И гробъ готовъ, и саванъ сшитъ,
И роютъ ужъ могилу.

— Заутра день взойдетъ во мглѣ;
Подымутся стенанья;
Увидятъ трупъ твой на столѣ,
Недвижный, безъ дыханья:
Кадилъ и свѣчъ въ дыму густомъ,
При тихомъ ликовъ пѣньѣ,
Тебя запрутъ въ подземный домъ
Навѣки въ заточенье;
И страшно заступъ застучитъ
Надъ кровлей гробовою;
И тихо клиръ провозгласитъ:
Усопшій, миръ съ тобою!

— И миръ не будетъ твой удѣлъ:
Ты адово стяжанье!
Но время... идутъ!.. часъ приспѣлъ...
Внимай ихъ завыванье;
Сошлись... призывный слышу кличъ...
Ихъ челюсти зіяютъ;
Смола клокочетъ... свищетъ бичъ...
Оковы разжигаютъ.
„Спаситель-Царь, вонми слезамъ!“
— Напрасное моленье!
„Увы! позволь хоть сиротамъ
Мнѣ дать благословенье.“

Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ, —
Сверкнули страшно очи!
— Лишить ихъ царствія небесъ,
Предать ихъ адской ночи...
Вотъ слава! мнѣ восплещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною. —
И, усмиривъ грозящій взглядъ,
Сказалъ онъ Громобою:
— Я внялъ твоей печали гласъ;
Есть средство избавленья;
Покоренъ будь, иль въ адъ сейчасъ
На скорби и мученья.

— Предай мнѣ души дочерей
За временну свободу,
И дамъ, по милости своей,
На каждую по году.
„Злодѣй! губить невинныхъ чадъ!“
—Ты медлишь? Приступите!
Низриньте грѣшника во адъ!
На части разорвите!—
И вдругъ отвсюду крикъ и стонъ;
Земля затрепетала;

И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ,
И тма бѣсовъ предстала.

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ;
Бѣгутъ, гремятъ цѣпями,
И стали грѣшника кругомъ
Съ разверзтыми когтями.
И ницъ повергся Громобой,
Безчувственъ, полумертвый;
И вопитъ: „страшный врагъ, постой!
Постой, готовы жертвы!“
И скрылись всѣ. Онъ будитъ чадъ...
Онъ пишетъ ихъ рукою...
О страхъ! свершилось... плещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.

Ты казнь отсрочилъ, Громобой,
И дверь сомкнулась ада;
Но жить, погибнувши душой,—
Коль страшная отрада!
Влачи унылы дни, злодѣй,
Въ болѣзни ожиданья;
Веселья нѣтъ душѣ твоей,
И нѣтъ ей упованья;
Увы! и красный Божій міръ,
И жизнь ему постылы;
Онъ въ людствѣ дикъ, въ семействѣ сиръ;
Онъ вживѣ снѣдь могилы.

Напрасно вѣетъ вѣтерокъ
Съ душистыя долины,
И свѣтъ луны сребритъ потокъ
Сквозь темны липъ вершины,
И ласточка зари восходъ
Встрѣчаетъ щебетаньемъ,

И шумъ бѣгущихъ съ поля стадъ
Съ пастушьими рогами
Вечерній мракъ животворятъ,
Теряясь за холмами....

Его доселѣ свѣтлый домъ
Ужъ сумрака обитель.
Угрюмъ, съ нахмуреннымъ лицомъ,
Пировъ веселыхъ зритель,
Не пьетъ кипящаго вина
Изъ чаши круговыя....
И страшенъ день, и ночь страшна;
И тѣни гробовыя
Онъ всюду слышитъ грозный вой;
И въ часъ глубокой ночи
Бѣжитъ одра его покой,
И сонъ забыли очи.

И тьмы лѣсовъ страшится онъ:
Тамъ бродитъ привидѣнье;
То чудится полночный звонъ,
То погребально пѣнье;
Страшитъ его и бури свистъ,
И грозныхъ тучъ молчанье,
И съ шорохомъ падущій листъ,
И рощи содроганье.
Прокатится ль по небу громъ—
Блѣднѣетъ, дыбомъ волосъ;
„То мститель, посланъ Божествомъ;
То казни страшный голосъ.“

И видъ прелестный юныхъ чадъ
Ему не наслажденье.
Ихъ милый, чувства полный взглядъ,
Спокойствіе, смиренье,

Краса—веселіе очей,
И гласа нѣжны звуки,
И сладость ласковыхъ рѣчей
Его сугубятъ муки.
Какъ роза—благовонный цвѣтъ
Подъ сѣнію надежной.
Онѣ цвѣтутъ: имъ скорби нѣтъ,
Ихъ сердце безмятежно.

А онъ?.... Преступникъ.... онъ, въ тоскѣ
На нихъ подъемля очи,
Отверзту видитъ вдалекѣ
Пучину адской ночи.
Онъ плачетъ; онъ судьбу клянетъ;
„О милыя творенья,
Какой васъ лютый жребій ждетъ!
И гдѣ искать спасенья?
Напрасно вамъ дана краса;
Напрасно сердцу милы;
Закрытъ вамъ путь на небеса;
Цвѣтете—для могилы.

„Увы! пора любви придетъ:
Вамъ сердце тайну скажетъ,
Для васъ она украситъ цвѣтъ,
Вамъ милаго покажетъ;
И взоръ наполнится тоской,
И тихимъ грудь желаньемъ,
И, распаленныя душой,
Влекомы ожиданьемъ,
Для васъ взойдетъ краснѣе день,
И будетъ лучъ душистѣй,
И сладостнѣй дубравы тѣнь,
И птичка голосистѣй.

„И дни блаженства не придутъ;
Страшитесь милой встрѣчи;
Для васъ не брачныя зажгутъ,
А погребальны свѣчи.
Не въ Божій, гимновъ полный храмъ
Пойдете съ женихами....
Ужасный гробъ готовятъ вамъ;
Прокляты небесами.
И вашъ удѣлъ тоска и стонъ
Въ обителяхъ геенны....
О грозный жребія законъ,
О жертвы драгоцѣнны!“....

Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ
Въ душевномъ сокрушеньѣ,
И мнитъ—самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
„Въ раскаяньи спасенье.
Возносятся предъ вышній тронъ
Преступниковъ стенанья....“
И домъ свой обращаетъ онъ
Въ обитель покаянья:
Да странникъ тамъ найдетъ покой,
Вдова и сирый—друга,
Голодный сладку снѣдь, больной
Спасенье отъ недуга.

Съ утра до ночи у воротъ
Служитель на сторожѣ;
Онъ всѣхъ прохожихъ въ домъ зовётъ:
„Есть хлѣбъ-соль, мягко ложе.“
И вотъ уже изъ всѣхъ краёвъ,
Влекомыя молвою,
Идутъ толпы сиротъ и вдовъ
И нищихъ къ Громобою;
И всѣхъ пріемлетъ Громобой,
Всѣмъ дань его готова;

Онъ щедрой злато льетъ рукой
    Отъ имени Христова.

И Божій онъ воздвигнулъ домъ,
    Подобье свѣтла рая;
Обитель иноковъ при немъ
    Является святая;
И въ той обители святой,
    Отъ братіи смиренной
Увѣчный, дряхлый, и больной,
    И скорбью убіенный
Пріемлютъ, именемъ Творца,
    Отраду, исцѣленье:
Да воскрешаемы сердца
    Узнаютъ Провидѣнье.

И славный мастеръ призванъ былъ
    Изъ города чужаго;
Онъ въ храмѣ ликъ изобразилъ
    Угодника святаго;
На той иконѣ Громобой
    Былъ видимъ съ дочерями,
И на молящихся Святой
    Взиралъ любви очами.
И день и ночь огонь пылалъ
    Предъ образомъ въ лампадѣ:
Въ златомъ вѣнцѣ алмазъ сіялъ,
    И перлы на окладѣ.

И въ часъ, когда рѣдѣетъ тѣнь,
    Еще дубрава дремлетъ,
И воцаряющійся день
    Полнеба лишь объемлетъ,
И въ часъ вечерней тишины,
    Когда вездѣ молчанье,

И свѣчи въ храмѣ возжены,
Льютъ тихое сіянье,—
Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой,
Предъ образомъ, смиренно
Распростирался Громобой,
Веригой отягченный...

Но быстро, быстро съ горъ текутъ
Въ долину вешни воды—
И невозвратные бѣгутъ
Дни, мѣсяцы и годы.
Ужъ время съ годомъ десять лѣтъ
Невидимо умчало;
Послѣдняго двухъ третей нѣтъ—
И будто не бывало;
И нѣкій неотступный гласъ
Вѣщаетъ Громобою:
Всему конецъ! твой близокъ часъ!
Погибель надъ тобою!

И вотъ... недугъ повергнулъ злой
Его на одръ мученья.
Растерзанъ лютою рукой,
Не чая исцѣленья,
Всечасно предъ собой онъ зритъ
Отверсту дверь могилы;
И у возглавія сидитъ
Надъ нимъ призракъ унылый.
И нѣтъ ужъ силъ ходить во храмъ
Къ иконѣ чудотворной,—
Лишь взоръ стремитъ онъ къ небесамъ,
Молящій, но покорной.

Увы! ужъ и послѣдній день
Край неба озлащаетъ;

Сквозь темную дубравы сѣнь
Блистанье проникаетъ;
Все тихо, весело, свѣтло;
Все нѣгой сладкой дышетъ;
Рѣка прозрачна, какъ стекло;
Едва, едва колышетъ
Листами легкій вѣтерокъ;
Въ поляхъ благоуханье,
Къ цвѣтку прилипнулъ мотылёкъ
И пьетъ его дыханье.

Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
Со стономъ и слезами.
„О рано ты, ночная тѣнь,
Разсталась съ небесами!
Сойдитесь, дѣти, одръ отца
Съ молитвой окружите,
И предъ судилище Творца
Стенанія пошлите.
Ужасенъ намъ сей ночи мракъ;
Взывайте: Искупитель,
Смягчи грозящій гнѣва зракъ;
Не будь намъ строгій мститель!“

И страшнаго одра кругомъ—
Гдѣ блѣденъ, изможденный,
Съ обезображеннымъ челомъ,
Всѣ кости обнаженны,
Брада до чреслъ, власы горой,
Взоръ дикій, впалы очи,
Вопилъ отъ муки Громобой
Съ утра до поздней ночи—
Стеклися дѣвы, ясный взоръ
На небо устремили,

И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
    Сердца совокупили.

О видъ, угодный небесамъ!
    Такъ Ангелы спасенья,
Вонмя раскаянья слезамъ,
    Съ улыбкой примиренья,
Въ очахъ отрада и покой,
    Отъ горняго чертога
Нисходятъ съ милостью святой,
    Предшественники Бога,
Къ одру болѣзни въ смертный часъ...
    И, утомленъ страданьемъ,
Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ:
    Отыди съ упованьемъ!

И дѣвы, чистыя душой,
    Подъемля къ небу руки,
Смиренной мыслили мольбой
    Отца спокоить муки;
Но ужасъ близкаго конца
    Надъ нимъ уже носился;
Языкъ коснѣющій—Творца
    Еще молить стремился;
Тоскуя, взоромъ онъ искалъ
    Сіянія денницы...
Но взоръ недвижный угасалъ,
    Смыкалися зѣницы.

„О дѣти, дѣти, гаснетъ день“.
    — Нѣтъ, утро; лишь проснулась
Заря на холмѣ; черна тѣнь
    По долу протянулась;
И нивы пусты... въ высотѣ
    Лишь жаворонокъ вьется.

„Увы! заутра въ красотѣ
Опять сей день проснется!
Но мы... ужъ скрылись отъ земли;
Уже насъ гробъ снѣдаетъ;
И мѣсто, гдѣ поднесь цвѣли,
Насъ болѣ не признаетъ.

„Несчастныя, дерзну ль на васъ
Изречь благословенье?
И въ самой вѣчности для насъ
Погибло примиренье.
Но не сопутствуйте отцу
Съ проклятіемъ въ могилу;
Молитесь, воззовемъ къ Творцу:
Разгнѣванный, помилуй!“
И дѣти, страшныхъ сихъ рѣчей
Не всю объемля силу,
Съ невинной ясностью очей
Воскликнули: помилуй!

„О дѣти, дѣти, ночь близка“.
— Лишь полдень наступаетъ;
Пастухъ у водъ для холодка
Со стадомъ отдыхаетъ;
Молчатъ поля; въ долинѣ сонъ;
Пылаетъ небо знойно.
„Мнѣ чудится надгробный стонъ“.
— Все тихо и спокойно;
Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
Подъемлясь съ поля, дуетъ;
Лишь иволга въ глуши лѣсной
Повременно воркуетъ.

„О дѣти, свѣтлый день угасъ“.
— Ужъ солнце за горою;

Ужъ по закату разлилась
Багряною струёю
Заря, и съ пламенныхъ небесъ
Спокойный вечеръ сходитъ,
На заревѣ чернѣетъ лѣсъ,
Въ долинѣ сумракъ бродитъ.
„О вечеръ сумрачный, постой!
Помедли, день прелестной!
Помедли, взоръ не узритъ мой
Тебя ужъ въ поднебесной!..

„О дѣти, дѣти, ночь близка“.
— Заря ужъ догорѣла;
Въ туманъ одѣлася рѣка,
Окрестность поблѣднѣла;
И на распутіи пылятъ
Стада, спѣша къ селенью.
„Спасите! полночь бьетъ!“—Звонятъ
Въ обители къ моленью:
Отцы поютъ хвалебный гласъ,
Огнями храмъ блистаетъ.
„При нихъ и грѣшникъ въ страшный часъ
Къ тебѣ, Творецъ, взываетъ!...

„Не тмится ль, дѣти, неба сводъ?
Не мчатся ль черны тучи?
Не вздулъ ли вихорь бурныхъ водъ?
Не вьется ль прахъ летучій?
— Все тихо... служба отошла;
Обитель засыпаетъ;
Луна полнеба протекла;
И Божій храмъ сіяетъ
Одинъ съ холма въ окрестной мглѣ;
Луна, поля безмолвны;

Огни потухнули въ селѣ;
И рощи спятъ и волны.

И всюду тишина была;
И вся природа, мнилось,
Предустрашенная ждала,
Чтобъ чудо совершилось...
И вдругъ... какъ будто вѣтерокъ
Повѣялъ отъ востока,
Чуть тронулъ дремлющій листокъ,
Чуть тронулъ зыбь потока...
И нѣкій гласъ промчался съ нимъ....
Какъ будто надъ звѣздами
Коснулся арфы серафимъ
Эѳирными перстами.

И тихо, тихо Божій храмъ
Отверзся... Неизвѣстной
Явился старецъ дѣвъ очамъ;
И ликъ красы небесной,
И кротость благостныхъ очей,
Рождали упованье;
Одѣянъ ризою лучей,
Окрестъ главы сіянье;
Онъ не касался до земли
Въ воздушномъ приближеньѣ...
Предъ нимъ незримыя текли
Надежда и Спасенье.

Сердца ихъ ужасъ обуялъ...
„Кто этотъ, въ славѣ зримый?"
Но близъ одра уже стоялъ
Пришлецъ неизъяснимый.
И къ дѣвамъ прикоснулся онъ
Полой своей одежды,

И тихій во мгновенье сонъ
    На ихъ простерся вѣжды.
На искаженный старца ликъ
    Онъ кинулъ взглядъ укора:
И трепетъ въ грѣшника проникъ
    Отъ пламеннаго взора.

„О! кто ты, грозный сынъ небесъ?
    Твой взоръ мнѣ наказанье“.
Но страшный строгостью очесъ
    Пришлецъ хранитъ молчанье...
„О дай, молю, твой слышать гласъ!
    Одно надежды слово!
Идетъ неотразимый часъ!
    Событіе готово!“
—Вы ликъ во храмѣ чтили мой,
    И въ томъ изображеньѣ
Моя десница надъ тобой
    Простерта во спасенье.

„Ахъ! чтожъ Могущій повелѣлъ?“
    —Надѣйся и страшися.—
„Увы! какой насъ ждетъ удѣлъ?
    Что жребій ихъ?“—Молися.
И, руки положивъ крестомъ
    На грудь изнеможенну,
Предъ неиспытаннымъ Творцомъ
    Молитву сокрушенну
Умолкшій проліялъ въ слезахъ,
    И тяжко грудь дышала,
И въ призывающихъ очахъ
    Вся скорбь души сіяла...

Вдругъ началъ тмиться неба сводъ—
    Мрачнѣе и мрачнѣе;

За тучей грозною ползётъ
Другая вслѣдъ грознѣе,
И страшно сшиблись надъ главой;
И небо заклубилось;
И вдругъ... повсюду съ черной мглой
Молчанье воцарилось...
И близокъ часъ полночи былъ...
И ризою святою
Угодникъ спящихъ дѣвъ накрылъ,
Отступника—десною.

И, устремленны на востокъ,
Горѣли старца очи...
И вдругъ, сквозь сонъ и мракъ глубокъ,
Въ пучинѣ черной ночи,
Завылъ протяжно вѣщій бой —
Окрестность съ нимъ завыла;
Вдругъ... страшной молнія струей
Сводъ неба раздвоила,
По тучамъ вихорь пробѣжалъ,
И съ сильнымъ грома трескомъ
Ревущей бурѣ бѣсъ предсталъ,
Одѣянъ адскимъ блескомъ.

И змѣи въ пламенныхъ власахъ —
Клубясь, шипятъ и свищутъ;
И радость злобная въ очахъ—
Кругомъ, сверкая, рыщутъ;
И тяжкой цѣпью онъ гремѣлъ—
Увлечь добычу льстился;
Но старца грознаго узрѣлъ —
Утихнулъ и смирился;
И вмигъ гордыни блескъ угасъ;
И, смутенъ, вопрошаетъ:
— Что, мощный врагъ, тебя въ сей часъ
Къ симъ падшимъ призываетъ?

*

„Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ собой.“
— Они мое стяжанье.
„Передъ Небеснымъ судіей
Всесильно покаянье.“
— И часъ суда Его притекъ:
Ихъ жребій совершися!
„Еще ко благости не рекъ
Онъ въ гнѣвѣ: удалися!“
— Онъ правъ,—и я владыка имъ.
„Онъ благъ,—я ихъ хранитель.“
— Исчезни! адъ неотразимъ.
„Отвѣтствуй, Искупитель!“

И громъ съ востока пролетѣлъ,
И бездну тучъ трикраты
Разсѣкъ браздами яркихъ стрѣлъ
Перунъ огнекрылатый,
И небо съ края въ край зажглось
И застонало въ страхѣ,
И дрогнула земная ось...
И, воющій во прахѣ,
Творца грядуща слышитъ бѣсъ;
И молится хранитель...
И грянулъ изъ среды небесъ
Глаголомъ Вседержитель.

„Гряду судить, и вѣчный судъ
Несетъ моя десница!
Мнѣ казнь и благость предтекутъ...
Во прахъ, чадоубійца!“
О всемогущество словесъ!
Уже отступникъ тлѣнье;
Потухъ послѣдній свѣтъ очесъ,
Въ костяхъ оцѣпенѣнье;

И ликъ кончиной искаженъ,
И сердце охладѣло,
И отъ сомкнувшихся устенъ
Дыханье отлетѣло.

„И праху обладатель адъ,
И гробу отверженье,
Доколь на погубленныхъ чадъ
Не снидетъ искупленье.
И чадамъ непробудный сонъ;
И тотъ, кто чистъ душею,
Кто, ихъ не зрѣвши, распалёнъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забвенну ихъ обитель,
Есть обреченный спящихъ дѣвъ
Отъ неба искупитель.

„И будутъ спать: и къ нимъ вѣка
Въ полетѣ не коснутся,
И пройдетъ тлѣнія рука
Ихъ мимо, и проснутся
Съ неизмѣнившейся красой
Для жизни обновленной,
И низойдетъ тогда покой
Къ могилѣ искупленной,
И будетъ миръ въ его костяхъ;
И претворенный въ радость,
Творца постигнувъ въ небесахъ,
Речетъ: Господь есть Благость!..."

Ужъ вѣстникъ утра въ высотѣ;
И слышенъ громкій пѣтелъ;
И день въ воздушной красотѣ
Летитъ, какъ радость, свѣтелъ...

Узрѣли дѣвъ, объятыхъ сномъ,
И старца трупъ узрѣли;
И мертвый страшенъ былъ лицомъ!
Глаза, не зря, смотрѣли;
Какъ будто страждущъ, прижималъ
Онъ къ хладнымъ персямъ руки,
И на устахъ его ропталъ,
Казалось, голосъ муки.

И спящихъ ликъ покоенъ былъ:
Невидимо крылами
Ихъ тихій Ангелъ облачилъ,
И райскими мечтами
Чудесный былъ исполненъ сонъ;
И сладкимъ ихъ дыханьемъ
Окрестъ былъ воздухъ растворёнъ,
Какъ розъ благоуханьемъ;
И расцвѣтали ихъ уста
Улыбкою прелестной,
И ихъ являлась красота
Въ спокойствіи, небесной.

Но вотъ ужъ гробъ одѣтъ парчой,
Отверзлася могила,
И слышенъ колокола вой,
И теплются кадила;
Идутъ и старъ и младъ во храмъ;
Подъемлется рыданье;
Даютъ безчувственнымъ устамъ
Послѣднее лобзанье;
И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ;
И взятъ ужъ гробъ землею;
И ликъ воспѣлъ: усопшій братъ,
Навѣки миръ съ тобою!

И вотъ и старъ и младъ пошли
Обратно въ домъ печали;
Но вдругъ предъ ними изъ земли
Вкругъ дома грозно встали
Гранитны стѣны—верхъ зубчатъ,
Бока одѣты лѣсомъ—
И, сгрянувшись, затворы вратъ
Задвинулись утесомъ.
И вспять погналъ пришельцевъ страхъ;
Бѣгутъ, не озираясь;
„Небесный гнѣвъ на сихъ стѣнахъ!“
Вѣщаютъ, содрогаясь.

И стала та страна съ тѣхъ поръ
Добычей запустѣнья;
Поля покрылъ дремучій боръ;
Разсыпались селенья.
И человѣчій гласъ умолкъ—
Лишь филинъ на утесѣ
И въ ночь осенню гладный волкъ
Тамъ воютъ въ черномъ лѣсѣ;
Лишь дико межъ сѣдыхъ бреговъ,
Спираема корнями
Изрытыхъ бурею дубовъ,
Рѣка клубитъ волнами.

Гдѣ древле окружали храмъ
Отшельниковъ обитель,
Тамъ грозно свищетъ по стѣнамъ
Змѣя, развалинъ житель;
И гимнъ по сводамъ не гремитъ—
Лишь, вѣющій порою,
Пустынный вѣтеръ шевелитъ
Въ развалинахъ травою;

Лишь, отторгаяся отъ стѣнъ,
Катятся камни съ шумомъ,
И гулъ, на время пробужденъ,
Шумитъ въ лѣсу угрюмомъ.

И на туманистомъ холмѣ
Могильный зрится камень:
Надъ нимъ всегда въ полночной тьмѣ
Сіяетъ блѣдный пламень.
И крестъ поверженный обвитъ
Листами повилики:
На немъ угрюмый вранъ сидитъ,
Могилы сторожъ дикій.
И все, какъ мертвое, окрестъ:
Ни листъ не шевелится,
Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ мѣстъ,
Ни птица не промчится.

Но полночь лишь сойдетъ съ небесъ—
Вранъ черный встрепенется,
Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,
Могила потрясется;
И видима бродяща тѣнь
Тогда въ пустынѣ ночи:
Какъ блѣдный на туманѣ день,
Ея сіяютъ очи;
То взоръ возводитъ къ небесамъ,
То, съ видомъ тяжкой муки,
Къ непроницаемымъ стѣнамъ
Моля, подъемлетъ руки.

И въ нѣдрѣ неприступныхъ стѣнъ
Молчаніе могилы;
Окрестъ ихъ, мглою покровенъ,
Сѣдѣетъ лѣсъ унылый:

Тамъ вѣтеръ не шумитъ въ листахъ,
Не слышно водъ журчанья,
Ни благовонія въ цвѣтахъ,
Ни въ травкѣ нѣтъ дыханья.
И дѣвы спятъ—ихъ сонъ глубокъ;
И жребій искупленья
Безвѣстно, близокъ иль далекъ;
И нѣтъ имъ пробужденья.

Но въ часъ, когда поля заснутъ
И мглой земля одѣта,
(Между торжественныхъ минутъ
Полночи и разсвѣта)
Одна изъ спящихъ возстаетъ —
И, странникъ одинокій,
Свой срочный начинаетъ ходъ
Кругомъ стѣны высокой;
И смотритъ въ даль, и ждетъ съ тоской:
„Приди, приди, Спаситель!“
Но даль покрыта черной мглой...
Нейдетъ, нейдетъ спаситель!

Когда жъ исполнится луна,
Чреда приходитъ смѣны;
Въ урочный часъ пробуждена,
Одна идетъ на стѣны,
Другая къ ней со стѣнъ идетъ,
Встрѣчается, и руку,
Вздохнувъ, пришелицѣ даетъ
На долгую разлуку;
Потомъ къ почіющимъ сестрамъ,
Задумчива, отходитъ,
А та печально по стѣнамъ
Одна до смѣны бродитъ.

И скоро-ль? Долго-ль?... Какъ узнать?
Гдѣ вѣстникъ искупленья?
Гдѣ тотъ, кто властенъ побѣждать
Всѣ ковы обольщенья,
Къ прелестной прилѣпленъ мечтѣ?
Кто могъ бы, чистъ душою,
Небесной вѣренъ красотѣ,
Непобѣдимъ земною,
Все предстоящее презрѣть,
И съ вѣрою смиренной,
Надежды полонъ, въ даль летѣть
Къ наградѣ сокровенной?....

БАЛЛАДА ВТОРАЯ.

Вадимъ.

Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leih'n kein Pfand:
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland.
Schiller.

ДМИТРІЮ НИКОЛАЕВИЧУ БЛУДОВУ.

Вотъ повѣсти моей конецъ,
И другу посвященье.
Пѣвцу жъ смиренному вѣнецъ
Будь дружбы одобренье.
Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ;
Твой вкусъ былъ мнѣ учитель;
Въ моихъ запутанныхъ стихахъ,
Какъ тайный вождь-хранитель,
Онъ путь мнѣ къ цѣли проложилъ.
Но въ пользу ли услуга?
Не знаю.... Дѣвъ я разбудилъ,
Не усыпить бы друга.

Въ великомъ Новградѣ Вадимъ
Плѣнялъ всѣхъ красотою,
И дерзкимъ мужествомъ своимъ,
И сердца простотою.
Его утѣха—по лѣсамъ
Скитаться за звѣрями;
Ужасный вепрямъ и волкамъ
Разящими стрѣлами,
Въ осенній хладъ и лѣтній зной
Онъ съ вѣрнымъ псомъ на ловлѣ;
Ему постелей—мохъ лѣсной,
А сводъ небесный кровлей.

Уже двадцатая весна
Вадимова настала;
И, чувства тайнаго полна,
Душа въ немъ унывала.
„Чего искать? Въ какихъ странахъ?
Къ чему стремить желанье?“
Но все—и тишина въ лѣсахъ,
И быстрыхъ водъ журчанье,
И дня мѣняющійся видъ
На облакѣ небесномъ,
Все, все Вадиму говоритъ
О чемъ-то неизвѣстномъ.

Однажды, ловлей утомлёнъ,
Близъ Волхова на брегѣ,
Онъ погрузился въ легкій сонъ....
Струи въ свободномъ бѣгѣ
Шумѣли по корнямъ древесъ,
Съ плесканьемъ разливаясь;
Душей весны былъ полонъ лѣсъ;
Листочки, развиваясь,

Дышали жизнью молодой;
Все благовонно было....
И солнце съ тверди голубой
Къ холмамъ ужъ нисходило.

И къ утру видитъ сонъ Вадимъ:
Одѣянъ ризой бѣлой,
Предсталъ чудесный мужъ предъ нимъ—
Во взорѣ лучъ веселой,
Ликъ важный свѣтелъ, станъ высокъ,
На сѣдинахъ блистанье,
Въ рукѣ серебряный звонокъ,
На персяхъ крестъ въ сіяньѣ;
Онъ шелъ, какъ будто бы летѣлъ,
И осѣнивъ перстами,
Благовѣстящими воззрѣлъ
На юношу очами.

„Вадимъ, желанное вдали;
Вѣрь небу; жди смиренно;
Все измѣняетъ на земли,
А небо неизмѣнно;
Стремись, я провожатый твой!“
Сказалъ—и въ то жъ мгновенье
Въ дали явилось голубой
Прелестное видѣнье:
Младая дѣва, ликъ закрытъ
Завѣсою туманной,
И на главѣ ея лежитъ
Вѣнокъ благоуханной.

Вздыхая жалобно, рукой
Манило привидѣнье
Идти Вадима за собой....
И юноша въ смятеньѣ,

Къ ней, сердцемъ вспыхнувъ, полетѣлъ....
Но вдругъ.... призракъ сокрылся,
Вдали звонокъ одинъ гремѣлъ,
И блѣдный лучъ свѣтился;
И вмѣстѣ съ дѣвою пропалъ
Старикъ въ одеждѣ бѣлой....
Вадимъ проснулся: день сіялъ,
А въ вышинѣ.... звенѣло.

Онъ смотритъ въ даль на свѣтлый югъ:
Тамъ ясно все и чисто;
Оттоль черезъ обширный лугъ
Струею серебристой
Катился Волховъ; небеса
Сливались тамъ съ землёю;
Туда, за холмы, за лѣса,
Мчалъ облака толпою
Летучій, вешній вѣтерокъ....
Смятенный, въ ожиданьи,
Онъ смотритъ, слушаетъ.... звонокъ
Умолкъ—и все въ молчаньи.

Три сряду утра тотъ же сонъ;
Душа его въ волненьѣ.
„О что же ты, взываетъ онъ,
Прекрасное явленье?
Куда зовешь, волшебный гласъ?
Кто ты, пришлецъ священный?
Ахъ! гдѣ она? Увижу-ль васъ?
И сердцу откровенный
Предѣлъ откроется ль очамъ?“....
Но тщетно онъ очами
Летитъ къ далекимъ небесамъ....
Туманъ подъ небесами.

И цѣлый міръ его мечтой
Предъ нимъ одушевился.
Востокъ ли свѣжею красой
Денницы золотился—
Ему являлся тамъ покровъ
На образѣ прелестномъ.
Дышалъ ли запахомъ цвѣтовъ —
Въ немъ скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленье въ даль, любви тоска,
Томленіе разлуки;
И въ каждомъ шумѣ вѣтерка
Звонка призывны звуки.

И онъ, невластный побѣдить
Могущаго стремленья,
Къ отцу и къ матери просить
Идетъ благословенья.
„Куда? (печальная въ слезахъ
Сказала матерь сыну)
Въ чужихъ испытывать странахъ
Невѣрную судьбину?
Постой; на родинѣ твоей
Домъ отчій безопасный;
Здѣсь сладостна любовь друзей;
Здѣсь дѣвицы прекрасны.“

— Увы! желаннаго здѣсь нѣтъ;
Спокой себя, родная;
Меня отъ васъ въ далекій свѣтъ
Ведетъ рука святая.
И не задремлетъ ни на часъ
Хранитель постоянный.
Но гдѣ онъ? Чей я слышалъ гласъ?
Кто вождь сей безъимянный?

Куда ведетъ? Какой стезёй?
Не знаю—и напрасенъ
Въ незнаньи страхъ.... живъ спутникъ мой;
Путь вѣры безопасенъ.—

Надѣвъ на сына крестъ златой,
Отвѣтствуетъ родная:
„Прости, да будетъ надъ тобой
Его любовь святая!“
Снимаетъ со стѣны отецъ
Свои доспѣхи ратны:
„Прости, вотъ мечъ мой кладенецъ,
Мой щитъ и шлемъ булатный.“
Сынъ—въ землю матери, отцу;
Цѣлуетъ образъ, плачетъ;
Конь борзый подведенъ къ крыльцу;
Онъ сѣлъ—онъ крикнулъ—скачетъ....

И пыльный по дорогѣ слѣдъ
Поднялъ конь быстроногій;
Но вотъ уже и слѣда нѣтъ;
И пыль слилась съ дорогой....
Вздохнулъ отецъ; со вздохомъ мать
Пошла въ свою свѣтлицу;
Ей долго ночь въ слезахъ встрѣчать,
Въ слезахъ встрѣчать денницу;
Передъ Владычицей зажгла
Съ молитвою лампаду,
Чтобы ему покровъ была,
Чтобъ ей дала отраду.

Вотъ на распутіи Вадимъ.
Весь міръ неизмѣримый
Ему открытъ; за нимъ, предъ нимъ,
Поля необозримы;

Въ чужбинѣ онъ; въ желанный край
Невѣдома дорога.
„Что жь медлишь? Вѣрь—не выбирай;
Впередъ, во имя Бога;
Куда и какъ привесть меня,
То вождь мой знаетъ болѣ.“
Такъ онъ подумалъ,—и коня
Пустилъ бѣжать по волѣ.

И добрый конь какъ будто самъ
Свою дорогу знаетъ;
Онъ все на югъ; онъ по полямъ
Путь новый пробиваетъ;
Потокъ ли встрѣтитъ—и въ потокъ,
Лишь только пѣна прыщетъ.
Ко рву ль примчится.—разомъ скокъ,
Лишь только воздухъ свищетъ.
Заглохъ ли лѣсъ—съ нимъ широка
Дорога въ чащѣ лѣса;
Утесъ ли крутъ—онъ сѣдока
Стрѣлой на круть утеса.

Бѣгутъ за днями дни; Вадимъ
Все далѣ; конь послушный
Не устаётъ, и всюду имъ
Въ пути пріемъ радушный;
Ко граду ль случай заведётъ,
Къ селу ль, къ лачужкѣ ль дымной —
Вездѣ пришельцу у воротъ
Привѣтъ гостепріимной;
Вездѣ заботливо даютъ
Хлѣбъ-соль на подкрѣпленье,
На темну ночь святой пріютъ,
На путь благословенье.

Когда жъ застигнетъ мракъ ночной
Въ лѣсу, иль въ полѣ чистомъ,—
Нашъ витязь, щитъ подъ головой,
Спитъ на коврѣ росистомъ
Благоуханной муравы;
Надъ нимъ, катясь, сіяютъ
Ночныя звѣзды; вкругъ главы
Младые сны летаютъ;
И конь, не дремля, сторожитъ;
И къ сторонѣ той, мнится,
И звѣрь опасный не бѣжитъ,
И змѣй приползть боится.

И дни бѣгутъ—весна прошла,
И соловьи отпѣли,
И липа въ рощахъ расцвѣла,
И нивы пожелтѣли.
Вадимъ все далѣ; ужъ предъ нимъ
Широкій Днѣпръ сіяетъ;
Онъ ѣдетъ берегомъ крутымъ,
И взоръ его летаетъ
Съ высотъ по злачнымъ берегамъ:
Здѣсь видитъ лугъ цвѣтущій,
Тамъ златоверхій городъ, тамъ
Близъ водъ рыбачьи кущи.

Однажды—вечеръ знойный рдѣлъ
На небѣ, лѣсъ дремучій
Сквозь пламень зарева синѣлъ,
И громовыя тучи,
Вслѣдъ за багровою луной,
Съ востока поднимались,
И яркой молніи змѣей
Въ ихъ нѣдрѣ извивались, —
Вадимъ въѣзжаетъ въ темный лѣсъ;
Тамъ все въ тѣни молчало;

Лишь трепетаніе древесъ
Грозу предвозвѣщало.

И дичь являлася кругомъ;
Чуть небеса сквозь сѣни
Свѣтили гаснущимъ лучёмъ;
И дерева, какъ тѣни,
Мелькали въ безднѣ темноты
Съ разверзтыми вѣтвями;
Вадимъ впередъ,—хрустятъ кусты
Подъ конскими ногами,
Вездѣ плетень изъ сучьевъ имъ
Дорогу задвигаетъ...
Но ихъ мечемъ крушитъ Вадимъ,
Конь грудью разрываетъ.

И ѣдетъ онъ ужъ цѣлый часъ;
Вдругъ—жалобные крики;
То нѣжный и молящій гласъ,
То яростный и дикій.
Зажглась въ немъ кровь; на вопли онъ
Сквозь чащу вѣтвей рвется;
Конь пышетъ, лѣсъ трещитъ, и стонъ
Все ближе раздается;
И вдругъ подъ нимъ въ дичи глухой,
Какъ будто изъ тумана,
Чуть освѣщенная луной,
Открылася поляна.

И что жъ у витязя въ глазахъ?
Шумя между кустами,
Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Съ дубиной за плечами,
Огромный великанъ бѣжитъ,
И на рукахъ могучихъ

Красавицу младую мчитъ;
　　Она въ слезахъ горючихъ,
То силится бороться съ нимъ,
　　То скорбно вопитъ къ Богу...
„Стой!“ крикнулъ хищнику Вадимъ,
　　И заслонилъ дорогу.

Ни слова тотъ на грозну рѣчь;
　　Какъ бѣшеный отпрянулъ,
Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечъ,
　　Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
И очи вспыхнули, какъ жаръ...
　　Конь легкій отшатнулся,
Въ корнистый дубъ пришелъ ударъ,
　　И дубъ, треща, погнулся;
Вадимъ всей силою меча
　　Ударилъ въ исполина —
Рука отпала отъ плеча,
　　И въ прахъ легла дубина.

И хищникъ, рухнувъ, захрипѣлъ
　　Подъ конскими ногами;
Рванулся встать; оцѣпенѣлъ;
　　И стихъ, грозя очами;
И смерть молчаньемъ заперла
　　Уста, вопить отверзты;
И, роя землю, замерла
　　Рука, разинувъ персты.
Спѣшитъ къ похищенной Вадимъ;
　　Она, какъ листъ, дрожала,
И сѣвши на коня за нимъ,
　　Въ слезахъ къ нему припала.

„Скажи мнѣ, дѣвица, кто ты?
　　Кто буйный оскорбитель

Твоей дѣвичьей красоты?
И гдѣ твоя обитель?“
— Князь Кіевскій родитель мой;
Градъ Кіевъ недалеко;
Проѣдемъ скоро лѣсъ густой,
Увидимъ брегъ высокій;
Подъ брегомъ тѣмъ кипятъ, шумятъ
Въ скалахъ струи Днѣпровы,
На брегѣ томъ и Кіевъ-градъ,
Озолоченны кровы.

— Я тамъ дни мирные вела,
Не знаяся съ кручиной,
И въ старости отцу была
Утѣхою единой.
Не въ добрый часъ литовскій князь,
Врагъ церкви православной,
Меня узрѣлъ, и распалясь
Душою звѣронравной,
Послалъ къ намъ въ Кіевъ-градъ гонца,
Чтобъ тайною рукою
Меня похитивъ у отца —
Умчалъ въ Литву съ собою.

— Онъ скрылся на Днѣпрѣ-рѣкѣ
Въ лѣсномъ уединеньи,
Отъ Кіева невдалекѣ;
О дерзкомъ замышленьи
Никто и сонный не мечталъ;
Губитель не встрѣчался
Въ лѣсу ни съ кѣмъ; какъ волкъ, онъ ждалъ
Добычи—и дождался.
Я нынче раннею порой
Въ лугъ вышла полевые

Сбирать цвѣтки; пошли со мной
Подружки молодыя.

— Мы росу брали на цвѣтахъ,
Росою умывались,
И рвали ягоды въ кустахъ,
И громко окликались.
Ужъ солнце жгло съ полунебесъ;
Я шла одна; кустами
Вилась дорожка, темный лѣсъ
Чернѣлъ передъ глазами.
Вдругъ шумъ... смотрю... злодѣй за мной;
Страхъ подкосилъ мнѣ ноги;
Онъ сильною меня рукой
Схватилъ,—и въ лѣсъ съ дороги.

— Ахъ! что-бъ въ удѣлъ досталось мнѣ,
Что было бы со мною,
Когда бъ не ты? Въ чужой странѣ
Изныла бъ сиротою.
Отъ милыхъ ближнихъ вдалекѣ
Живетъ ли сердцу радость?
И въ безутѣшной бы тоскѣ
Моя увяла младость;
И съ горемъ дряхлый мой отецъ
Повлекся бы ко гробу...
Но слабость защитилъ Творецъ,
Сразилъ Всевышній злобу.—

Межъ тѣмъ съ поляны въ гущину
Въѣзжаетъ витязь; тучи,
Толпясь, заволокли луну;
Сталъ душенъ лѣсъ дремучій....
Гроза сбиралась; межъ листовъ
Дождь крупный пробивался,

И шумъ тяжелыхъ облаковъ
Съ ихъ ропотомъ мѣшался....
Вдругъ вихорь набѣжалъ на лѣсъ
И взрылъ деревъ вершины,
И загорѣлися небесъ
Кипящія пучины.

И все взревѣло... дождь рѣкой;
Громъ страшный, трескъ за трескомъ;
И шумъ воды, и вихря вой;
И поминутнымъ блескомъ
Воспламеняющійся лѣсъ;
И встрѣчу—справа, слѣва
Ряды валящихся древесъ;
Конь рвется; въ страхѣ дѣва;
И, заслонивъ ее щитомъ,
Вадимъ смятенный ищетъ,
Гдѣ бъ пріютиться... но кругомъ
Все дичь, и буря свищетъ.

И вдругъ ужъ нѣтъ дороги имъ;
Стѣна изъ камней мшистыхъ;
Громъ мчался по бокамъ крутымъ;
Въ разсѣлинахъ лѣсистыхъ
Спираясь, вихорь бушевалъ,
И молніи горѣли,
И въ безднѣ бури груды скалъ
Сверкали и гремѣли.
Вадимъ назадъ.... но вдругъ ударъ!
Ель, треснувъ, запылала;
По вѣтвямъ пробѣжалъ пожаръ,
Окрестность заблистала.

И въ заревѣ открылась имъ
Пещера подъ скалою.

Спѣшитъ къ убѣжищу Вадимъ;
Заботливой рукою
Онъ снялъ сопутницу съ коня,
Сложилъ съ раменъ кольчугу,
Зажегъ костеръ, и близъ огня,
Взявъ на руки подругу,
На броню сѣлъ. Дымясь, сверкалъ
Въ кострѣ огонь трескучій;
Поверхъ пещеры громъ леталъ,
И бунтовали тучи.

И, прислонивъ къ груди своей
Вадимъ княжну младую,
Изъ золотыхъ ея кудрей
Жалъ влагу дождевую;
И, къ персямъ дѣвственнымъ уста
Прижавъ, ихъ грѣлъ дыханьемъ;
И въ нихъ вливалась теплота;
И съ тихимъ трепетаньемъ
Онѣ касалися устамъ;
И дѣвица молчала;
И, къ юноши прильнувъ плечамъ,
Рука ея пылала.

Лазурны очи опустя,
Въ объятіяхъ Вадима,
Она, какъ тихое дитя,
Лежала недвижима;
И что съ невинною душой
Сбылось—не постигала;
Лишь сердце билось, и порой,
Вся вспыхнувъ, трепетала;
Лишь пламень гаснущій сіялъ
Сквозь тѣнь рѣсницъ склоненныхъ.

И вздохъ невольный вылеталъ
    Изъ устъ воспламененныхъ.

А витязь?.... Что съ его душой?....
    Увы! сихъ взоровъ сладость,
Сихъ чистыхъ, подъ его рукой
    Горящихъ персей младость,
И мягкій шелкъ кудрей густыхъ,
    По раменамъ разлитыхъ,
И свѣжій блескъ ланитъ младыхъ,
    И устъ полуоткрытыхъ
Палящій жаръ, и тихій гласъ,
    И милое смятенье,
И ночи таинственной часъ,
    И вкругъ уединенье—

Все чувства разжигало въ немъ....
    О власть очарованья!
Уже, исполнены огнемъ
    Кипящаго лобзанья,
На дѣвственныхъ ея устахъ
    Его уста горѣли,
И жарче розы на щекахъ
    Дрожащей дѣвы рдѣли;
И все.... но вдругъ смутился онъ,
    И въ радостномъ волненьи
Затрепеталъ.... знакомый звонъ
    Раздался въ отдаленьи.

И долго жалобно звенѣлъ
    Онъ въ безднѣ поднебесной;
И кто-то, чудилось, летѣлъ
    Незримый, но извѣстной;
И взоръ, исполненный тоской,
    Мелькалъ сквозь покрывало;

И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало....
Но вдругъ сильнѣй потрясся лѣсъ,
И небо зашумѣло....
Вадимъ взглянулъ—призракъ исчезъ;
А въ вышинѣ.... звенѣло.

И вслѣдъ за милою мечтой
Душа его стремится;
Уже, подернувшись золой,
Едва, едва курится
Въ кострѣ огонь; на небесахъ
Нѣтъ тучъ, не слышно рева;
Небрежно на его рукахъ,
Припавъ къ нимъ грудью, дѣва
Младенческій вкушаетъ сонъ,
И тихо, тихо дышитъ;
И близокъ ужъ разсвѣтъ; а онъ
Не видитъ и не слышитъ.

Сталъ вѣять свѣжій вѣтерокъ,
Взошла звѣзда денницы,
И обагрянился востокъ,
И пробудились птицы;
Копытомъ топнувъ, конь заржалъ;
Вадимъ очнулся—ясно
Все было вкругъ; но сонъ смыкалъ
Глаза княжны прекрасной;
Къ ней тихо прикоснулся онъ;
Вздохнувъ, она одѣла
Власами грудь сквозь тонкій сонъ,
Взглянула—покраснѣла.

И витязь въ шлемѣ и бронѣ
Изъ-подъ скалы съ княжною

Выходитъ. Солнце въ вышинѣ
Горѣло; подъ горою,
Сіяя, пѣну разстилалъ
По камнямъ Днѣпръ широкій;
И лѣсъ кругомъ благоухалъ;
И благовѣстъ далёкій
Былъ слышенъ. На коня Вадимъ,
Перекрестясь, садится;
Княжна по-прежнему за нимъ;
И конь по брегу мчится.

Вдругъ путь широкій межъ древесъ:
Ихъ чаща раздалася,
И въ голубой дали небесъ,
Какъ звѣздочка, зажглася
Глава Печерская съ крестомъ;
Конь скачетъ быстрымъ скокомъ;
Ужъ въ градѣ онъ; ужъ предъ дворцомъ;
И видятъ: на высокомъ
Крыльцѣ великій князь стоитъ;
Въ очахъ его кручина;
Передъ крыльцомъ народъ кипитъ,
И строится дружина.

И смѣлыхъ вызываетъ онъ
Въ погоню за княжною,
И избавителю свой тронъ
Сулитъ съ ея рукою.
Но топотъ слышенъ въ тишинѣ;
Густая пыль клубится;
И видятъ, съ дѣвой на конѣ
Красивый всадникъ мчится.
Народъ отхлынулъ, какъ волна;
Дружина разступилась;

И на рукахъ отца княжна
При кликахъ очутилась.

Обнявъ Вадима, князь сказалъ:
„Я не нарушу слова;
Въ тебѣ Господь мнѣ сына далъ
Замѣною роднова.
Я старъ: будь хилыхъ старца дней
Опорой и усладой;
А смѣлой доблести твоей
Будь дочь моя наградой!
Когда жъ наступитъ мой конецъ,
Тогда мою державу
И свѣтлый княжескій вѣнецъ
Наслѣдуй въ честь и славу“.

И громко, громко раздалось
Дружины восклицанье;
И зашумѣло, полилось
По граду ликованье;
Богатый пиръ на весь народъ;
Весь городъ изукрашенъ;
Кипитъ въ заздравныхъ кружкахъ медъ,
Столы трещатъ отъ брашенъ;
Поютъ пѣвцы; колокола
Гудятъ, не умолкая;
И отъ огней потѣшныхъ мгла
Зардѣлася ночная.

Веселье всѣмъ; одинъ Вадимъ
Не веселъ—мысль далёко.
Сердечной думою томимъ,
Безмолвенъ, одинокой,
Ни пѣснямъ, ни привѣтамъ онъ
Не внемлетъ равнодушный;

Онъ ступитъ шагъ—и слышитъ звонъ;
Подыметъ взоръ—воздушный
Призракъ летаетъ передъ нимъ
Въ знакомомъ покрывалѣ;
Приклонитъ слухъ—твердятъ: Вадимъ,
Не забывайся, далѣ!

Идетъ къ днѣпровымъ берегамъ
Онъ тихими шагами;
И, смутенъ, взоръ склонилъ къ водамъ...
Небесная съ звѣздами
Была въ нихъ твердь отражена;
Вдали, противъ заката,
Всходила полная луна;
Вадимъ глядитъ... межъ злата
Осыпанныхъ луною волнъ
Какъ будто бы чернѣетъ,
Въ зыбяхъ ныряя, легкій челнъ;
За нимъ струя бѣлѣетъ.

Глядитъ Вадимъ... челнокъ плыветъ...
Натянуто вѣтрило;
Но безъ гребца весло гребетъ;
Безъ кормщика кормило;
Вадимъ къ нему... къ Вадиму онъ...
Садится... челнъ помчало...
И вдругъ... какъ будто съ юга звонъ;
И вдругъ... все замолчало...
Плыветъ челнокъ; Вадимъ глядитъ;
Сверкая, волны плещутъ;
Лѣсистый брегъ назадъ бѣжитъ;
Ночныя звѣзды блещутъ.

Быстрѣй, быстрѣй въ рѣкѣ волна;
Челнокъ быстрѣй, быстрѣе;

Свѣтлѣе на небѣ луна,
На брегѣ лѣсъ темнѣе.
И далѣ, далѣ... все кругомъ
Молчитъ... какъ великаны—
Скалы нагнулись надъ Днѣпромъ;
И, черенъ, сквозь туманы
Глядится въ рѣку тихій лѣсъ
Съ утесистой стремнины;
И ужъ луна почти небесъ
Дошла до половины.

Сидитъ задумавшись Вадимъ;
Вдругъ... что-то пролетѣло;
И облачко луну, какъ дымъ
Невидимый, одѣло;
Луна померкла; по волнамъ,
По тихимъ сѣнямъ лѣса,
По брегу, по крутымъ скаламъ
Раскинулась завѣса;
Шатнулъ вѣтриломъ вѣтерокъ,
И руль зашевелился;
Ко брегу повернулъ челнокъ,
Доплылъ, остановился.

Вадимъ на брегъ; отъ брега чолнъ;
Вѣтрило заиграло;
И вдругъ вдали, съ зыбями волнъ
Смѣшавшись, все пропало.
Въ недоумѣніи Вадимъ;
Кругомъ скалы, какъ тучи;
Безмолвенъ, дикъ, необозримъ,
По камнямъ боръ дремучій
Съ рѣки до брега вышины
Восходитъ; все въ молчаньѣ...

И тускло падаетъ луны
  На мглу вершинъ сіянье.

И тихо по скаламъ крутымъ,
  Влекомый тайной силой,
На верхъ взбирается Вадимъ
  Онъ смотритъ—все уныло:
Какъ трупы, сосны подъ травой
  Обрушенныя тлѣютъ;
На сучьяхъ мохъ виситъ сѣдой;
  Разинувшись, чернѣютъ
Разсѣлины дуплистыхъ пней,
  И въ нихъ глазами блещетъ
Сова, иль чешуями змѣй,
  Ворочаясь, трепещетъ.

И, мнится, жизни въ той странѣ
  Отъ вѣка не бывало;
Какъ бы съ созданья въ мертвомъ снѣ
  Древа, и не смущало
Ихъ сна ничто: ни вѣтерка
  Передъ денницей шопотъ,
Ни легкій шорохъ мотылька,
  Ни вепря тяжкій топотъ.
Уже Вадимъ на вышинѣ;
  Вдругъ боръ рѣдѣетъ тёмный;
Раздвинулся... и при лунѣ
  Явился холмъ огромный.

И на вершинѣ древній храмъ,
  Блестящими крестами
Увѣнчаны главы, къ дверямъ
  Тяжелыми винтами
Огромный пригвожденъ затворъ;
  Вкругъ храма переходы,

Столбы, обрушенный заборъ,
Растреснутые своды
Трапезы, келій рядъ пустыхъ,
И всюду по колѣни
Полынь, и длинныя отъ нихъ
По скату холма тѣни.

Вадимъ подходитъ: не вдали
Могильный видѣнъ камень,
Крестъ наклонился до земли,
И легкій, блѣдный пламень,
Какъ свѣчка, теплится надъ нимъ;
И воронъ, птица ночи,
На немъ, какъ призракъ, недвижимъ
Сидитъ, унылы очи
Вперивъ на мѣсяцъ. Вдругъ крыломъ
Взмахнувъ, онъ пробудился,
Взвился... и на небѣ пустомъ,
Трикраты крикнувъ, скрылся.

Объялъ Вадима тайный страхъ;
Глядитъ въ недоумѣньѣ—
И дивное тогда въ глазахъ
Вадимовыхъ явленье:
Онъ видитъ, нѣкто приподнялъ
Изсохшими руками
Могильный камень, блѣденъ всталъ,
Туманными очами
Блеснулъ, возвелъ ихъ къ небесамъ,
Какъ будто бы моляся,
Пошелъ, стучаться началъ въ храмъ...
Но дверь не отперлася.

Вздохнувъ, повлекся далѣ онъ,
И тихій подъ стопами

Былъ слышенъ шумъ, и долго стонъ
Пуская, межъ стѣнами,
Между обломками столбовъ,
Какъ блѣдный дымъ, мелькала
Бредуща тѣнь... вдругъ межъ кустовъ
Вдали она пропала.
Тамъ, боромъ покровенъ, утесъ
Вздымался, крутъ и страшенъ,
И при лунѣ изъ-за древесъ
Являлись кровы башенъ.

Вадимъ туда; уединенъ
На грудѣ скалъ мохнатыхъ,
Надъ чернымъ боромъ, обнесенъ
Оградой стѣнъ зубчатыхъ,
Стоитъ тамъ замокъ, тихъ, какъ сна
Безмолвное жилище,
И вся окрестъ его страна
Угрюма̀, какъ кладбище;
И башни по угламъ стоятъ,
Какъ призраки, сѣдыя,
И сгромоздилися у вратъ
Скалы сторожевыя.

Душа Вадимова полна
Смятеннымъ ожиданьемъ,
И свѣтитъ сумрачнымъ луна
Сквозь облако сіяньемъ.
Но вдругъ... слетѣлъ съ луны туманъ,
И боръ засеребрился,
И замокъ весь, какъ великанъ,
Надъ боромъ освѣтился;
И отъ востока вѣтерокъ
Подулъ передразсвѣтный,

И чу!.. изъ за стѣны звонокъ
Послышался привѣтный.

И что жъ онъ видитъ?.. По стѣнѣ,
Какъ тѣнь уединенна,
Съ восточной къ западной странѣ,
Туманнымъ облеченна
Покровомъ, дѣвица идетъ;
На встрѣчу къ ней другая;
И та, приблизясь, подаетъ
Ей руку, и вздыхая,
Путь одинокій вдоль стѣны
На западъ продолжаетъ;
Другая жъ, къ замку съ вышины
Спустившись, исчезаетъ.

И за идущею во слѣдъ
Вадимъ летитъ очами;
Ужъ, ясенъ, молодой разсвѣтъ
Встаетъ межъ облаками;
Ужъ загорается востокъ...
Она всё далѣ, далѣ;
И тихо ранній вѣтерокъ
Играетъ въ покрывалѣ;
Идетъ,—глаза опущены,
Глава на грудь склонилась—
Пришла на поворотъ стѣны,
Поворотила, скрылась.

Стоитъ, какъ вкопанный, Вадимъ;
Душа въ немъ замираетъ:
Какъ будто ликъ свой передъ нимъ
Судьба разоблачаетъ.
Блѣднѣе тусклая луна,
Свѣтлѣй востокъ багровый;

И озаряется стѣна,
И ярко блещутъ кровы;
Къ восточной обратясь странѣ,
Ждетъ витязь... вдругъ вспылала
Въ немъ кровь... глядитъ... тамъ на стѣнѣ
Идущая предстала.

Идетъ; на темный смотритъ боръ,
Какъ будто ждетъ въ волненьи;
Какъ бы чего-то ищетъ взоръ
Въ пустынномъ отдаленьи...
Вдругъ солнце въ пламени лучей
На краѣ неба стало...
И витязь въ блескѣ передъ ней!
Какъ облакъ покрывало
Слетѣло съ юнаго чела,—
Ихъ встрѣтилися взоры,
И пала отъ воротъ скала,
И раздались ихъ створы.

Стремится на ограду онъ,
Идетъ она съ ограды;
Сошлись... о вѣщій, вѣрный сонъ!
О часъ святой награды!
Свершилось! все—и раннихъ лѣтъ
Прекрасныя желанья,
И озаряющія свѣтъ
Младой души мечтанья,
И все, чего мы здѣсь не зримъ,
Что вѣрѣ лишь открыто,—
Все вдругъ явилось передъ нимъ,
Въ единый образъ слито!

Глядятъ на небо, слезы льютъ,
Восторгомъ словъ лишенны...

И вдругъ изъ терема идутъ
Къ нимъ дѣвы пробужденны:
Какъ звѣзды блещутъ очеса;
На ясныхъ лицахъ радость,
И искупленія краса,
И новой жизни младость.
О сладкій воскресенья часъ!
Имъ, мнилось, міръ рождался!
Вдругъ... звучно благовѣста гласъ
Въ тиши небесъ раздался.

И что-жъ? Храмъ Божій отворенъ;
Тамъ слышится моленье;
Они туда—храмъ освѣщенъ,
Въ кадильницахъ куренье;
Передъ Угодникомъ горитъ,
Какъ въ древни дни, лампада,
И благодатное бѣжитъ
Сіяніе отъ взгляда;
И нѣкто, свѣтелъ, въ алтарѣ
Простертъ передъ потиромъ,
И возглашается горѣ
Хвала незримымъ клиромъ.

Молясь, съ подругой сталъ Вадимъ
Предъ царскими дверями,
И вдругъ... святой налой предъ нимъ;
Главы ихъ подъ вѣнцами;
Въ рукахъ ихъ свѣчи зажжены,
И кольцы обручальны
На персты ихъ возложены,
И слышенъ гимнъ вѣнчальный...
И вдругъ... все тихо! гимнъ молчитъ;
Безмолвны своды храма;

*

Одинъ лишь, таинственъ, блеститъ
Алтарь средь ѳиміама.

И въ семъ молчаньи кто-то къ нимъ
Привѣтный подлетаетъ,
Ихъ кличетъ именемъ роднымъ,
Ихъ нѣжно отзываетъ...
Куда же?.. о священный видъ!
Могила передъ ними;
И въ ней спокойно; дернъ покрытъ
Цвѣтами молодыми;
И дышетъ вѣтерокъ окрестъ,
Какъ духъ безплотный вѣя,
И обвиваетъ свѣтлый крестъ
Прекрасная лилея.

Они упали ницъ въ слезахъ;
Ихъ сердце вѣсти ждало,
И трепетомъ священный прахъ
Могилы вопрошало...
И было всё для нихъ отвѣтъ:
И холмъ помолодѣлый,
И луга обновленный цвѣтъ,
И бѣгъ рѣки веселый,
И воскрешенны древеса
Съ вершинами живыми,
И, какъ безсмертье, небеса
Спокойныя надъ ними...

Промчались вѣки вслѣдъ вѣкамъ...
Гдѣ замокъ? гдѣ обитель?
Гдѣ чудомъ освященный храмъ?..
Все скрылось... лишь хранитель
Давно-минувшаго живетъ
На прахѣ ихъ преданье.

Есть мѣсто... тамъ игривыхъ водъ
Плѣнительно сверканье;
Тамъ вѣчно зеленъ пышный лѣсъ;
Тамъ сладокъ вѣтра шопотъ,
И съ тихимъ говоромъ древесъ
Волны сліянный ропотъ.

На мѣстѣономъ—такъ гласитъ
Правдивое преданье—
Былъ пепелъ инокинь сокрытъ:
Въ постѣ и покаяньѣ
При гробѣ грѣшника-отца
Онѣ кончины ждали,
И примиреннаго Творца
Въ молитвахъ прославляли...
И улетѣла къ небесамъ
Съ земли ихъ жизнь святая,
Какъ улетаетъ ѳиміамъ
Съ кадилъ, благоухая.

На мѣстѣ ономъ—въ свѣтлый часъ
Земли преображенья—
Когда, послышавъ утра гласъ,
Съ звѣздою пробужденья,
Востока Ангелъ въ тишинѣ
На край небесъ взлетаетъ,
И по туманной вышинѣ
Зарю распростираетъ,
Когда и холмъ, и лугъ, и лѣсъ,
Все оживленнымъ зрится,
И предъ святилищемъ небесъ,
Какъ жертва, все дымится. —

Бываютъ тайны чудеса,
Невиданныя взоромъ;

Отшельницъ слышны голоса;
Горѣ хвалебнымъ хоромъ
Поютъ; сквозь занавѣсъ зари
Блистаетъ крестъ; сліянны
Изъ свѣта зрятся алтари;
И, яркими вѣнчанны
Звѣздами, дѣвы предстоятъ
Съ молитвой ихъ святынѣ,
И Серафимовъ тьмы кипятъ
Въ пылающей пучинѣ.

Матеріалы для изученія балладъ Жуковскаго.

Значеніе баллады.

(По П. Загарину и др.).

Къ концу XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія, въ русской литературѣ замѣчается въ значительной степени вкусъ къ нѣмецкой поэзіи. Господствовавшій, въ то время, лжеклассицизмъ сталъ скученъ своей безжизненной формой. Языкъ поэзіи, полный условныхъ, холодныхъ выраженій, не былъ непосредственнымъ выраженіемъ чувствъ человѣка. Читатель долженъ былъ, такъ сказать, переводить съ этого языка на свой—каждый „піитическій образъ“ произведенія. Закованная въ такую форму поэзія могла удовлетворять лишь аматеровъ литературнаго дѣла.

Между тѣмъ потребность поэзіи чувствовалась сильно, и всякое ея явленіе, начинавшее говорить языкомъ живымъ, недѣланнымъ, — тотчасъ производило сильное впечатлѣніе. Такія произведенія читались и быстро распространялись среди общества. Какъ нельзя лучше видимъ это въ успѣхѣ басенъ Крылова. Но языкъ Крылова передавалъ изъ обыденной русской жизни ея низменную сторону. Заслуга Крылова въ томъ, что онъ обратился къ этой русской жизни и клеймилъ ея пошлости сильнымъ словомъ своимъ. Но, какъ поэту сатирическому, ему не приходилось быть выразителемъ другой стороны жизни, стороны идеальной.

Между тѣмъ поэзія всегда была и должна быть выразительницей и того идеала, какой ставитъ себѣ человѣкъ силою своей фантазіи.

И если интересно слѣдить за тѣми явленіями литературы, которыя мѣткимъ словомъ своимъ умѣютъ назвать каждую гадость человѣческой жизни, то еще болѣе интересно наблюдать, какъ учится человѣкъ выражать привлекательное и высокое этой жизни.

Нужно сознаться, что нелегко давался этотъ даръ русскимъ поэтамъ.

Весь новый періодъ русскаго литературнаго языка есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, борьба глубоко лежащаго въ душѣ чувства съ неподатливымъ языкомъ, вырабатывавшимся въ средѣ исключительной, вдали отъ народной рѣчи, подъ вліяніемъ образцовъ чужеземныхъ.

Долго ложно-классическая форма была единственно употребительною для этой цѣли. Даже пережитое въ дѣйствительности, извлеченное изъ глубины души искреннее чувство, получивъ условную эту форму, блекло и являлось чѣмъ-то чуждымъ. Вмѣсто того, чтобы очищать самую жизнь,—поэзія, такъ выражаемая, пріучила во всемъ прекрасномъ видѣть не свое достояніе.

Стихія церковно-славянская, все еще отложенная въ особый „высокій штиль", была такъ-же рѣчью условною, не способною выразить ни задушевную душу, ни голосъ истинной страсти. Читатель, не изощренный въ тонкостяхъ риторики, невольно закрывалъ книгу, такимъ языкомъ написанную, и тѣмъ лишался животворнаго источника для жизни своего сердца.

Отжившая форма родного языка приноситъ прямой вредъ развитію нравственнаго чувства.

Что сказано о языкѣ, какъ формѣ выраженія, съ одинаковой силою относится и къ самымъ идеямъ, носительницей которыхъ является поэзія. Условной формой сковывается мысль. Ей не свободно двигаться въ ограниченномъ словарѣ такого поэтическаго языка — она невольно вращается въ заколдованномъ кругѣ однихъ и тѣхъ-же представленій. А это уже мертвитъ и самую жизнь человѣка. Ограниченная мысль человѣка ведетъ къ тупой и скучной жизни, закованной въ условныя формы машинальнаго отправленія нуждъ житейскихъ и низменныхъ. Въ изображаемую эпоху чувствовалась необходимость разорвать эти оковы замерзшаго языка и застывшаго воображенія.

И вотъ, въ своемъ исканіи русскій поэтическій языкъ встрѣтился со школой поэзіи нѣмецкой. Богатство идей, яркое изображеніе страстей тамъ нашло для себя рано достойное выраженіе въ произведеніяхъ Гете и Шиллера, а за ними въ цѣлой вереницѣ поэтовъ второстепенныхъ. Нѣмецкіе поэты искали идеаловъ, недовольные окружавшею ихъ дѣйствительностью; вотъ почему такое разнообразіе въ ихъ произведеніяхъ того времени. Они ищутъ наслажденія въ созерцаніи то среднихъ вѣковъ, то древняго классическаго міра, то волшебныхъ странъ востока. Такое разнообразіе содержанія сильно двинуло поэтическій языкъ Германіи. Переживая чувства иныхъ вѣковъ и племенъ, современный германскій поэтъ въ своемъ языкѣ открывалъ цѣлую сокровищницу красокъ и звуковъ, дотолѣ скрытыхъ въ немъ глубоко.

Далекіе отъ идеаловъ нѣмецкой поэзіи, юноши наши прежде всего прельстились этими красками и звуками, столь плѣнительными для ищущей новыхъ впечатлѣній фантазіи. Но тамъ рисовались имъ преданія „сѣдой старины“, которыя говорятъ объ отвагѣ, духѣ бодромъ, готовомъ на борьбу со всякою силой, будь она даже сверхъестественною. Герой такого преданія является въ заманчивомъ блескѣ славы— мотивъ любезный юному сердцу. При томъ онъ любитъ и любимъ. Его подвиги освящены этимъ чувствомъ, а потому безкорыстны. Вотъ одна сторона желаемаго идеала. Она проста, легка для постиженія и потому мудрено-ли, что плѣнившись образами, окружающими его подвиги, русскій читатель плѣнился и самимъ идеаломъ.

Познакомить русскій читающій міръ съ подобными образами суждено было, во первыхъ, Карамзину, а потомъ Каменеву.

Новая форма, впервые ими для того введенная, усвоена была Жуковскимъ почти съ первыхъ шаговъ его авторства. То была форма баллады.

Древнѣйшая связь народной пѣсни съ пляскою дала начало имени этой лиро-эпической формы. Она создалась въ

Провансѣ и Италіи. Провансальскому имени ея — balada — и итальянскому—balata (плясовая пѣсня) — отвѣчаетъ англійское—ballad. Балладѣ англичанъ и шотландцевъ соотвѣтствуетъ испанскій романсъ. Слово романсъ (собственно „романскій народный языкъ“ и то, что на немъ написано) у испанцевъ означаетъ повѣствовательное стихотвореніе небольшого объема, содержаніе котораго отличается простóтою. То же значеніе имѣло это слово и у французовъ. Но слѣдуетъ различать два рода испанскихъ романсовъ: чисто эпическую пѣснь древняго характера, порою со внесеніемъ діалога,—и произведеніе лиро-эпическое, напоминающее пѣсни сербскія и германскія XII вѣка, т. е. представляющія обычное эпическое положеніе лица и лирическое развитіе внутренняго его состоянія. Но и въ этихъ испанскихъ романсахъ мы видимъ не личное чувство пѣвца, но чувства лицъ дѣйствующихъ, такъ что здѣсь, подобно древнему эпосу, это личное чувство переносится на героевъ пѣсни. Иногда, подобно пѣснямъ шотландскимъ, романсъ принимаетъ форму діалогическую и монологическую. Тѣ-же свойства принадлежатъ и балладѣ. Слѣдовательно, между романсомъ и балладою различіе почти только номинальное. Единственно, чтó отличаетъ испанскій романсъ,—это метрическая его форма: роману свойственны трохаическіе тетраметры съ послѣдовательными созвучіями гласныхъ; баллады же состоятъ изъ строфъ (по большей части четырестишіе) и имѣютъ риѳмы.

„Баллады,“ говоритъ Шевыревъ, слѣдуя Вартону и Огюсту Тьерри, „сдѣлались живою поэтическою лѣтописью англичанъ: не было славнаго событія, котораго бы они не сохранили. Въ XVI вѣкѣ не было убійства, кражи, сраженія, бури, — словомъ, не было происшествія, которое тотчасъ же въ куплетахъ баллады не разносилось бы по англійскому народу черезъ странствующихъ минестрелей.“ „Въ концѣ вѣка“, продолжаетъ онъ, „когда послѣдовало въ Англіи возвращеніе къ народнымъ преданіямъ поэзіи и исторіи, старинныя баллады были изданы, какъ матеріалъ живыхъ историческихъ

преданій народа. Тогда и многіе поэты англійскіе полюбили этотъ видъ поэзіи, и начали его выдѣлывать: таковы—Саути, В. Скоттъ, Роб. Борнсъ.“

Въ нѣмецкую литературу ввели Глеймъ—французскіе романсы, Бюргеръ—англо-шотландскую балладу, частью переводами, частью вольными подражаніями; потомъ поэты романтической школы, обратившіеся къ испанской словесности непосредственно, ввели и самое имя „романса“ и его трохаическій тетраметръ въ нѣмецкую литературу. Въ именованіи этой поэтической формы всегда было колебаніе. Гете свои лиро-эпическія стихотворенія называетъ балладами, иногда же и просто „пѣснями“. Шиллеръ употребляетъ тѣ же термины, и лишь для двухъ произведеній этого рода предпочелъ онъ имя „романса“: для „Сраженіе со змѣемъ“ и для „Поруки“. „Строго говоря“, пишетъ В. Ваккернагель, „это имя не идетъ къ этимъ произведеніямъ, потому что они такъ обширны, отличаются такой по истинѣ эпической обстоятельностью изложенія, что стоятъ близко къ эпопеѣ, отличаясь отъ нея, впрочемъ, простотою своего содержанія и лирическимъ характеромъ.

Шерръ указываетъ еще различіе въ томъ, что „въ балладѣ духъ, погруженный въ силы природы, дѣйствуетъ непосредственно, безъ размышленія“; „поэтому“, говоритъ онъ, „здѣсь господствуетъ жуткое чувство, и въ человѣческій міръ нерѣдко вторгается власть духовъ и демоновъ. Напротивъ, въ романсѣ человѣческій духъ предоставленъ вполнѣ себѣ самому и дѣйствуетъ въ свойственной ему нравственной области. Это философское различіе баллады отъ романса опредѣлилъ, какъ извѣстно, Эйхтенмейеръ; слѣдуя ему, Гете можно назвать пѣвцомъ балладъ, а Шиллера поэтомъ романсовъ.“ „Новѣйшая эстетика,“ продолжаетъ Шерръ, „не безъ основанія высказываетъ, что при строгомъ примѣненіи этого различія легко впасть въ тенденцію подводить все подъ отвлеченныя категоріи; кромѣ того, опредѣленіе Эйхтенмейера

далеко не обнимаетъ всей области и балладъ и романсовъ. Фишеръ, разсуждая о балладѣ и романсахъ, отнесъ ихъ къ „объективной лирикѣ“, и его мнѣніе подкрѣпляется приведеннымъ выше указаніемъ, что Шиллеръ по внутреннему побужденію пользовался лиро-эпической поэзіей, какъ переходной ступенью отъ лирикѣ къ драмѣ. Шиллеръ оживилъ матеріалъ своихъ повѣствованій такою внутреннею глубокой теплотою, которая невольно указывала въ ихъ движеніи близость драматическаго элемента... Позднѣйшіе романсы его, какъ „Гр. Габсбургскій“, окончательно закругляются въ маленькую драму... Правда, у него главную роль играетъ психологическій процессъ, тогда какъ Гете въ своихъ балладахъ даетъ намъ чувствовать таинственныя силы природы, заставляя ихъ дѣйствовать совершенно объективно: но тѣмъ не менѣе пслихологическій моментъ въ романсахъ Шиллера отнюдь не остается отвлеченнымъ, но сливается съ ихъ содержаніемъ вполнѣ конкретно“.

Наконецъ, Уландъ, пользовавшійся всѣми указанными формами, далъ имъ общее двойное имя: „баллады и романсы“, при чемъ, по всей вѣроятности, имя романсовъ назначалъ тѣмъ изъ нихъ, которыя имѣютъ испанскую форму трохея и созвучія. Теорія поэзіи, по словамъ Ваккернагеля, произвольно различала балладу отъ романса въ томъ, что первая имѣетъ характеръ трагическій, а романсъ допускаетъ и радостный характеръ, или въ томъ, что будто бы баллада имѣетъ болѣе характеръ эпическій, а романсъ — лирическій, или же въ томъ, что баллада пластична, а романсъ живописенъ.

Между тѣмъ, точное изслѣдованіе показываетъ, что оба имени обозначаютъ собственно одинъ родъ произведеній словами двухъ различныхъ языковъ—англійскаго и испанскаго: и баллада, и романсъ—лиро-эпическія стихотворенія о событіи простомъ, подобно древне-эпическимъ пѣснямъ, но не изображаютъ, какъ эпосъ, объективно лишь внѣшнее теченіе событія, а раскрываютъ и внутреннее состояніе дѣйствующихъ

лицъ, вызывающее ихъ внѣшнія дѣйствія. Не слѣдуетъ только называть балладами тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ форму созвучныхъ тетраметровъ, потому что эта форма исключительно испанская, между тѣмъ какъ баллада предполагаетъ строфы и риѳмы.

Съ этою то поэтическою формою, какъ мы сказали выше, ознакомили русскихъ читателей Карамзинъ и Каменевъ: первый своимъ „Графомъ Гвариносомъ" (1789), котораго назвали „древней гишпанской исторической пѣснею" и „Раисой (1791), уже прямо названной имъ „древнею балладой"; второй своимъ „Громваломъ". Но важнѣйшимъ и высоко художественнымъ представителемъ этого рода поэтическихъ произведеній въ русской литературѣ считается Василій Андреевичъ Жуковскій (1783 — 1852), котораго современники называли „балладникомъ" и который самъ въ шутку называлъ себя „родителемъ на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическимъ дядькою чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ". Первою его балладой была „Людмила" (1808), составляющая передѣлку Бюргеровской „Леноры", впослѣдствіи имъ тоже переведенной. „Было время, говоритъ Бѣлинскій, когда эта баллада доставляла намъ какое-то сладостно-страшное удовольствіе, и чѣмъ болѣе ужасала насъ, тѣмъ съ большею страстью мы ее читали. Она коротка казалась намъ во время оно, не смотря на свои 252 стиха." Жуковскій перевелъ лучшія баллады: Шиллера, Гёте, Уланда, Зейдлица, Саути, Мура, Вальтеръ-Скотта, Гольдсмита. Оригинальная его баллада „Свѣтлана" (1813) была признана лучшимъ его произведеніемъ, такъ что критика того времени называла его „пѣвцомъ Свѣтланы". Поэтому тщательное изученіе баллады Жуковскаго не только знакомитъ насъ съ лучшими образцами этого литературнаго рода на русскомъ языкѣ, но и въ значительной степени выясняетъ характеристическія особенности поэтическаго дара самого поэта, его художественныя концепціи и нравственные идеалы.

Опыты разбора балладъ Жуковскаго.

1) Ивиковы журавли.

(Д. В. Цвѣтаева).

Планъ баллады.

I. Убійство Ивика.

1) Ивикъ предъ нападеніемъ на него:

a) Его планъ. b) Его личность. c) Близость цѣли его путешествія. d) Журавли, какъ его спутники. e) Дружественное привѣтствіе къ нимъ.

2) Ивикъ во время нападенія:

a) Нападеніе убійцъ, побороть которыхъ онъ былъ не въ состояніи. b) Безполезность призыва о помощи. c) Горькая жалоба на неожиданную смерть. d) Журавли, какъ свидѣтели убійства. e) Предсмертное завѣщаніе къ нимъ Ивика стать мстителями за него.

II. Открытіе убійства.

1) Вѣсть объ убійствѣ:

a) Нахожденіе трупа. b) Признаніе трупа коринѳскимъ другомъ. c) Плачъ друга.

2) Впечатлѣніе вѣсти на народъ:

a) Горе народа. b) Требованіе народомъ мести убійцамъ.

3) Отсутствіе слѣдовъ къ открытію виновныхъ въ убійствѣ:

a) Невозможность указать на опредѣленныхъ лицъ. b) Неизвѣстность повода къ убійству. c) Нельзя съ точностью опредѣлить мѣсто нахожденія убійцъ.

III. Открытіе и наказаніе убійцъ.

1) Театральное представленіе, какъ приготовленіе къ этому:

a) Многочисленность зрителей. b) Явленіе хора. c) Хоровое пѣніе эриній: aa) Его характеръ. bb) Его содержаніе. cc) Его дѣйствіе на слушателей. d) Исчезновеніе хора. e) Дѣйствіе, произведенное имъ, таинственная тишина.

2) Самое открытіе и наказаніе:

a) Предательское восклицаніе. b) Появленіе мстящихъ журавлей. c) Разгадка восклицанія. d) Взятіе и наказаніе убійцъ.

Напрасно было бы въ современной намъ жизни искать чегó-нибудь тождественнаго съ общественными играми, сопровождавшими религіозныя празднества грековъ. Возникшія изъ мѣстныхъ, нѣкоторыя изъ нихъ—олимпійскія, истмійскія, пиѳійскія и немейскія—возвысились до торжествъ общенаціональныхъ. На нихъ собирались греки отовсюду—изъ метрополій и колоній,—со всѣхъ береговъ и многочисленнѣйшихъ острововъ Средиземнаго моря, изъ Европы, Азіи и Африки. Разъединенные громаднымъ пространствомъ, мѣстными и племенными особенностями, соперничествомъ, иногда открытой войной, они сознавали себя здѣсь однимъ народомъ; привлеченные желаніемъ участвовать въ общемъ жертвоприношеніи, жаждой зрѣлищъ и удовольствій, явившись по побужденіямъ торговымъ, научнымъ, художественнымъ и политическимъ, всѣ присутствующіе жили интересами общими, высшими и вкупѣ представляли изъ себя прекрасную картину, кромѣ религіозно-національнаго, питавшую и эстетическое чувство грековъ. „Кто—пѣлъ о нихъ хіосскій поэтъ — кто увидитъ ихъ собравшимися на такой праздникъ, тотъ сочтетъ ихъ, пожалуй, свободными отъ старости и смерти, и радостно встрепенется его сердце при видѣ этого сонма мужчинъ и прекрасно опоясанныхъ женщинъ, при видѣ ихъ богатствъ и кораблей“.

Состязаніе на играхъ производилось въ спорѣ за первенство въ томъ, что для грека было всего дороже: въ силѣ, ловкости, красотѣ. Продолжительный и быстрый бѣгъ, со щитомъ и безъ щита, борьба, прыганье, метаніе диска или копья, скачка верхомъ или на колесницахъ, на нѣкоторыхъ играхъ, выполненіе музыкальныхъ піесъ, пѣніе, декламація, составленіе поэтическихъ и историческихъ произведеній — все находило свое мѣсто, чередовалось и могло доставить побѣдителю почетный призъ: лавровый, масличный или сосновый вѣнокъ. На сколько ничтожна награда, на столько велика была честь. Земляки побѣдителя, осчастливленные его побѣдой, вели его къ алтарю. Здѣсь, въ присутствіи и при радостныхъ крикахъ собравшагося народа, возлагался на него вѣнокъ, затѣмъ въ

честь его давались пиры, составлялись гимны. Вся Греція славила его имя. При возвращеніи въ родной городъ, жители встрѣчали его со всевозможнымъ тріумфомъ, жизнь его окружалась всеобщимъ почетомъ, приравнивалась къ божественной, самъ Платонъ видѣлъ въ ней образецъ земного благополучія. Хотя эти почести относились главнымъ образомъ къ побѣдителямъ въ Олимпіи, все же не мала была слава и остальныхъ. Недаромъ каждый грекъ, даже знатнѣйшій по рожденію или личнымъ заслугамъ, горѣлъ самымъ пламеннымъ желаніемъ участвовать въ играхъ и считалъ для себя счастіемъ получить на нихъ побѣдный вѣнокъ.

Понятно теперь чувство, съ какимъ шли сюда греки, и то состояніе, въ какомъ стремился къ Истму Ивикъ! Тѣмъ трепетнѣе было состояніе Ивика, что онъ, по Шиллеру, имѣлъ въ виду не просто только лично присутствовать на играхъ, но и вступить въ состязаніе о первенствѣ въ сложеніи пѣсенъ.

Истмійскія игры, куда стремился онъ, занимали первое мѣсто послѣ олимпійскихъ и отличались отъ нихъ тѣмъ, что, кромѣ тѣлесныхъ, на нихъ допускались и поэтическія состязанія. Учрежденіе ихъ теряется въ глубокой древности, приписывается основателю Коринѳа Сизиѳу, возобновленіе—аѳинскому герою Тезею; ко времени Ивика достигли высшей славы. Онѣ праздновались въ честь морскаго бога Посейдона, въ живописной мѣстности, на Истмійскомъ, лежавшемъ между морями и соединявшемъ Пелопонесъ и Элладу, перешейкѣ, у сосновой, посвященной Посейдону, рощи, близъ богатаго Коринѳа. Побѣдителю давался вѣнокъ изъ сельдерея (растеніе), въ римскія времена—изъ сосновыхъ вѣтвей.

Самъ Ивикъ—лицо историческое. Это былъ странствующій лирическій поэтъ, родомъ изъ Регіума, города Великой Греціи (нынѣ Южной Италіи); онъ много путешествовалъ, долго жилъ при дворѣ Поликрата, считался изобрѣтателемъ самбука, древней цитры, въ формѣ треугольника, но главную славу составляли его жгучія эротическія пѣсни, гдѣ, со-

образно необычайному уваженію грековъ къ красотѣ, онъ прославлялъ красивыхъ мальчиковъ и юношей. Въ одной изъ такихъ, дошедшихъ до насъ, пѣсенъ, онъ, рисуя образъ молодого человѣка, въ увлеченіи его красотой, называетъ его сыномъ нѣжныхъ грацій, вскормленныхъ Кипридой среди розъ. Эти волненія любви, его обращеніе къ древнимъ миѳамъ—постоянныя свойства его поэзіи. Современники имѣли отъ него семь книгъ, но намъ остались отъ его произведеній одни небольшіе отрывки (они собраны у Schneidevin'a, Gött., 1833). Смерть его украшена различными преданіями. Ихъ, съ значительными дополненіями и измѣненіями, превосходно и воспроизвелъ Шиллеръ въ этой балладѣ.

Кратко и прекрасно введеніе въ дѣйствіе. Въ простомъ и спокойномъ разсказѣ, которымъ начинается баллада, мы быстро знакомимся съ временемъ и лѣтописью, около которыхъ все совершается: мы застаемъ пѣвца на пути къ великому національному празднику наипоэтическаго народа земли. И хотя названіе игръ пока прямо не означено, но и описательная форма произведенія не оставляетъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что цѣлью стремленій Ивика были, соединявшія Грековъ, веселыя истмійскія игры. Внѣшній видъ пѣвца—скромный, и это, повидимому, только для того, чтобы ярче свѣтились его высокія свойства души. Странникъ—поэтъ, въ своеобразномъ греческомъ смыслѣ. Въ отличіе отъ обыкновенныхъ смертныхъ, онъ очень близокъ къ богамъ, ихъ другъ и посланникъ его воодушевляющаго бога; свой даръ онъ получилъ отъ Аполлона, который щедро наградилъ его поэтическимъ дарованіемъ и способностью выражать свой внутренній міръ въ пріятныхъ слушателямъ пѣсняхъ: источникъ его пѣсенъ, такимъ образомъ,—даръ божественнаго происхожденія. Полный высшаго вдохновенія, Ивикъ стремится, чтобы излить его, принявъ участіе въ предстоящихъ въ Истмѣ состязаніяхъ, конечно, не безъ надежды выйти побѣдителемъ и тѣмъ прославить себя и другихъ. А между тѣмъ, этотъ необыкновенный человѣкъ, державшій путь отъ Регіума, по Истмій-

скому перешейку, шелъ пѣшкомъ, безъ имущества, съ однимъ посохомъ въ рукѣ — какъ бы въ знакъ, что люди, богатые духомъ, рѣдко бываютъ богаты имуществомъ. Поэтъ не изображаетъ дальнѣйшихъ внѣшнихъ чертъ Ивика. На этотъ разъ онъ близокъ былъ ко взгляду Лессинга, по которому рисовать предметы—дѣло живописи, область же поэзіи—явленія, событія; и предметовъ необходимо касаться на столько, на сколько они обнаруживаютъ себя въ дѣйствіи; потому онъ, давши нѣсколько штриховъ, тотчасъ же, не останавливаясь, продолжаетъ свою повѣсть.

Путешествіе близится къ концу. Вонъ уже виднѣются Коринѳскія высоты, до цѣли остается пройти только Посейдонову сосновую рощу. Отъ представленія святости мѣста, съ благоговѣніемъ и почтительнымъ страхомъ, вступаетъ въ нее Ивикъ. Никто не нарушаетъ царствующей кругомъ тишины, его сопровождаютъ одни стаи журавлей, которыя неслись на теплый югъ. Этотъ переходъ отъ изображенія одиночества и ничѣмъ не нарушаемой тишины къ описанію единственно живого существа, журавлей, здѣсь кстати и естественъ. Журавли сравниваются съ частью коннаго войска, пепельно-сѣрымъ эскадрономъ,—по сходству формы полета стаи въ видѣ впереди сходящихся линій. Ихъ видъ до того привлекаетъ наше вниманіе, что насъ нимало не смущаетъ допущенное авторомъ совмѣщеніе никогда въ дѣйствительности не совпадавшихъ явленій: игры совершались то лѣтомъ, то весной, а полетъ журавлей черезъ Грецію бываетъ позднѣй, въ глубокую осень. Но если для насъ появленіе журавлей составляетъ предметъ простого эстетическаго удовольствія, то для Ивика оно имѣло особенное значеніе. Въ глазахъ дѣтски-наивнаго грека, птицы, а особенно большія, были вѣстниками Зевеса, и ихъ внезапное появленіе всегда считалось знакомъ чего то необычнаго, по ихъ полету гадали о судьбѣ. Такъ и Ивикъ. Признавъ въ неожиданно появившихся журавляхъ часть тѣхъ станицъ, которыя сопровождали его во время [illegible]то пути отъ Нижней Италіи до Коринѳской

земли, онъ видитъ въ нихъ доброе для себя предзнаменованіе: какъ счастливо было морское плаваніе, таково же, повидимому, мелькаетъ у него въ головѣ, будетъ и его прибытіе; свой жребій онъ находитъ сходнымъ съ ихъ долей: одинаково они стремятся издалека и ищутъ безопаснаго крова, и высказываетъ желаніе, чтобы покровитель каждаго чужестранца, высшій гостепріимецъ—Зевесъ, отвратилъ отъ нихъ всякое несчастіе и одинаково пребылъ къ нимъ благосклоненъ.

Въ первоначальномъ стихотвореніи, этихъ двухъ строфъ не было, и о журавляхъ вообще тамъ было только упомянуто, и при томъ не о стаѣ, а всего лишь о нѣсколькихъ; они прибавлены, по совѣту Гёте, при послѣдующей обработкѣ стихотворенія.

Что пріобрѣлъ оттого Шиллеръ, ясно изъ его словъ: „герой баллады интересуетъ теперь сильнѣй, журавли также болѣе занимаютъ воображеніе и вполнѣ достаточно останавливаютъ на себѣ вниманіе, чтобы при ихъ послѣднемъ появленіи мы, благодаря предъидущему, не проглядѣли ихъ“.

До сихъ поръ, все шло спокойно; тонъ свѣтлый и радужный. Признаки нѣкотораго колебанія можно подмѣтить развѣ въ обращеніи Ивика къ Зевесу. Обращеніе звучитъ нѣсколько пророчески и какъ бы даетъ поводъ предчувствовать опасность, которая тотчасъ и возникаетъ, и при томъ въ самомъ, повидимому, свободномъ отъ нея мѣстѣ.

Ободренный предзнаменованіемъ, Ивикъ ускоряетъ шаги и скоро достигаетъ середины лѣса. Тутъ внезапно двое убійцъ преграждаютъ ему путь. Уклониться отъ нихъ некуда: путь узокъ и стѣсненъ. Завязывается борьба; но не Ивику одолѣть двоихъ. Поэтъ — не воинъ. Его рука, привычная къ лирѣ, а не къ оружію, въ изнеможеніи скоро опускается. Не надѣясь на себя, онъ думаетъ найти помощь въ другихъ. Взываетъ къ людямъ и богамъ—напрасно! его мольбы никто не слышитъ, какъ ни возвышаетъ онъ свой голосъ, вокругъ не видно ничего живого. Въ сознаніи, что спасенія нѣтъ, Ивикъ горько жалуется на свою печальную участь. Въ его

жалобѣ слышится, что̀ увеличиваетъ горечь его смерти. Онъ долженъ умереть здѣсь, въ священной рощѣ, гдѣ всего менѣе можно было ожидать убійства, на чужбинѣ, безъ послѣдней чести, не оплаканный и безъ погребенія, погибнуть отъ руки злодѣевъ и при томъ безъ надежды, что злодѣйство будетъ открыто, и что кто-нибудь—правительство ли, родные, или почитатели—отомстятъ за него. Едва ли кому хотѣлось бы лишиться жизни при подобныхъ обстоятельствахъ: людямъ вообще свойственно желаніе мирно почивать въ своей землѣ; Ивику же, какъ греку, такая смерть была тяжела до крайности. По тогдашнимъ понятіямъ, души, тѣла которыхъ не погребены, не могутъ войти въ адъ и обречены на вѣчное скитаніе, и грекъ былъ готовъ на все, чтобы только предотвратить подобный позоръ.—Тяжелый ударъ, между тѣмъ, кладетъ Ивика на землю. Вверху шумитъ полетъ журавлей—конечно, не тѣхъ, которыхъ видѣлъ Ивикъ прежде, это было другое отдѣленіе несущейся къ югу большой стаи; надъ сосновой рощей они пролетали случайно. Ивикъ слышитъ—видѣть онъ уже не можетъ — слышитъ: страшно кричатъ близкіе голоса. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Своимъ крикомъ журавли направляютъ свой полетъ, и во время полета они кричатъ постоянно; ихъ крикъ громкій, подобно трубѣ, вблизи страшнѣе. Но почему онъ кажется страшнымъ пѣвцу, который видѣлъ въ нихъ дружественныхъ себѣ сопутниковъ, а не убійцамъ, для которыхъ опасенъ каждый свидѣтель? Разгадка въ томъ, что Ивикъ былъ болѣе чутокъ къ явленіямъ природы. Для поэта полетъ и крикъ—не случайность, напротивъ, ему сдается, что журавли какъ бы чувствуютъ всю святотатственность преступленія, что они возмущены безславнымъ дѣломъ, ихъ пронзительные голоса кажутся ему воплемъ, жалобой, предвозвѣщающей месть и угрожающей убійцамъ.

И въ полной увѣренности призываетъ онъ ихъ поднять за него свой голосъ:

„Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову;
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу!“

сказалъ онъ—и это было послѣдней волей умирающаго: въ глазахъ его помрачилось, и онъ скончался. Безъ сомнѣнія, убійцы слышали его послѣднія слова.

Пѣвецъ убитъ, убитъ коварно, въ священномъ мѣстѣ, среди его свѣтлыхъ надеждъ, убитъ безоружный, потому что не имѣлъ никакого другого оружія, кромѣ своихъ сладкихъ пѣсенъ; но это оружіе, безсильное для физической борьбы, сильно въ борьбѣ духовной — и охотно служитъ причиной мести за своего владѣтеля. Ивикъ палъ физически—съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же встать духовно въ памяти своего народа; палъ обнаженный, обезображенный ранами — всталъ въ полномъ сіяніи своей прекрасной духовно-поэтической натуры. Сила его духа тѣмъ ярче отразилась надъ его обезображеннымъ тѣломъ. За него воспрянулъ весь народъ, показавъ примѣръ, какъ онъ цѣнитъ и умѣетъ защищать своихъ поэтовъ.

Слѣдуетъ вторая часть произведенія. Въ первой мы узнали объ личности поэта и его печальной судьбѣ; здѣсь слышимъ объ открытіи убійства—пока безъ открытія убійцъ, и о поражающемъ впечатлѣніи, которое производитъ на собравшійся народъ извѣстіе о смерти всѣми любимаго поэта. Переходъ отъ одной части къ другой сдѣланъ поэтомъ почти незамѣтно. Дѣйствіе передвигается къ мѣсту игръ, объ этомъ поэтъ не говоритъ: характеръ событій, однако, не оставляетъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія; вмѣсто молчаливой рощи, мы видимъ шумный народъ.

Трупъ найденъ, и въ самомъ позорномъ видѣ. Онъ обнаженъ—снято все, даже платье; искаженъ ранами — слѣдъ борьбы и желаніе убійцъ лучше скрыть свое преступленіе. Что́ могло теперь изобличить ихъ? И все же коринѳскій другъ Ивика скоро узнаетъ дорогія ему черты лица. Пораженный,

онъ громко высказываетъ свое горе. Печаль его коренится не въ однихъ общихъ молитвахъ. Гостепріимство составляло религіозно-общественную обязанность грековъ, и не одно то смущало друга, что онъ лишенъ теперь возможности выполнить этотъ долгъ; нѣтъ, его горе ближе. Онъ надѣялся видѣть Ивика и принять его въ другомъ видѣ, цѣлымъ, невредимымъ, прославленнымъ, вмѣстѣ съ другими обвить его голову побѣднымъ сосновымъ вѣнкомъ и самому погрѣться въ лучахъ его славы. Если слава побѣдителя распространялась у грековъ на цѣлый народъ и на весь отечественный городъ, то отблескъ ея еще ярче падалъ на близкихъ къ нему лицъ и на того, въ чьемъ домѣ гостилъ онъ.

Плачъ друга находитъ полный откликъ. Пѣсни Ивика, оказывается, были извѣстны и любимы въ цѣлой греческой землѣ, и всякій могъ надѣяться видѣть его побѣдителемъ. Погибъ поэтъ, поэтъ любимый и возможный побѣдитель на играхъ—горе двойное, всеобщее. И сердце всѣхъ, кто только ни присутствовалъ на играхъ, чувствуетъ глубокую потерю. Не медля ни минуты, народъ приступаетъ къ мѣстному верховному властителю—притану и яростно требуетъ отъ него примирить оскорбленный духъ самымъ сильнымъ средствомъ—кровію убійцы.

Но какъ было это сдѣлать? Требовать легче, чѣмъ исполнить. Недоставало признаковъ, по которымъ можно было бы въ народной массѣ отличить чернаго злодѣя. Загадоченъ даже поводъ къ убійству: истинную причину знаетъ одинъ, всепроникающій, богъ солнца Геліосъ; людямъ же неизвѣстно, былъ ли то грабежъ разбойниковъ, или месть дѣйствовавшаго по зависти тайнаго врага. Вообще скупой на мотивировку поступковъ дѣйствующихъ лицъ, Шиллеръ, по нашему мнѣнію, допустилъ здѣсь излишекъ. Прежде было сказано, что трупъ найденъ обнаженнымъ—можно догадаться, что онъ былъ ограбленъ, и, слѣдовательно, убійство совершено изъ-за грабежа разбойниками. Впрочемъ, оттого не легче судьямъ. Имъ неизвѣстно, гдѣ искать убійцу.. Быть можетъ, въ то

время, какъ его разыскиваетъ месть, онъ, пользуясь плодами своего злодѣйства, спокойно ходитъ среди собравшихся грековъ, или, не боясь ни бога, ни людей, находится на порогѣ храма или же, вмѣстѣ съ толпой, дерзко тѣснится къ самому театру.

Десятая строфа вводитъ насъ въ греческій театръ и самымъ непринужденнымъ образомъ связываетъ послѣдующую часть съ предъидущимъ разсказомъ.

Начинается третья часть. Она представляетъ открытіе и наказаніе убійцъ, катастрофу, и есть главная, эффектная. Повѣствованіе обращается въ драму. Языкъ мгновенно становится возвышеннѣе, звучитъ торжественно, празднично. Поэтъ обнаруживаетъ все свое могущество. Блестящее изображеніе греческаго театра съ его глубокимъ религіозно-національнымъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ въ греческой жизни, затѣмъ образцовое изображеніе греческаго хора, по живописности, изящности и силѣ, это—лучшіе перлы не только въ этой балладѣ, но и вообще въ нѣмецкой поэзіи; изъ извѣстныхъ намъ мѣстъ съ ними можетъ быть поставлено только изображеніе Харибды въ „Кубкѣ".

Вся сцена совершается въ театрѣ. Зданіе до того громадно, что верхнія его сидѣнія какъ бы теряются въ синевѣ небесъ. Садясь на скамьѣ, за скамьей, зрители жмутся другъ къ другу и, въ ожиданіи представленія, глухо шумятъ, точно волны великаго моря. И откуда ихъ нѣтъ! Они сошлись и изъ Беотіи, Фокиды, Спарты, Аѳинъ, изъ малоазіатскихъ прибрежныхъ колоній, и изъ всѣхъ многочисленныхъ островов. Поэтъ не перечисляетъ всѣхъ земель. Дѣло поэта всегда указать главное, выдающееся, чтобы по указанному составить представленіе и о всемъ остальномъ. Онъ такъ и поступилъ. Видно, что здѣсь были представители самыхъ различныхъ греческихъ мѣстъ и племенъ, и въ распорядкѣ ихъ можно видѣть преднамѣренность. Между ними первое мѣсто отведено аѳинянамъ: устроитель ихъ города, Тезей, установилъ въ честь Посейдона и истмійскія игры; затѣмъ, по нисходя-

щей степени въ ихъ значеніи, указаны жители другихъ центральныхъ мѣстностей, потомъ посѣтители съ малоазіатскихъ колоній и, наконецъ, населеніе острововъ. — Но выступаетъ ожидаемый хоръ, и, смолкнувъ, всѣ прислушиваются къ его страстной мелодіи.

Хоръ идетъ по древнему обычаю—строго и важно, медленнымъ и мѣрнымъ шагомъ выступаетъ онъ изъ-за „сцены" и по оркестру обходитъ вкругъ „театра". На видъ это что-то особенное, не изъ рода обыкновенныхъ смертныхъ. Походка ихъ не простая—такъ не могутъ ходить земныя женщины, ростъ ихъ — гигантскій, несравненно выше человѣческаго; одежда — черная мантія, она бьется о бедра, руки — сухія, тощія, махаютъ факелами съ темно-краснымъ свѣтомъ, въ щекахъ ни кровинки, и гдѣ обыкновенно пріятно для глазъ развѣваются волосы, тамъ, на головѣ, змѣи и эхидны раздуваютъ свои, пучащіяся отъ яда, чрева.

„Во всѣхъ греческихъ сагахъ, говоритъ Шиллеръ, нѣтъ болѣе страшнаго и вмѣстѣ безобразнаго образа, какъ эти фуріи, когда онѣ выходятъ изъ подземнаго царства, чтобы преслѣдовать преступника. Отвратительно искаженное лицо, худощавая фигура, голова, вмѣсто волосъ, покрытая змѣями, и т. д." И свое представленіе о внѣшнемъ видѣ эринній Шиллеръ всецѣло воплотилъ въ данномъ мѣстѣ баллады, употребивъ самыя яркія краски. При высокомъ ростѣ, худощавость, при черной мантіи свѣтъ факеловъ, тощія руки, блѣдныя щеки, и въ заключеніе прямое противоположеніе вьющимся прекраснымъ волосамъ ядовитыхъ змѣй—это такія черты, которыя какъ нельзя болѣе рѣзко обрисовываютъ этихъ страшныхъ богинь мщенія, и однако какъ ни ужасенъ выходитъ образъ, онъ доставляетъ удовольствіе самому развитому эстетическому чувству. Почему такъ? Потому, что при яркости и обиліи красокъ, соблюдена поэтомъ должная мѣра, нѣтъ ни излишества, ни напыщенности. Онъ самъ утверждалъ: „Напыщенное смѣшеніе красокъ привлекаетъ и ослѣпляетъ въ особенности читателей, понимающихъ только чувственное и, подобно дѣ-

тямъ, восхищающихся пестротой. Но какъ мало говорятъ образы подобнаго рода тонкому чувству изящнаго, которое удовлетворяетъ не богатство, а благоразумная бережливость, не матерія, а красота формъ, не смѣсь, а тонкое разнообразіе!“

„Истинно прекрасное основывается на строжайшей опредѣленности, на полнѣйшемъ отвлеченіи, на совершеннѣйшей внутренней необходимости“.

Если страшенъ внѣшній видъ исчадій ада, то еще ужаснѣе ихъ внутренній обликъ. Вотъ онѣ, вертясь вокругъ, начинаютъ свою торжественную пѣснь. Ихъ пѣніе насквозь пронизываетъ сердце, раздирая его; помрачаетъ умъ, проникаетъ до мозга костей, злодѣя опутываетъ крѣпкими узами, смущаетъ его. Пѣснь такъ громка, нечеловѣчна, страшна, что́ противъ обычая, не сопровождается игрой лиры — пріятныя звуки послѣдней не согласовались бы съ этимъ, возбуждающимъ ужасъ, пѣніемъ эринній.—Онѣ поютъ:

»Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ:
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданія тьмы.
Не мните скрыться—мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ – веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ.

Пѣснь — грозная, роковая. Она возвѣщаетъ свободу отъ эринній только тѣмъ, кто сохранилъ безпорочной свою дѣтски-чистую душу: его жизненный путь безпрепятственъ; но горе, невыносимое горе, кто въ тайнѣ совершилъ тяжкое

убійство: онѣ, это страшное отродье темной ночи, слѣдуютъ ему по пятамъ, и куда бы ни бѣжалъ онъ, — точно крылатыя, онѣ уже въ томъ мѣстѣ и бросаютъ въ ноги ему путы, такъ что онъ долженъ, наконецъ, упасть на землю. Отъ нихъ ему спасенія нѣтъ — никакое раскаяніе его не можетъ примирить съ ними, не отставая ни на мгновеніе, онѣ преслѣдуютъ его безъ отдыха, безъ перерыва, до самаго подземнаго царства, гдѣ находятся тѣни мертвыхъ, но и тамъ не освобождаютъ его.

Такъ пѣли онѣ, сопровождая свое пѣніе танцами, а все собраніе угнетала мертвая тишина, какъ будто бы было вблизи божество. И торжественно, по старому обычаю, обходя окружность театра, медленнымъ и мѣрнымъ шагомъ удаляются онѣ, и опять исчезаютъ въ заднемъ планѣ строенія, тамъ, откуда пришли.

Хоръ выполнилъ свою роль до того искусно, что произвелъ полную иллюзію: зрители недоумѣвали, видѣли ли они дѣйствительныхъ эринній, или только прекрасныхъ театральныхъ актеровъ, и каждый, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, чувствовалъ присутствіе страшной высшей силы, той, которая, подготовляя преступнику гибель,

Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Въ глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

Эта сила — неподкупная Немезида, вѣстницы которой эринніи — миѳическое олицетвореніе мученій преступной совѣсти человѣка. Какъ бы глубоко ни палъ человѣкъ, въ тайникахъ его сердца всегда живетъ сознаніе справедливаго воздаянія; совѣсть осуждаетъ и наказываетъ его, хотя бы преступленіе не было открыто, постоянно страшитъ и тревожитъ, хотя для постороннихъ глазъ онъ можетъ казаться совершенно спокойнымъ.

Чувствуя наитіе высшей силы, всѣ въ оцѣпенѣніи и страхѣ трепещутъ ея, безпрекословно и безмолвно покоряются ей—таково дѣйствіе сценическаго представленія!

Театръ для грековъ не былъ простой забавой: онъ имѣлъ у нихъ смыслъ серьезный, облагораживающій. Уже однимъ хоромъ драма возносилась надъ обиходной жизнью въ идеальную сферу искусства; она была частью богослуженія, религіозно-общественнымъ дѣломъ. Потому видѣнное въ театрѣ и напоминаетъ зрителямъ о Немезидѣ, и поэзія производитъ такое же впечатлѣніе, какъ и самая жизнь, дѣйствительность.

Девятнадцатая строфа чрезвычайно возвышаетъ достоинство хора, между тѣмъ она также прибавлена Шиллеромъ уже по совѣту Гете, который писалъ ему: „Послѣ 14 строфы, гдѣ удаляются эринніи, я помѣстилъ бы еще одну, чтобы представить произведенное хоромъ настроеніе народа и чтобы отъ серьезныхъ разсужденій честныхъ гражданъ перейти къ изображенію одновременной разсѣянности преступниковъ, и затѣмъ заставить бы убійцу произнести свое необдуманное замѣчаніе глупо, грубо и внятно только для его круга сосѣдей; отсюда между нимъ и близко сидящими возникъ бы споръ, послѣдній привлекъ вниманіе народа, и т. д. Этимъ путемъ, а равно и полетомъ журавлей, все разыгралось бы совершенно естественно, и, на мой взглядъ, дѣйствіе возвысилось бы, между тѣмъ какъ теперь 15 строфа начинается слишкомъ громко и значительно, почти ожидаешь чего то другого“. Оставивъ безъ удовлетворенія вторую часть предложенія, Шиллеръ воспользовался первой половиной и составилъ 19-ю строфу, чѣмъ, возвысивъ дѣйствіе хора, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ понятнымъ естественность послѣдовавшаго восклицанія убійцы и того, что оно привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе.

Немезида при посредствѣ поэзіи совершаетъ свой праведный судъ.

Во время тишины и все еще длившагося тяжелаго, серьезнаго настроенія, вдругъ съ верхнихъ ступеней слышится чей то голосъ: „смотри, смотри, Тимоѳей, вонъ журавли Ивика!“ Это—голосъ одного изъ убійцъ. Сидя на самыхъ высокихъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно помѣщался простой на-

родъ, разбойникъ увидалъ журавлей прежде другихъ; журавли летѣли по направленію къ театру и изъ-за сцены пока еще не были видны тѣмъ, кто сидѣлъ ниже. Что заставляетъ убійцу произнести восклицаніе? Не будемъ преувеличивать значеніе пѣнія хора, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые изъ критиковъ: они хотѣли бы видѣть здѣсь результатъ одинаково ошеломляющаго дѣйствія хора на всѣхъ зрителей, въ томъ числѣ и на убійцъ, которые, будто бы, при видѣ журавлей, въ страхѣ и раскаяніи произносятъ предательское слово. Нѣтъ, хору отдадимъ должное; оттого его художественное значеніе не уменьшится. Не каждое сердце одинаково потрясено имъ. Душа суроваго человѣка менѣе подготовлена къ воспріятію волшебныхъ прелестей поэзіи, и убійцы поэтому не могли быть охвачены пѣніемъ въ одинаковой степени съ остальными. Самъ Шиллеръ въ письмѣ къ Гете такъ объясняетъ душевное настроеніе убійцы: „Убійца между зрителями; пьеса, правда, не особенно тронула и подавила его, это не мое мнѣніе; но она напомнила ему о его дѣлѣ, а слѣдовательно и о томъ, что́ при этомъ случилось: его душа поражена, явленіе журавлей должно застигнуть его въ это время, такимъ образомъ, врасплохъ, онъ человѣкъ грубый и глупый, надъ которымъ моментальное впечатлѣніе имѣетъ полную власть, и громкое восклицаніе при этихъ обстоятельствахъ естественно.“ Если пьеса лишь „напомнила ему,“ то значитъ она подѣйствовала не столько на его сердце, сколько на его голову, память. Подлетающую стаю журавлей онъ счелъ за ту, къ которой обращался Ивикъ о мщеніи; ему показалось, что она какъ бы летитъ выполнить порученіе Ивика. Точно не сообразивши, онъ произноситъ слово, а слѣдовательно восклицаніе—не плодъ сокрушеннаго признанія, а скорѣй—невольное выраженіе боязливаго замѣшательства, смущенія, которое произошло отъ неожиданнаго совпаденія полета журавлей и появленія эриннiй.

Вслѣдъ за восклицаніемъ помрачается небо; надъ театромъ

черноватою толпой медленно проносится большая стая журавлей.

Вплетеніе въ канву событія жителей воздуха у поэта красиво и совершенно естественно. Этихъ вѣстниковъ боговъ народъ считалъ знающими, открывателями преступленій, и ихъ появленіе надъ театромъ должно было произвести сильное впечатлѣніе не только на убійцъ, но и на остальныхъ зрителей.

Моментъ для произнесенія имени Ивика выбранъ поэтомъ необыкновенно удачно. Въ другое время, народъ могъ бы не разслышать или пропустить мимо ушей, но теперь, когда онъ находился подъ вліяніемъ пѣнія и загадочно-неожиданнаго полета журавлей, когда его молчаніе было похоже на затишье передъ бурей, въ это время, онъ жадно схватываетъ случайное слово. Дорогое имя снова болѣзненно тронуло каждое сердце, и, какъ въ морѣ волна за волной, бѣжитъ изъ устъ въ уста вопросъ о томъ, что̀ значитъ это восклицаніе? Вопросъ произносится все громче, и у всѣхъ, точно подъ наитіемъ свыше, въ предчувствіи чего-то страшнаго, необыкновеннаго, съ быстротою молніи мелькаетъ грандіозная мысль: догадываются, что здѣсь проявленіе божественнаго возмездія и требуютъ схватить подозрѣваемыхъ.

„Убійца тутъ!
То эвменидъ ужасный судъ!
Отмщеніе за пѣвца готово:
Себѣ преступникъ измѣнилъ...
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!“

громко произносятъ всѣ присутствующіе.

Шиллеръ съ тактомъ не воспользовался здѣсь совѣтомъ Гете относительно изображенія того способа, какъ народъ обращаетъ вниманіе на убійцъ и нападаетъ на слѣдъ преступленія. „Если я, отвѣчалъ онъ Гете, восклицаніе убійцы заставлю услышать только ближайшихъ зрителей и между ними возникнуть движенію, которое, какъ поводъ, сообщается и всему

цѣлому, то отягощу себя деталью, которая, при такомъ напряженномъ ожиданіи, слишкомъ затруднитъ меня, ослабитъ цѣлое и раздвоитъ вниманіе". Нѣсколько позднѣе онъ прибавилъ: „Впечатлѣнію, произведенному восклицаніемъ, я посвятилъ еще одну строфу; но дѣйствительное открытіе преступленія, какъ слѣдствіе крика, изобразить пространнѣе я не пожелалъ". Такимъ образомъ, вопреки настояніямъ Гете, отъ гнетущей тишины къ всеобщему волненію Шиллеръ употребилъ быстрый переходъ, и изображеніе дѣйствія, какое произведено восклицаніемъ, кажется теперь гораздо эффектнѣе.

Едва сорвалось съ языка слово, убійца, подмѣтивъ результатъ, сильно желалъ бы, что бы оно не вылетало, мысль хранилась бы въ груди, но уже поздно! Поблѣднѣвшее отъ ужаса лицо выдаетъ виновныхъ; ихъ схватываютъ, влекутъ, представляютъ къ судьѣ,—и театръ превращается въ судъ; и сознаются виновные, застигнутые лучемъ мести.

На этомъ сравненіи, взятомъ отъ молніи, и обрывается разсказъ — кратко и сильно. На обвиненіе Гете, что заключеніе употреблено „совсѣмъ поспѣшное", Шиллеръ возразилъ: „Какъ скоро путь къ открытію убійцъ найденъ—балладa оканчивается, другого болѣе нѣтъ ничего для поэта". Послѣ блестяще выполненной катастрофы, всякое промедленіе было бы излишне: оно ослабило бы только интересъ. И безъ того ясно, что поэтическое представленіе кары эвменидъ становится дѣйствительностью, что судъ постигаетъ убійцъ тутъ же, въ театрѣ; гдѣ чистая душа находитъ высшее наслажденіе, тамъ преступнику угрожаетъ опасность.

Отсюда понятна идея, какую хотѣлъ выразить Шиллеръ. Для грековъ, въ глазахъ которыхъ поэтъ былъ лицомъ священнымъ, и театръ имѣлъ религіозное значеніе, главной рѣшающей силой въ событіи могла показаться карающая Немезида, произносящая свой приговоръ при помощи поэзіи и устами суда.

„Внемлите,
То сила Эвменидъ!"

восклицаютъ они, угадавъ убійцу. Многіе критики мысль о карающемъ божественномъ правосудіи и считаютъ главной идеей произведенія—въ доказательство, между прочимъ, приводятся сродныя по содержанію нѣмецкія саги. Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было бы Шиллеру подробно говорить о поэтѣ, его свойствахъ и народной къ нему любви? зачѣмъ съ такой обстоятельностью изображать театръ, хоръ и т. п.? Чудесность, какъ поняли ее греки и толкователи Шиллера, могла очаровать слабо. Онъ оставался тѣмъ же, какимъ мы знали его въ періодъ созданія имъ предъидущихъ балладъ, рѣзко противопоставлялъ себя „наивнымъ" поэтамъ. "Наивный (очень близко къ современному понятію—объективный) поэтъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ только простой природѣ и ощущенію и ограничивается только подражаніемъ дѣйствительности: у сантиментальнаго (близко къ понятію: субъективный) поэта уже совершенно иначе. Онъ отражаетъ впечатлѣніе, произведенное на него предметами, и на этомъ отраженіи основывается то́, что онъ самъ растроганъ и заставляетъ насъ быть растроганными. Предметъ у него весь подчиненъ идеѣ, и на этомъ подчиненіи покоится вся поэтическая сила". Могъ-ли послѣ того онъ удовольствоваться непосредственнымъ пониманіемъ зрителей и толкователей, какъ равнымъ образомъ и тѣми возрѣніями, какія нашелъ онъ въ матеріалѣ, изъ котораго создалъ балладу? То и другое ему должно было показаться наивнымъ, и онъ постарался вложить свое „абсолютное содержаніе", однако совершенно въ духѣ греческаго міровоззрѣнія и быта.

2. Ленора и Людмила

(П. Загарина).

Въ „Вѣстникѣ Европы" 1808 года помѣщаетъ Жуковскій свою передѣлку баллады Бюргера „Ленора", назвавъ ее русскимъ именемъ „Людмилы".

Основной мотивъ „Леноры" тотъ, что неутѣшная скорбь по дорогомъ умершемъ безумна.

Заявленіе правъ страсти, постигнутой безвозвратной потерей, неужели должно остаться безотвѣтнымъ? Неужели скорбь потерпѣвшаго такой ударъ безъисходна? Должна ли она разрѣшиться потоками слезъ — и за ними должно послѣдовать обидное примиреніе съ этою необходимостью и равнодушное забвеніе, оскорбительное утѣшеніе „новою подругою", какъ рѣшалъ „Свѣтскій философъ"? Но гдѣ же тогда и высокое значеніе любви, въ которое такъ вѣрятъ и Бюргеръ и Жуковскій? Мелко для нихъ такое скоропреходящее чувство: имъ они удовлетвориться не могутъ. Они понимаютъ это чувство, какъ нѣчто роковое; разъ предавшись ему, человѣкъ рѣшаетъ судьбу всей своей жизни. Ничто не можетъ изгладить его. Сама смерть безсильна въ этомъ. Не здѣсь, въ этомъ земномъ мірѣ, суждено осуществиться желанному соединенію—такъ оно осуществимо тамъ, въ мірѣ лучшемъ. Вотъ основной догматъ любви, какъ готовиться его рѣшить Жуковскій.

Содержаніе баллады навѣяно Бюргеру народной поэзіей. Была дѣвушка, не знавшая такого примиренія съ горемъ; ея страсть была недостаточно духовна; скорбь ея о потерѣ друга переступила предѣлы, за которыми уже лежитъ область мрачнаго отчаянія. Что будетъ съ ней, такъ безгранично привязанной къ этому обманчивому земному счастью?

Баллада Бюргера выводитъ эту дѣвушку въ тотъ моментъ ея жизни, когда, долго ожидая напрасно возвращенія дорогого ей Вильгельма, она уже не находитъ болѣе силъ переносить разлуку съ нимъ. Съ особенною яркостью выступаетъ ея горе, когда скорбныя жалобы во 2-ой строфѣ баллады смѣняются праздничными звуками торжественной картины возвращенія воиновъ съ пѣснями и радостной музыкой. Вотъ и тѣ счастливицы, которыя въ рядахъ побѣдителей находятъ тѣхъ, кого ждали не напрасно.

Но для Леноры нѣтъ этого счастья. Ряды воиновъ проходятъ мимо—а она остается одна. Чаша ея горя переполнена. Поэтъ изобрѣлъ горчайшее положеніе, какое только можно

было создать для дѣвушки, и безъ того лишенной всякаго душевнаго мира. Вотъ первый актъ драмы.

Въ изступленіи, распустивъ свои волосы, черные, какъ перо ворона, грянулась о землю потерявшая все въ жизни Ленора. Поэту нужна такая страстность въ его героинѣ; онъ ее испытываетъ; онъ хочетъ теперь поискать въ ней силы, которая могла бы исцѣлить такъ жестоко раненое сердце. Сила эта выше всякой скорби: она должна поддержать и вдохнуть новую жизнь въ пошатнувшуюся душу малодушной дѣвушки. Сила эта—мыслитъ тайно поэтъ—покорность Богу; но онъ не прерываетъ живой картины сентенціями: мысль свою бережетъ онъ про себя; ни однимъ словомъ не участвуетъ онъ въ повѣствованіи и вводитъ на сцену новое лицо—мать несчастной дѣвушки.

Сцена между матерью и дочерью ярко дорисовываетъ намъ характеръ героини. Три раза подступаетъ мать съ словомъ утѣшенія къ желающей жить, жаждущей немедленнаго земнаго счастія дѣвушкѣ, и конечно—безуспѣшно. Эта наивная рѣчь доброй старушки, которая возлагаетъ такъ много надежды на силу молитвы, вѣритъ и въ силу своей материнской ласки, и въ молодость своей дочери,—служитъ новымъ контрастомъ съ неудержимымъ ропотомъ глухой къ ея рѣчамъ дѣвушки.

„Нѣтъ у Бога состраданія! Къ чему послужили мнѣ мои молитвы?“ восклицаетъ она на совѣтъ матери прочесть поскорѣе молитву. Тогда, желая подѣйствовать на возбужденныя чувства дочери и затронуть въ ней другую страсть—негодованіе къ недостойному (быть можетъ) ея любви человѣку, мать высказываетъ предположеніе, не забылъ-ли ее женихъ на далекой сторонѣ и не измѣнилъ ли ей. Но не помогаетъ и эта хитрость. Въ отчаяніи клянетъ Ленора свое рожденіе и желаетъ одной смерти: „Погасни мой свѣтъ на вѣки! Умри, умри во мрачной тьмѣ холодной ночи!“

Тогда мать испытываетъ послѣднее средство: она произноситъ наконецъ то, чтó такъ убѣдительно въ глазахъ роман-

тическаго поэта: развѣ женихъ не будетъ твоимъ тамъ, въ иномъ мірѣ? т. е. она указываетъ ей на исходъ, столь симпатичный самому поэту: жить терпѣливой страдалицей и въ тихой грусти доносить бремя жизни. Но отъ этого горькаго совѣта матери не исцѣляется, а только сильнѣй приливаетъ отчаяніе несчастной. Предложенный идеалъ терпѣливой надежды своимъ контрастомъ съ неумѣющей терпѣть и надѣяться Ленорой рельефно дорисовываетъ намъ на ея лицѣ черты неукротимой страсти. Несчастное существо, созданное поэтомъ единственно для того, чтобы бросить его потомъ на жестокую казнь, освѣщается здѣсь лучомъ его собственнаго идеала, намѣренно направленнымъ на ея скорбныя черты. И при его суровомъ освѣщеніи выступаетъ теперь передъ нами уже не бѣдное дитя, съ тоской прильнувшее къ груди матери, не страдалица, достойная состраданія,—но обезумѣвшая отступница.

Здѣсь конецъ второго момента драмы. Отселѣ поэтъ готовитъ грѣшницѣ пытку за то, что она предалась безгранично страсти своей; пусть же эта страсть поглотитъ ее высшимъ мученіемъ.

Въ изложенной нами 1-й половинѣ баллады нельзя не видѣть обилія оттѣнковъ въ изображеніи всѣхъ переливовъ чувства. И какая въ то же время послѣдовательность со стороны поэта своему далекому отъ земнаго счастія идеалу! Не даромъ героиней своей баллады дѣлаетъ онъ эту осмѣлившуюся возвысить голосъ протеста плоть съ ея земнымъ пониманіемъ счастія. Онъ ведетъ дѣйствіе быстро впередъ и сейчасъ мы увидимъ, какъ онъ умертвитъ эту плоть, бросивъ ее въ объятія скелета!

3-я часть баллады изображаетъ намъ Ленору въ полночь, въ ея комнаткѣ. Она не спитъ. Вдругъ слышитъ она, какой-то всадникъ сходитъ съ коня подъ ея окномъ. Вотъ онъ стучитъ кольцомъ въ двери. Наконецъ раздается его привѣтливый голосъ. Кто же можетъ это быть, кромѣ Вильгельма? И такъ надежда возвратилась! Чѣмъ горше была ея скорбь,

тѣмъ сильнѣе теперь приливъ восторга, съ которымъ встрѣчаетъ она друга... Обманъ! Поэтъ издѣвается надъ своей жертвой: это осуществленіе преступнаго идеала—только иронія надъ этимъ идеаломъ. Ни читатель, ни Ленора въ первый моментъ не знаютъ того, чтб автору хорошо извѣстно: это не Вильгельмъ, а призракъ.

Счастливая, позабывъ и мать, и только что пережитое горе, бросается она на коня къ своему милому и, обвивъ его рукою, пускается съ нимъ въ знаменитую, исполненную ужасовъ скачку, при блѣдномъ, безжизненномъ и холодномъ свѣтѣ луны, на конѣ призрачномъ, какъ и его всадникъ. Конь и всадникъ не могутъ вынести дневного свѣта; имъ нельзя медлить: быстрѣе и быстрѣе несутся они, и бѣгъ ихъ наконецъ переходитъ въ полетъ вихря; все, освѣщенное луною, быстро мелькаетъ мимо; подъ копытами вспыхиваютъ искры, и гремятъ мосты. Все летитъ передъ взорами, какъ въ головокруженіи: луга, селенія, города, звѣзды и само небо. Вотъ на пути похоронная процессія, и похоронное пѣніе раздается въ ушахъ воплемъ жалобы. Всадникъ зоветъ священника и пѣвчихъ слѣдовать за собою и обвѣнчать его съ молодою невѣстою. Исчезаютъ носилки, и все мчится вслѣдъ за воронымъ конемъ Вильгельма.

И среди этой опьяняющей обстановки, подобно бреду горячечнаго, раздается этотъ вопросъ мертвеца, повторяющійся время отъ времени: „Что, страшно, милая? Ясно свѣтитъ мѣсяцъ!.. Лихо ѣздятъ мертвецы! Боишься мертвыхъ?“ Ленора отуманена, охваченная послѣ недавняго отчаянія вихремъ скачки. Не умѣя дать себѣ отчета во всемъ, что происходитъ вокругъ нея, крѣпко держась за того, кто ей всего дороже, она не понимаетъ этихъ ужасныхъ рѣчей и отвѣчаетъ на нихъ короткимъ восклицаніемъ: „Ахъ, оставь мертвыхъ въ покоѣ“.

Но вотъ и еще призраки. Передъ всадниками мѣсто казни. Вокругъ ея страшныхъ орудій эти призраки носятся воздушнымъ хороводомъ... „За мной! На свадебный мой праздникъ!“

раздается ясный, неумѣстно-радостный призывъ Вильгельма среди ночи, подъ покровомъ которой собрались эти души, отжившія свою мучительную жизнь. Жива и непонятно радостна и рѣчь поэта, бойкимъ трехъ-стопнымъ ямбомъ повѣствующая ужасную повѣсть. Этотъ контрастъ живого метра (живописующаго здѣсь и быстрый бѣгъ коня) съ изображаемою областью смерти — подготовляетъ читателя къ чему-то неожиданному: стихъ звучитъ чѣмъ-то зловѣщимъ. Вниманіе читателя возбуждается съ каждою строфой баллады болѣе и болѣе.

Но вотъ передъ всадниками желѣзныя рѣшетчатыя ворота! Время дорого: пѣтухъ пропѣлъ, и повѣяло утренней прохладой. Несутся они, опустивъ поводья, прямо на рѣшетку; легкій ударъ хлыстомъ разбиваетъ замокъ, ворота распахнулись—замелькали надгробные намятники кладбища, озаренные луною.

Наконецъ обнажаетъ поэтъ передъ читателемъ и передъ ужаснувшейся Ленорой свой загадочный призракъ. Жестокая правда открываетъ очамъ невѣсты, среди ея очарованія: — голый черепъ, станъ скелета съ песочными часами и косою въ рухахъ. И такъ смерть, которую въ безумномъ отчаяніи призывала несчастная дѣвушка, приняла дорогой ей образъ, явилась за нею и отравила обманутой надеждой послѣднія минуты ея горькой жизни.

Исчезаетъ конь, и все окрестъ могилы наполняется призраками, въ ужасной пляскѣ окружающими ее своимъ хороводомъ. Они заслоняютъ полумертвую Ленору отъ нашихъ глазъ—и она скрывается навѣки. „Терпѣніе! терпѣніе, если даже разобьется твое сердце!“ раздаются голоса поднявшихся привидѣній: „Не ропщи на Бога! Отрѣшилась ты отъ своего тѣла,—да будетъ Богъ милосердъ къ душѣ твоей!“

Итакъ устами этихъ призраковъ поэтъ примиряется съ безумною рабою страстей, но примиряется только тогда, когда она явилась его взыскательному оку согласно съ его духовнымъ идеаломъ: не земною съ ея жалкимъ минутнымъ счастіемъ, но въ небѣ, передъ миромъ Правосудія, словомъ,—

когда она совлекла съ себя это несносное для него бремя — ненавистное и проклятое тѣло.

Вотъ какъ умѣла воплощать свои идеалы уже богатая средствами поэтическаго языка поэзія германская.

Бюргеръ подслушалъ основной мотивъ своей баллады въ пѣснѣ народной; народный языкъ далъ ему свое звучное слово, вмѣстѣ съ главными чертами событія и образами его знаменитой баллады. Гдѣ же могъ найти выраженіе для новыхъ и при томъ чужихъ идей нашъ поэтъ?

Его воспитаніе, образцы тогдашней русской литературы представляли мало данныхъ для взятой Жуковскимъ на себя задачи — пересказать балладу Бюргера по-русски. Онъ рѣшился написать подражаніе ей и, повидимому, желалъ придать ей колоритъ русскій. Ленору переименовалъ онъ въ Людмилу, событіе перенесъ въ Литву, во времена Литовскихъ войнъ; его Людмила—славянская дѣвица.

Съ первой же сцены отступаетъ онъ отъ подлинника. Баллада Бюргера начинается тѣмъ, что дѣвушка просыпается отъ страшнаго сна съ короткимъ, тревожнымъ вопросомъ о Вильгельмѣ. Людмила Жуковскаго стоитъ, преклонивъ очи, на распутіи и вздыхаетъ. Рѣчь ея многосложнѣе и, согласно томной ея позѣ—звучитъ какой-то тихой жалобой. Вмѣсто отчаяннаго ропота Леноры, мы и далѣе слышимъ въ отвѣтъ на утѣшеніе матери холодную фразеологію упомянутой выше „тоски по миломъ“. И троекратное обращеніе матери, лишенное того разнообразія, какое мы замѣтили у Бюргера, замѣнено однообразной угрозою наказанія за ропотъ противъ Бога; безъ нужды сцена распространена; авторъ заставляетъ Людмилу лишь повторять свои завѣтныя жалобы.

Какъ метръ у Жуковскаго (4-хъ стопный хорей), болѣе плавный, нежели торопливый ямбъ Бюргера, такъ и рѣчи мертвеца, мало отличающіяся отъ рѣчей другихъ лицъ, лишаютъ всѣ сцены драматической жизненности, а слова самого поэта — той напряженности, которая такъ выдаетъ личное чувство Бюргера. Эта страшная свита, которую по дорогѣ собираетъ вокругъ

себя призракъ Бюргера—здѣсь не приглашается тѣмъ многозначительнымъ тономъ, о которомъ было сказано выше; встрѣча похоронъ и призраковъ на мѣстѣ казни опущена совершенно; смягчена и жестокая рѣчь призрака, нѣсколько разъ повторяющая одинъ и тотъ же вопросъ; здѣсь онъ спрашиваетъ какъ бы съ участіемъ: „Страшно-ль, дѣвица, со мной?“ И вмѣсто ея наивной просьбы: „Ахъ, оставь мертвецовъ!“ обличающей полное непониманіе всего ужаса ея положенія, Жуковскій заставляетъ ее повторять тяжелое двустишіе:

„Что до мертвыхъ, что до гроба?
Мертвыхъ домъ—земли утроба!“

и при томъ послѣ того, когда мертвецъ, на вопросъ Людмилы, гдѣ его домъ, описалъ ей гробъ въ такихъ опредѣленныхъ чертахъ, не забывъ при этомъ и савана, что для читателя должно казаться очень страннымъ ея непониманіе, куда женихъ влечетъ ее.

Сцена на могилѣ передѣлана совершенно. Примчавшійся конь бросается прямо въ могилу. Вскрывается гробъ, и въ немъ Людмила видитъ не скелетъ, но трупъ, обвитый длиннымъ саваномъ. Трупъ привстаетъ и манитъ Людмилу перстомъ, обращаясь къ ней съ рѣчью, которую оканчиваетъ словами:

Сладко спать въ землѣ сырой.

Авторъ Леноры самую смерть своей героини скрылъ отъ насъ—Жуковскій ее изображаетъ. И въ послѣдней пѣснѣ привидѣній, разъяснивъ все событіе, какъ кару за ропотъ, онъ не даетъ ничего болѣе. Потому жизнь Людмилы представляется намъ игрою какой то слѣпой судьбы, въ исходѣ которой почти не участвовала собственной волей неподвижная „славянская дѣва“, точно она принимаетъ казнь за неосторожное слово, одинъ звукъ котораго повлекъ за собою наказаніе. Не сумѣвшая заслужить его, простодушная Людмила должна и менѣе сильно почувствовать его жестокость. Потому въ читателѣ остается какое то чувство сожалѣнія, которое не было

ничѣмъ вызвано, и баллада кажется собраніемъ сценъ страшныхъ, но не страстныхъ. Получивъ характеръ праздной мелодраматической фантазіи, передѣлка Жуковскаго остается далеко позади подлинника, соединяющаго съ психологическимъ раскрытіемъ характера дѣйствующихъ лицъ и другія условія трагическаго дѣйствія.

И такъ на „Людмилу" слѣдуетъ смотрѣть не болѣе, какъ на этюдъ начинающаго художника, который помощью его пробуетъ свою кисть надъ изображеніемъ отдѣльныхъ частей картины, не умѣя еще сладить съ цѣлой. Наиболѣе удачныя части не тѣ, гдѣ изображаются внутреннія движенія дѣйствующихъ лицъ, но тѣ, гдѣ встрѣчаемъ внѣшнее изображеніе мрачныхъ или страшныхъ картинъ. Одни изъ нихъ даже сочинены самимъ поэтомъ:

Чу! Въ лѣсу потрясся листъ,
Чу! Въ глуши раздался свистъ.
Черный воронъ встрепенулся;
Вспыхнулъ въ небѣ огонекъ—

картина, не имѣющая никакого отношенія къ изображаемому дѣйствію; Жуковскій вводитъ ее исключительно изъ пристрастія къ мелодраматизму,—побужденіе внѣшнее, не имѣющее ничего общаго съ идеей стихотворенія.